

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

БЕГСТВО
ОТ СМЕРТИ

Роланд Грин
Леонард
Карпентер

С мечом
против
Ветра

Annotation

Конан, король Аквилонии, попадает под влияние злого бога Ктантоса, желающего обрести мировое господство. Войска Конана ведут войну с армиями Кофа, Немедии, Коринфии и Бритунии. Захватив Офир он сталкивается с армией принца Амиро...

- [Конан Великий](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
-

Конан Великий

Глава I

ПОБЕДА

Широко раскинулась покрытая изумрудным ковром граны долина реки Тайбор. Эта долина, оказавшаяся на стыке границ трех хайборийских королевств — Аквилонии, Немедии и Офира, — была самой короткой, но и самой опасной дорогой между столицами. Многие столетия оспаривали соседи право владения этой плодородной землей.

И вот, в очередной раз на шелковистом ковыльном ковре, лишь кое-где рассеченном кронами отдельно стоящих деревьев да небольшими зарослями кустарников, в строились, словно цветная мозаика, квадраты и прямоугольники отрядов трех грозных армий.

Под ярким солнцем сине-голубыми каплями колыхались на легком ветру плащи императорской армии Офира — пехота, колесницы и стремительные всадники. Войска, подойдя к полю боя с юга, сверкая четкими созвездиями горящих на солнце шлемов и наконечников копий, под ритмичную мелодию, выводимую флейтами, и под барабанную дробь приближались к строю союзников.

В свою очередь, эти полки, неся на себе внушительную тяжесть доспехов, выступали под песочно-желтыми знаменами Немедии. Ощетинившись полукруглыми лезвиями алебард, они разворачивались в боевой строй, войдя в долину с севера. В центре немедийской армии выделялась фаланга закованных в тяжелую броню рыцарей с украшенными черными лентами копьями. За грозным частоколом зазубренных наконечников и островерхих шлемов можно было рассмотреть седовласого и седобородого воина — короля Балта.

Некогда сила, разум и воля привели офицера немедийской армии Балта на трон родной страны. Кожаные доспехи с нашитыми железными бляхами напоминали о боевом прошлом короля. Правда, с тех пор сталь была покрыта гравировкой и тонким золотым узором, как и старый щит короля, на стальной поверхности которого умелый мастер вытравил кислотой и залил золотом изображение герба Немедии — остроклювого грифона с когтистыми лапами. Сейчас этот щит находился в руках у одного из оруженосцев монарха; шлем же Балт держал перед собой на седле.

Почетный эскорта короля Балта проследовал в тылу развернувшихся к западу полков и батальонов, с тем чтобы выйти навстречу другой

внушительной кавалькаде рыцарей в блистающих доспехах, с разноцветными плюмажами на шлемах, а также сверкающих бронзой отделки колесниц. Этот отряд был почетной охраной юного лорда Малвина, грозного офирского генерала, самозванно провозгласившего себя повелителем страны.

Малвин до сих пор не объявил себя королем Офира, отчасти из-за того, что не был уверен, является ли королевский титул более значительным, чем звание Повелителя. Однако это не помешало ему наложить лапу на все земли многочисленного офирского народа и присоединить к ним кое-какие еще, в частности — едва ли не половину тех заливных лугов, которые сейчас топтали солдаты трех армий. В свой почетный эскорт Малвин включил множество офирских баронов, герцогов, маркизов и прочих дворян, чьи солдаты влились в войска Повелителя.

Малвин восседал на белоснежном скакуне, защищенном от клинов врага серебристой кольчугой. Упряжь и стремена украшали крупные сапфиры. Сам же Малвин был облачен в стальные латы, идеально подогнанные по его фигуре, чтобы как можно меньше стеснять движения. Ни единый узор, ни единое украшение не нарушали гладкой, отполированной до блеска поверхности доспехов, как нельзя лучше соответствовавших командующему армией, которая именно под его руководством становилась одной из самых быстрых и грозных в мире.

Повелитель Офира нашел в лице немедийского короля верного союзника в деле борьбы с западным соседом — Аквилонией — за этот лакомый кусок плодородной земли, лежащей к тому же на пересечении речного и сухому того караванных путей. Когда два почетных эскорта приблизились друг к другу, оба правителя выехали вперед и подняли руки в приветственном жесте.

Их встреча — яркое, картиное зрелище, сопровождаемое множеством красок разноцветных знамен, плюмажей и штандартов свиты — вызвала бурю восторга у Обеих армий, развернувшихся на месте, чтобы не пропустить такую сцену. Многие тысячи глоток проорали громогласное «ура!» командирам. Приветственный клич прокатился по всему выгнувшемуся дугой фронту, начиная от стоящих на южном фланге стрелков из Шема, включая бесчисленные когорты крестьян и ремесленников-ополченцев и кончая замыкавшими строй на севере заморийскими наемными эскадронами.

Великолепен был вид обеих армий и обоих монархов; славна была их цель; но путь к ней преграждало одно маленькое препятствие — красные, черные и зеленые квадраты легионов и когорт армии, противостоящей им.

Эти отряды вышли на поле боя с запада, перейдя оставшуюся за их спиной реку Тайбор. Сводное войско гордой Аквилонии состояло из закаленных в боях легионов из столичного гарнизона — Тарантии и второго крупнейшего города страны — Шамара, совершивших скоростной марш-бросок с северных окраин державы гандерландцев и одетых в зеленый лесной камуфляж боссонцев, срочно отзываемых с границы Пустоши Пиктов. Тысяча-другая всадников и дюжина тысяч пехотинцев аквилонской армии казались лишь небольшим дополнением к лесу копий, алебард, частоколу мечей и стене щитов, уже собранных на востоке долины Тайбара.

Аквилонские офицеры заняли свои места в строю. Лишь небольшая группа стражников окружала единственное развевавшееся над армией золотое знамя, под которым восседал на коне легендарный командир — король Конан. Он, судя по его внешности, вовсе не был аквилонцем по рождению; скорее всего родиной черноволосого, могучего варвара были далекие ледяные горы северной Киммерии. Горячий вороной конь прекрасной замбулийской породы — Шеол — нетерпеливо потряхивал угольно-черной гривой. В тон масти скакуна и шевелюре всадника чернела на солнце вороненая сталь кирасы — доспеха Черных Драконов, элитной дворцовой стражи аквилонского правителя.

Конан был не из тех, кто позволил бы сговорившимся противникам вырвать у него из-под носа лакомый кусок аквилонской земли. И хотя его армия явно уступала по численности объединенным войскам противника, боевого духа аквилонским солдатам было не занимать. Наконец, выбрав время для начала атаки — момент встречи двух враждебных королей, — Конан поднял над головой меч и громовым голосом скомандовал: «Вперед!»

Герольды условным сигналом подтвердили его приказ. Звук фанфар практически слился с первым звуком самого боя. Воздух наполнился свистом пущенных залпов в сторону противника аквилонских стрел.

И хотя часть стрел вонзилась в землю или была отражена щитами неприятеля, в целом слава боссонских стрелков была подтверждена: в первых шеренгах вражеского строя появилось множество зияющих брешей. Оставшиеся в живых явно не были готовы к такому повороту дел — было ясно, что лишь страх наказания заставлял их стоять на месте, а не отступить подальше от этого смертоносного дождя.

Еще дважды шквал стрел обрушился на противника, затем пришел черед аквилонской кавалерии. Сквозь открывшиеся в строю стрелков проходы проскаакали знатные тарантийские воины и опытные, бывалые

всадники из провинции Пуантен, Тысячекратно повторенная дробь копыт заставила содрогнуться почву долины.

Настал черед проявить себя стрелкам из Шема, рассыпавшимся перед строем офицеров и немедийцев. Их короткие, толстые луки быстро перезаряжались и легко натягивались, но против закованных в сталь и несколько слоев кожи, быстро движущихся целей оказались малоэффективны. Почти без потерь неслись аквилонские эскадроны к вражескому строю. Всадники пригнулись к гривам скакунов и грозно выставили вперед, параллельно земле, свои копья.

Словно гигантская океанская волна ударила о гранит прибрежной скалы — это аквилонская конница сомкнулась с уже поредевшим от стрел строем противника. Выставленные пехотинцами вперед копья и алебарды выбили из седел лишь считанных всадников. Оставив копья в груди пронзенных, подчас насеквоздь, солдат, рыцари ворвались в глубину строя и мгновенно выхватили мечи, боевые топоры и палицы. Умело действуя этим оружием, они прорубали широкий проход для своей пехоты — в основном гандерландцев в красных куртках, — которая с боевым кличем бегом следовала за своей кавалерией.

Вновь у шемитских стрелков появился шанс проявить себя. На этот раз их стрелы поражали слабо защищенные цели с большей эффективностью. Но тут перед стрелками возникло новое препятствие: неожиданно для них между их строем и противником появилась с флангов объединенная кавалерия офицеров и немедийцев, полностью перекрыв сектор обстрела.

Всадники союзников, увидев, что атака аквилонцев нарушила все их планы и заставила дрогнуть пешие когорты офицеро-немедийского войска, решила отчаянной контратакой с флангов переломить ход боя и наказать дерзких аквилонцев.

Но этот примитивный маневр не достиг своей цели, ибо кавалерия оказалась слишком близко от хладнокровно-жестоких боссонских стрелков. Помолившись своим мрачным северным богам с ледяными глазами и поблагодарив их за столь удачно и вовремя появившуюся цель, стрелки натянули свои луки. На этот раз дело не ограничилось тремя залпами — боссонцы от души повеселились. Словно на состязании в меткости, нет, скорее, как на хорошей тренировке, их стрелы находили места стыков пластин офицерских доспехов, отсутствующие или проржавевшие и не замененные звенья немедийских кольчуг, вонзались в шею рыцаря там, где шлем чуть-чуть приподнимался над воротником доспеха. Если же угол был подходящим, то остро отточенный наконечник идеально отполированной и сбалансированной стрелы просто-напросто

протыкал стальную броню с силой, которой хватало еще и на то, чтобы, вонзившись в грудную клетку противника, застрять в его сердце.

Боссонцы, соседи по строю, умудрялись даже наскоро заключать между собой пари перед очередным выстрелом. Подчас стрелки действовали на пару — не один всадник, почувствовав попадание стрелы в кольчугу, успевал лишь удивиться, а затем получить вторую стрелу в глаз прямо сквозь щель забрала. Некоторые рыцари, скав предсмертным напряжением пальцев поводья, продолжали скакать, ощетинившись в одно мгновение дюжины пущенных одновременно, под довольно улюлюканье стрел. Другие, оставаясь живыми, скакали по инерции, уже не способные воевать — их руки были насквозь пробиты стрелами и прикованы к груди, ноги — к лошадиным бокам, а порой и язык — к челюсти.

Неизвестно, уцелел бы в этой бойне хоть кто-нибудь из бросившихся в атаку рыцарей, оказавшихся под прицелом боссонских стрелков, но судьба пощадила несколько десятков всадников, прекратив эту пытку лишь затем, чтобы подставить их под удар другой силы: на поле боя появился резерв аквилонцев — кавалерийский полк, ведомый в бой самим королем Конаном.

Опытный воин, аквилонский правитель безошибочно верно рассчитал время начала атаки. Оставшиеся в живых рыцари противника уже не представляли серьезной силы и были мгновенно сметены Черными Драконами. И тогда, пронесясь галопом за спинами яростно сражающихся гандерландцев, резервный полк ворвался в еще не закрытый пехотой противника проход в его правом фланге, из которого и начала свою неудачную контратаку кавалерия офицеров и немедийцев. План Конана был ясен — проникнуть в тыл неприятельских войск, пробиться к самому их центру.

Препятствием к этому могли бы стать стрелки, нанятые офицерами в Шеме. Но их стрелам, выточенным из дуба, в отличие от северного тиса, не хватало пробивной силы. Увидев, как малоэффективно оказалось их оружие против тарантийской стали, стрелки дрогнули. Их второй залп, несмотря на сократившееся расстояние до цели, был куда менее дружным и точным. Третий же и вовсе больше походил на бесцельную конвульсию стрелков, отчаянно бросивших луки и схватившихся за рукоятки бронзовых мечей.

Кавалерия ворвалась в строй шемитских солдат, подмяла их своими подкованными копытами. Не единожды длинные мечи аквилонских всадников с одного взмаха сносили две, а то и три головы вражеских солдат. Против закованных в железо всадников, вооруженных длинными

стальными клинками, короткие бронзовые мечи шемитов оказались еще более бесполезными, чем их луки. Наёмники из Шема, те, кто не погиб под безудержным натиском аквилонцев, бросились врассыпную. Убегая с линии атаки кавалерии, они врывались в соседние когорты, нарушая их строй и заражая своей паникой.

Словно раскаленная игла, черно-красный строй аквилонцев вонзился в сине-голубую массу огирской армии. Еще не все отряды в коричнево-песочной немедийской форме поняли, что происходит, а передовой эскадрон аквилонцев уже прошел большую часть пути до намеченной цели.

Вырвавшись на простор в тылу огирской армии, Черные Драконы обнаружили, что пышно разукрашенные церемониальные фаланги обоих вражеских монархов изрядно поредели. При дальнейшем приближении выяснилось, что сами доблестные рыцари — защитники Балта и Малвина — позорно бежали, оставив вместо себя оруженосцев, свиту и гвардейцев-охранников.

Король Конан добился главного: оставшись без офицеров, без управления, вражеский строй дрогнул, а вскоре его отступление превратилось в беспорядочное бегство. Рассыпавшийся строй, бегущие солдаты — все это представляло собой легкую цель как для гандерской пехоты, так и для тарантийской и шамарской конницы. Подтянув поближе боссонцев, Конан приказал начать преследование противника по всему фронту.

Глава II

НА ПОЛЕ БРАНИ

Ночь, мрачная укрывательница черных деяний смерти, набросила свой плащ на долину Тайбора, словно сомкнув навеки глаза павших воинов. Но вскоре серебряное око ночного божества почти полным диском поднялось над горизонтом, заливая долину своим ледяным

безжизненным светом, обнажая то, что смерть хотела бы скрыть до тех пор, пока трупы не обезобразят до неузнаваемости тлен и воронье. Словно борясь со слабым холодным лунным полусветом, тьма затянула небо дымом, шедшим от горящих по краям долины деревень. Их подожгли отступающие, не желая оставлять противнику ни единого целого дома. Так, в борьбе холодного света и горькой, едкой тьмы протекала ночь.

Вслед за луной, с востока на поле боя вышла одинокая тень, пустившаяся в извилистый путь среди груд человеческих и лошадиных трупов. Эта тень могла показаться духом сражения, усталым от войны богом или же... самое невероятное предположение оказалось истиной: по долине, шатаясь от усталости, преодолевая боль от многочисленных ран, брел человек в изорванной одежде, в изрубленных и искалотых вражеским оружием доспехах. Без шлема, с рассыпавшейся по плечам гривой черных волос, он брел по полю с длинным мечом в руках. Высшего качества, королевский по стали и украшению клинок был иззубрен и покрыт слоем запекшейся крови, смешанной с грязью. Одинокий воин, с трудом удерживая меч, пошатываясь, брел по долине, обходя совсем непреодолимые завалы из трупов.

Неожиданно он остановился и прислушался: до его ушей донесся слабый, нечленораздельный стон. Сориентировавшись на звук, одинокий воин подошел к еще живому, смертельно раненному офирскому пехотинцу. Солдат в синем плаще был пронзен копьем нас kvозь. Стальной наконечник вошел в его живот и, выйдя из спины, пригвоздил несчастного к земле. Остроконечный шлем офицера был отброшен в сторону, а земля в пределах досягаемости его рук изрыта в бессильных попытках освободиться. Услышав шаги, солдат в последнем усилии поднял голову и, давясь собственной кровью, заливавшей ему рот и стекавшей по подбородку, прохрипел:

— Добей меня... Во имя Митры, я молю тебя о милости... добей...

Его отчаянная мольба была оборвана ударом меча, вонзившегося ему в горло. Пусть и не очень точный, удар все же сделал свое дело; когда тело офицера перестали бить последние судороги, одинокий воин выдернул меч из его шеи и побрел дальше. Некоторое время спустя его внимание привлекло какое-то движение среди мертвых тел. Тяжелыми шагами воин приблизился к шевелящемуся человеку — здоровяку-гандерландцу, чей живот был наискось вспорот ударом алебарды. Не издавая ни звука, если не считать тяжелого, хриплого дыхания, обезумевший от боли, обреченный солдат продолжал бороться. С того места, где его настиг удар врага, он прополз несколько шагов, волоча по траве вываливающиеся из живота внутренности. Иззубренный клинок описал в воздухе широкую дугу и, задев край шлема обреченного солдата, вонзился в его шею, застряв в кости у основания черепа. Милосердному палачу пришлось немало потрудиться, чтобы освободить свое оружие. Отдышавшись, он оперся на клинок и оглядел поле боя, гадая, сколько еще несчастных — его верных подданных и попавших в жестокую мясорубку солдат противника — дожидается последней милости среди гор трупов и перепаханной лошадиными копытами земли. Казалось, чувство, сходное с паникой, охватило одинокого воина; пошатываясь, он, словно на ходулях, пошел по полю, перешагивая через мертвые тела, спотыкаясь о них и озираясь по сторонам.

Обходя громаду перевернутой колесницы, он вздрогнул, услышав обращающийся к нему голос, в котором не было ни боли, ни отчаяния, ни ужаса:

— Эй, ты, палач обреченных, меня не трогай! Пощади меня во имя Крома, Маннанана, Митры или кого там еще, во чье имя ты устроил это пиршество освобожденных от страданий душ.

Чертыхнувшись, усталый воин присмотрелся и обнаружил говорившего. Плотно сложенный, с некрасивым лицом, он лежал на земле в тени перевернутой колесницы. Опасности он представлять не мог — тяжелый бронзовый поручень придавил нижнюю часть его тела и, под весом платформы, даже ушел в землю. Но голос — ясный и четкий, несомненно, бесстрашно-дерзкий... как он мог быть таким у смертельно изуродованного человека? Не найдя ответа на этот вопрос, воин с мечом неуверенно ухмыльнулся:

— Пощадить тебя? А зачем? Я ведь солдат, а не торговец рабами. И мой долг честного воина — облегчить последние страдания моих товарищей и противников. Впрочем, все они мне братья, братья по оружию, соратники по единому воинскому братству. И как знать, быть может, когда-нибудь такой же милосердный клинок поможет обрести вечную жизнь

моей душе простого солдата, избавив ее от лишних мучений.

— Простого солдата, говоришь? — переспросил человек, лежавший под колесницей, и в его голосе дерзость смешалась с издевательской насмешкой. — Нет, врешь, никакой ты не солдат! Ты — король!

Это слово прокатилось над долиной, словно заставив встрепенуться тех, кто в действительности уже много часов не слышал ни единого звука из этого мира. Хохотнув, незнакомец продолжил:

— Король Конан Кровавые Руки! Конан Обагренный Топор, венценосный палач из Аквилонии.

Придавленный колесницей человек, однако, показывал чудеса жизнестойкости. Выкрикивая свои титулы оскорблении, он успевал еще и корчить выразительные рожи, жутковато смотревшиеся на его лице, прикрытом чуть не до глаз не по размеру большим шлемом.

— И как король, ты, деспот-иноzemец, можешь не утруждать себя исполнением долга простого солдата. Разве тебе об этом еще не говорили? Не забывай же, ты — король, и для тебя писаны совсем другие законы!

— А ты, однако, неплохо знаком с обычаями королей. — Уставший, израненный Конан не стал отпираться или подтверждать верность догадки незнакомца. — И все же я, пожалуй, избавлю тебя от лишних страданий, которые ты, впрочем, переносишь весьма достойно. И моя душа будет тогда еще чуть более спокойна.

— Страдания? Нет, король-мясник, я ведь даже не ранен. Я слишком доблестный и умелый воин, чтобы быть раненным даже твоими трусливыми, целящимися в спину стрелками.

Незнакомец выразительно закатил глаза и протянул к королю обе руки, показавшиеся несоразмерно короткими по сравнению с коренастым, закованым в латы телом.

— Я бы продолжал сражаться и сейчас, если бы эта проклятая колесница не придавила мне нижние пластины доспеха. — Незнакомец показал рукой на то место, где бронзовый поручень вдавил в землю на уровне бедер веер металлических полос. — Это же просто дешевая подделка, а не настоящий боевой доспех, выданный мне накануне похода с одного из дворцовых складов Ианты. ('толь велико было мое желание участвовать в сражении, что даже жестокосердный старый король Балт не смог отказать мне. Лорд Малвин предоставил мне эту колесницу... Вот ведь пакость какая приключилась — приличного возничего у него, видите ли, не нашлось!)

— Кром, да ты, как я понял, — карлик!

Конан, сообразив, в чем дело, вставил острие меча между пластинами

придавленного доспеха и, надавив, перерезал изнутри кожаные застежки. Словно птенец из скорлупы, из вскрытого доспеха выкарабкался маленький человечек.

— Ну, наконец-то свободен! — воскликнул карлик. Распрямившись в полный рост, он едва доходил Конану до середины бедра.

— А вот и мой грозный меч — Разящий Сердца! Все это время он лежал почти рядом, но за пределами досягаемости. Теперь он снова в моих руках!

Карлик схватил валявшееся где-то под колесницей подобие меча размером чуть больше среднего кинжала и воинственно потряс в воздухе своим потешным оружием, состроив грозную физиономию.

— Ну что, как будем биться? — вызывающе обратился он к Конану.

— Битва окончена, маленький человечек. Твоя сторона проиграла ее.

— Что? Не может быть — такой позор на мою голову! И все же, — встрепенулся карлик, — еще рано говорить о том, что война окончена, и провозглашать имя победителя.

Карлик замахал своим клинком, но его рука была тотчас же перехвачена стальной рукой Конана, который легко забрал опасную игрушку из разжавшегося кулачка.

— Поаккуратнее, малыш, — сказал киммериец. — Кстати, как зовут тебя, урод?

— Сам поаккуратнее, — огрызнулся на него карлик. — Соображай, с кем говоришь. Мое имя — Делвин, да будет тебе известно. Я служу — или служил — королевским шутом при дворе Балта в Бельверусе. Стоит ли отнести мою службу в прошлое, зависит от того, жив ли старина Балт и согласен ли он вновь затребовать мои услуги.

Под доспехами у карлика оказался шутовской костюм, отлично сшитый из дорогого шелка, что подтверждало его ссылки на высокую должность.

— Балт? — переспросил Конан. — Он жив, несмотря на все мои усилия, как, похоже, и его приятель Малвин. По крайней мере, я отдал своим солдатам приказ не убивать командующих вражескими армиями, а брать их в плен живыми, что, впрочем, не удалось.

Это позволяет предположить, — с преувеличенно скорбной миной изрек карлик, — что оба они давно бежали с поля боя. Да, старина Балт давно уже не тот бравый вояка, каким он некогда был. А что касается Малвина, то об этом самодовольном ничтожестве я и говорить не хочу. Ах, какая жалость, что я обречен служить таким слабакам! В наши дни не часто встретишь короля, который готов умереть на поле брани во главе

своей армии, который ухаживает за смертью, как за невестой, и, наконец, обручается с нею. Впрочем, судя по тому, что я о тебе слышал, ты — Конан Коновал — один из таких.

Смиренно склонившись перед тенью Конана, отбрасываемой лунным светом, карлик взмолился:

— Верни мне мой верный клинок, Разящий Сердца, благородный король!

— Нет, приятель. Ишь чего захотел. — Конан засунул оружие шута за ремень, а сам выдернул из земли свой меч. — Я тебе отдам твой тесак, а ты возьмешь да и ткнешь меня в коленку. Пойдем-ка лучше со мной, мой храбрый Делвин, я объявляю тебя своим пленником. — Конан прикинулся дальнейший путь через завалы трупов и, глубоко вздохнув, зашагал по полю. — Как знать, быть может, я сторгуюсь с твоим старым хозяином, и он выкупит тебя за три твоих веса золотом.

— Невыгодная будет сделка, уверяю тебя, — заявил Делвин. — Я стою три твоих немеренных веса золотом, если не больше. Впрочем, этот старый скряга в жизни за меня и одного моего веса... серебром. Он не станет признавать, что я — истинное сокровище, скорее этот болван заявит, что я проклят, что я обрек его на это позорное поражение. И все из-за того, что я советовал ему решить этот территориальный спор единственным достойным путем.

— Король Балт, видать, и впрямь повредился в уме, если нуждается в советах того, кто по определению — дурак.

Конан обошел одиноко стоящий дуб, нижние ветви которого были срублены клинками, а ствол с западной стороны утыкан стрелами. Неожиданно король остановился и сказал:

— Это еще что? Всадники... Знаешь, приятель, если это мои враги, то у тебя еще есть шанс обрести свободу.

Конан выбрал позицию спиной к широкому стволу дуба и поднял меч, но вскоре опустил оружие, ибо стало ясно, что кольчуги троих всадников были черны не только из-за слабого лунного света, а в основном потому, что были сделаны из вороненой стали, из которойковались доспехи Черных Драконов.

— Слава Митре! — раздался знакомый голос. — Это же король! Он жив!

Остановив коня, всадник легко и бесшумно спрыгнул с него, не дрогнув под немальным весом брони, и встал перед королем на одно колено. Конан протянул ему руку. Остальные двое всадников также рухнули на колени перед монархом.

— Ладно, хватит церемоний, Троцеро. — Конан сильно потянул рыцаря за плечо, заставляя того встать на ноги. — Кости Крома. Знаешь же, что я не люблю этого.

— Слушаюсь, ваше величество. — Граф Троцеро вскочил и привычным движением снял с головы шлем, прижав его левым локтем к груди. Красивое широкоскулое лицо графа выражало все еще недоверчивое облегчение. — Мой господин, если бы вы знали, чего мы натерпелись за эти несколько часов, пребывая в неизвестности по поводу вашей судьбы. Мы уже стали гадать, что делать, если окажется, что у Аквилонии больше нет короля, и начали обдумывать, как нам придется отдавать полцарства за то, чтобы выкупить вас, если вы оказались в плену. Какое счастье, что вы нашлись, ваше величество... простите меня...

На глаза сурового воина набежали слезы, и он вдруг снова, опустившись на одно колено, припал губами к руке своего повелителя.

— Прекрати, Троцеро! Я тебя предупреждал...

С этими словами Конан дружески хлопнул графа по плечу, от чего тот, казалось, на полвершка погрузился в землю.

— Вот это король, я понимаю, — заметил за спиной киммерийца Делвин. — Тот, кого так обожают подданные, армия, — далеко пойдет.

— Чушь, — бросил Конан через плечо. — Попридержи язык, гном. Я уже далеко зашел.

— Но Троцеро говорит истинную правду, ваше величество, — подтвердил один из рыцарей, поднимаясь с колен. — Наше отчаяние было беспредельно.

На Делвина он обратил внимания не больше, чем на ребенка, некстати, но не выходя за рамки терпимого, вмешавшегося в разговор.

— Мы действительно страшно перепугались, найдя лорда Эглина и трех ваших телохранителей изрубленными на куски в трех лье отсюда. Больше никто не мог прояснить вашу судьбу, — вступил в разговор третий рыцарь.

— Значит, и Эглин погиб. — Конан сжал кулаки. — Мы попали в засаду, преследуя убегающих со всех ног Балта и Малвина. Эти двое даже не соизволили остановиться, чтобы принять бой вместе со своими телохранителями. Верный Шеол, трижды раненный, вынес меня и вновь спас, но, не пройдя и пол-лье, рухнул на землю. Какой был конь! — Монарх покачал головой. — Ладно, уйдя от погони и оставшись без лошади, я побрел обратно к нашему лагерю, вступая в бой с отступающими солдатами противника, где было возможно, и прячась, когда они встречались мне большими группами. Так я добрел до поля боя, где чуть

задержался, выполняя последний воинский долг по отношению к смертельно раненным... — Конан замолчал.

— А где ваша корона, мой господин? — спросил Троцеро.

— Да ну ее! Когда оказываешься один среди врагов, становится не до побрякушек. Заметят, кто ты такой, — так ведь не убьют в открытом бою, пусть даже десять против одного, а попытаются в плен взять. Этого мне еще не хватало. — Конан почесал в затылке и добавил: — Я засунул корону в груду трупов неподалеку от того места где остался лежать Шеол. Надо будет послать кого-нибудь поискать ее. Штука-то дорогая, да и древняя, как-никак.

— Ваше величество, — голос Троцеро был полон почтения, но тверд, — позвольте мне обратиться к вам как старому другу... Слушай, Конан, не слишком ли ты рискуешь, лично возглавляя погоню в тылу противника? Я давно тебя знаю, привык к твоим выходкам, но пойми: ты — король, и для тебя было бы разумнее поберечь себя...

— Что, Троцеро?! Чтобы я сидел в тылу, как эти трусы — Балт и Малвин, прячась за спинами своих солдат... Возьми свои слова обратно, старина. В конце концов, что ты имеешь в виду: что я старею и уже не гожусь на то, чтобы сражаться бок о бок с моими подданными? Нет, Троцеро, я еще вполне сносный вояка, и до сих пор никому пока не удавалось это опровергнуть.

Да я не об этом, ваше величество... Пойми же ты, Конан: никто не хочет тебя оскорбить, наоборот, тебе все время долбят, что ты слишком дорог и ценен для аквилонского народа, чтобы рисковать своей жизнью в бою. Вполне достаточно будет твоего руководства сражением; вовсе незачем самому махать мечом.

— Нет, Троцеро, ты слишком много от меня хочешь. После долгой тоски во дворце, после всех этих дурацких дел, которыми я занимаюсь от зари до зари, — мне нужна разрядка, действие. Только так я могу вновь почувствовать себя молодым. — Тряхнув черной шевелюрой, Конан добавил: — Ты далее не представляешь, как я хорошо себя чувствую сейчас, несмотря на все эти раны и ушибы. Поймите вы все, наконец, я не только король, я еще и воин! Эти два качества во мне неразделимы. Умри солдат — и правитель тоже скоро конец.

— Я понимаю, ваше величество, — склонил голову граф. — Мне следовало предположить, что вы рассматриваете это дело с точки зрения чести и благородства. —

Протянув Конану поводья, Троцеро добавил: — Вот вам мой конь, ваше величество. Чем скорее вы обрадуете наших солдат своим появлением

— тем лучше.

— Согласен, Троцеро, но ты мне сразу же понадобишься. Я возьму лошадь Ставро, — кивок Конана был с готовностью принят одним из спутников графа, — которому, увы, придется прогуляться до лагеря пешком.

— А как же я, о могучий король? — взмолился Делвин, выразительно заломив руки. — Мои ноги едва ли выдержат на равных с ногами доблестного рыцаря прогулку по столь пересеченной местности, не говоря уже о том, чтобы угнаться за вашими скакунами. К тому же я остаюсь здесь безоружным! Или это означает, что я должен буду сам искать дорогу на Бельверус?

— Нет, шут, разумеется, нет. — Конан не мог скрыть улыбки при виде патетических жестов и ужимок карлика. — Ты ведь мой единственный трофей после этой битвы! Троцеро, не возражаешь, если этот великан поедет на крупе твоего коня, как мешок с репой? Вот так, лорд Ставро, именно таким образом. Положили? Привяжите его, чтобы болван не потерялся по дороге.

* * *

Лица солдат и офицеров, сидевших у костров, были мрачны и суровы. Не было слышно ни веселых песен, ни радостных криков — ничто не напоминало лагерь армии, одержавшей победу в сражении.

Раздался цокот копыт. Все замолчали и подняли головы, прислушиваясь к окрику часового. Наконец послышались возгласы:

— Это граф Троцеро... а с ним... а с ним — король!

— Митра и Кром! Король жив!

— Король вернулся!

— Конан жив, и наша победа окончательна!

Навстречу королю бросился высокий стройный офицер, принявший повод коня из рук монарха. Заметив кровь на руках Конана, он вместо положенного приветствия воскликнул:

— Ваше величество, вы ранены!

— Ерунда, мой верный Просперо! Это всего лишь царапины.

Спрыгнув с коня, Конан до хруста в костях сжал плечи своего офицера и с довольным видом сказал:

— Итак, мы победили, хотя и немалой ценой. Но главное — враги надолго отброшены от наших земель, а их кровь и трупы удобряют

плодородную почву долины Тайбор, навеки принадлежащей отныне лишь Аквилонии! Приветствуя остальных офицеров, Конан услышал, за его спиной Просперо спросил графа:

— А что там у тебя за седлом, Троцеро? Ребенок? Или тайборский тролль?

Конан обернулся и, глядя, как граф стаскивает коротышку на землю, сказал:

— Нет, ребята, добыча еще более редкая. Это карлик, придворный шут короля Балта. Я наткнулся на него, придавленного колесницей, как мышь, которой прищемили хвост. Может быть, он сумеет и нас позабавить.

— Да уж сумею. — Отряхиваясь и разглаживая одежду, Делвин шагнул в круг рыцарей. — Сдается мне, моему старому хозяину будет в ближайшие дни не до моих шуток. Он, скорее всего, будет топить горечь поражения в вине, утешаясь в обществе юных наложниц из гарема лорда Малвина во дворце Повелителя Офира в Ианте. — Делвин невинным взглядом обвел подозрительно уставившихся на него офицеров и пояснил: — Я просто слышал, как разрабатывался план отступления на тот случай, если вдруг армия западного короля окажется сильнее доблестных войск союзников.

Офицеры лишь переглянулись, не желая явно соглашаться со словами потенциального шпиона и дезинформатора и в то же время сознавая почти очевидную правоту карлика. Первым нарушил молчание Троцеро:

— Ваше величество, позволю себе напомнить, что необходимо разыскать вашу корону — символ королевской власти.

— Да, разумеется, — ответил Конан. — Я не думаю, что по пути отступления офицеры успели поработать мародеры. Сделаем так: объявим награду — талант золота тому, кто найдет корону, и пусть желающие солдаты попытают счастья. Только одно условие: если начнется поножовщина и выяснение, кто первый нашел корону, — награда будет отменена.

Приказ был передан по лагерю, который тотчас же оживился — желающие разыскать символ государства и, в неменьшей степени, получить награду, вооружившись факелами, отправились на поиски.

Просперо обратил внимание Конана на другое, не менее важное дело:

— Ваше величество, благодаря милости богов и вашему руководству, мы разбили объединенные войска двух противников, нанеся им серьезный урон. Не думаю, чтобы в ближайшем будущем Немедия или Офир стали претендовать на наши земли. Но позволю себе напомнить: к нам на помощь еще идут пехотные роты, снятые с северных фортов, а также новобранцы и обозы со снаряжением из моего родного Пуантена.

Прикажете выслать гонцов и остановить их продвижение?

— Нет, Просперо, не нужно разворачивать войска, — сказал Конан, задумчиво глядя в пламя костра. — Я думаю, что наши границы и так достаточно укреплены, и Аквилонии всерьез ничто не угрожает. Но наши восточные соседи нанесли нам серьезное оскорбление; я подумаю, как будет лучше ответить на этот дерзкий вызов, чтобы пресечь любые подобные поползновения в будущем.

Почти до утра тянулось совещание у королевского шатра. И все это время в свете луны и пламени факелов солдаты аквилонской армии искали корону короля, обшаривая заодно трупы павших противников и своих сослуживцев.

Глава III

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

По стенам королевского дворца Тарантии бежено метались в свете факелов длинные тени. Своды банкетного зала содрогались от выбивающихся барабанами ритмов далеких южных стран. В центре зала перед большим ониксовым столом короля извивались в танце маленькие воинственные танцоры и танцовщицы из Куша. Горящие факелы, сверкающие наконечники копий, шоколадные тела — все смешалось в безумной огненной пляске. Танцоры неслись по кругу, потрясая копьями, перебрасывали друг другу факелы, между которыми проносились черными стрелами танцовщицы. Звучал ритмичный речитатив, прерываемый яростными криками. Бронзовые наконечники копий скользили по покрытым потом телам, оставляя на коже белые полосы. Казалось, еще немного — И кто-нибудь, сбившись с ритма, наткнется на зловещее острие, но в последний миг брошенное копье перехватывалось кем-то из танцующих. Когда представление закончилось и танцоры, тяжело дыша, замерли в последней фигуре, — зал взорвался восторженными криками и аплодисментами. Тарантийская знать стоя приветствовала танцовщиков из далекой страны. Сам король Конан встал со своего полутрона за главным столом и крикнул:

— Отлично сыграно, храбрые воины Куша! Такого танца я не видел даже тогда, когда был князем в одной из частей вашего славного государства. И все же я при

поминаю одну штуку, которую сегодня вы нам не продемонстрировали.

Опершись одной рукой о мозаичный узор столешницы, Конан одним движением легко перескочил через гору блюд и кубков на королевском столе и мягко приземлился перед танцорами. Поправив сбившуюся набекрень корону, он вошел в их круг, выглядя великаном по сравнению со стройными кушитами, и обратился к предводителю:

— Вот это вы, ребята, часом не забыли?

Выхватив из его рук пару коротких копий, Конан закружился в полутанце-полуупражнении на владение этим видом оружия. Бронзовые наконечники описывали сверкающие дуги над его головой, замыкаясь в кольца перед лицом, опоясывали его отражающими пламя лентами.

Раздались аплодисменты танцоров и публики, которые киммериец прервал вопросом:

— Думаете, это все? Нет, воины Куша даже в танце ценят не только красоту, но и истинный азарт и риск.

С этими словами он еще быстрее закрутил вокруг себя копья и вдруг каким-то неуловимым движением сорвал их с замкнутых окружностей, метнув одновременно оба смертоносных орудия.

Раздался общий вздох, и уже в тишине два бронзовых наконечника вонзились в спинку королевского кресла, того самого, где еще недавно восседал сам автор точного броска. Лишь одно копье сбило в полете высокий кувшин, стоявший на столе, вонзившись в спинку на уровне груди. Второе угодило бы сидящему на этом полуtronе точно в голову.

Облегченный выдох гостей прокатился по залу. Послышались восхищенные присвистывания и смех, вызванный реакцией сидевших по соседству с выбранной Конаном целью. Особенно потешно выглядел канцлер Публио, который в первый момент скатился под стол, а затем — не сразу — появился над ним, бледный как полотно. Ему помогли встать на ноги двое не менее перепуганных слуг, которым еще предстояло собрать рассыпавшуюся по полу с уроненных ими подносов посуду.

В противовес канцлеру, сидевшая по другую руку от Конана его царственная супруга — королева Зенобия, казалось, вообще не обратила внимания на мальчишескую выходку своего мужа. Она лишь поправила волосы и снисходительно улыбнулась. Еще более комичным, по контрасту с ее спокойствием, оказалось появление из-под стола Делвина. Карлик до этого занимал место на углу королевского стола, усаженный слугами на груду подушек, чтобы доставать до столешницы хотя бы на уровне подбородка. Опасность попасть под горячую руку короля он осознал, когда та уже миновала. Успев заметить, как копья вонзились в черное дерево спинки кресла, шут с воем скатился под стол, из-под которого с деланной серьезностью вылез лишь через некоторое время, чем немало потешил публику.

— Продолжим же наш пир, — провозгласил, отсмеявшись, Конан и вновь легким движением перемахнул через стол. Здесь ему пришлось прийти на помощь слугам, безуспешно пытавшимся выдернуть глубоко засевшие в спинке кресла копья. Освободив себе место, киммериец оглядел места попадания и сел, намереваясь немедленно нагнать упущенное за время его отсутствия за столом.

— Что скажешь, Зенобия? — обратился он к королеве, держа в одной руке кусок запеченного мяса, с которого янтарными каплями стекал жир, а

в другой — золотой кубок с пенистым вином. — Достойная получилась пирушка по слуху победы? Правда, весело? Столько месяцев во дворце не было ничего подобного!

— Да, Конан, что-что, а пирушка удалась на славу. Впрочем, будь у меня больше времени на подготовку, мог бы получиться настоящий торжественный прием, а не... Однако, я думаю, настоящее торжество теперь не совсем уместно: ведь столько придворных и командиров сейчас отсутствуют, двигаясь со своими отрядами к восточной границе. Что же касается развлечений, этих танцоров — отличный выбор! Восхитительное зрелище.

— И не говори! — согласился с невинным видом Конан, жадно глотая вино. — Кстати, если честно — мой двойной бросок оказался не лучшим. Палица Крома! Нельзя было рисковать тем, что копье заденет посуду и неточно войдет в цель. Но главное, что меня радует, это то, что ты, моя милая, даже не заподозрила в моих действиях желания сделать из тебя большой шашлык на вертеле. Не то что некоторые... не будем уточнять кто.

Последнее замечание было сопровождено упрекающим взглядом в сторону канцлера Публио, который немедленно запротестовал:

— Ваше величество, я, разумеется, приношу извинения за недостаточную убежденность своей веры в точность ваших глаз и рук, но позволю себе напомнить, что подобные игры с оружием едва ли являются традиционным развлечением при дворе аквилонских правителей. Вот почему ваша... э-э... шалость застала меня врасплох. Не то чтобы я усомнился в вашем ко мне добром отношении, но ведь и самого опытного воина порой подводит глазомер... Может дрогнуть и самая сильная рука...

Конан напрягся и, скрывая раздражение, переспросил:

— Не хочешь ли ты сказать, что годы ослабили меня, сделали столь же грузным, тяжелым, а то и столь же трусливым, как ты сам? Так вот, уважаемый канцлер, уверяю вас, вы глубоко заблуждаетесь.

На плечи Конана, успокаивая его, легли ласковые руки Зенобии:

— Ну-ну, дорогой, не стоит так сердиться. Публио вовсе не хотел тебя оскорбить. Он так же, как и я, знает, как ты любишь все эти штуки, доказывающие твою силу, быстроту реакции и точность движений, и понимает, как тебе необходимо время от времени подтверждать это перед своими подданными.

Чуть успокоившись, Конан вежливо улыбнулся канцлеру и откинулся на спинку кресла. Неожиданно из-за его плеча послышался гортанный голос Делвина:

— Что касается моего поспешного исчезновения в момент вашего

восхитительного броска, мой повелитель, я позволю себе объяснить, что оно никак не было вызвано каким-либо чувством, сходным с трусостью. Чистое совпадение, ваше величество. Я как раз собирался достать из-под стола свою лютню, чтобы исполнить для вас победную песню.

— Внимание, победная песня! — Голос Конана прокатился по залу, мгновенно установив полную тишину. — Как нельзя лучше подходит к нашему пиру. И попрошу внимательнее прислушаться к мелодии и словам, ибо сей исполнитель есть не кто иной, как всем известный и весьма профессиональный придурок!

Шутка короля вызвала преувеличеннное веселье у присутствующих. Делвин же, не обращая на них внимания, вытащил из-за своего стула внушительных размеров инструмент и вышел на середину зала. Прокашлявшись, карлик взял пару печальных аккордов, чем вызвал молчаливое удивление публики, а затем, перейдя на веселое ритмичное бренчание, объявил название песни:

Скипетр из бычьей кости

Грабитель пришел из-за гор ледяных,
Монарха убил, захватил его трон.
И ныне он царь Аквилонских долин,
Хоть варвара жизнь для него лишь закон.
Убийцей Бесстрашным зовет он себя
И губит без счета коварных врагов.
И бронзу, и сталь Конан рубит сплеча,
Ведь скипетр из кости сильнее клинков.

Песня закончилась, и последние аккорды были встречены гробовым молчанием. Гости не знали, как отреагировать на слова шута, явно ожидая вердикта Конана. Судя по всему, киммериец решил не воспринимать песню как оскорблениe, чем вызвал у присутствующих вздох Облегчения. Затем полился водопад комментариев и критических замечаний:

— Весьма примитивный ритм, надо сказать.
— Да, но с другой стороны, налицо немалый вокальный дар...
Канцлер Публио, обернувшись к королю, процедил:

— Едва ли это служит прославлению величия аквилонской короны. Да и вряд ли такие вирши можно считать достойным отражением нашей значительной победы. Такое событие требует более значительного произведения. Как-никак, празднуется триумф!

— Окончательный ли? — вступил в разговор сидящий за тем же столом граф Троцеро. — Мы пока что не получили от противника ни предложения о заключении мирного договора, ни просьбы о мягких условиях контрибуции.

— Условия? — Конан сплюнул, чем привел публику в ужас. — Я знаю, какие условия я им предложу: на выбор — клинок в горло или копье в их гнилые животы!

— Ваше величество, — осторожно вставил канцлер, — в дипломатии далеко не всегда самым значительным результатом переговоров является смерть противника. Порой лучше оставить ему возможность избежнуть гибели и при этом воспользоваться тем, что гасит его волю к сопротивлению. Например, наш недавний противник лорд Малвин, скорее всего, был спровоцирован на поход против нас давлением, которое его государство ощущает с востока...

— С востока? — переспросил Конан. — Это из Кофа, что ли?

— Именно так, ваше величество, — терпеливо кивнул Публио. — Если вы помните, пару недель назад мы уже говорили об этом. Юный принц Амиро, наместник Кофа в Хорайе, вот уже несколько лет терроризирует восточные земли лорда Малвина...

— Точно-точно, — вмешался в разговор Просперо, сидевший за королевой. — Амиро, похоже, понимает толк в военном деле, а его амбиции простираются весьма далеко. Не удовольствовавшись ролью правителя Хорайи, он подчинил себе практически всю Кофийскую империю и стал жадно поглядывать на приграничные земли Офира.

— Слышал я про этого Амиро, — задумчиво произнес Конан. — Но вот скажите мне, дураку, зачем Малвину понадобилось открывать второй фронт, воюя с нами, если на него самого с востока наседает столь грозный противник?

— А вот это я, с вашего позволения, распишу в лучшем виде. — Гортанный голос карлика прозвучал весьма неожиданно для участников разговора. — Просто старая лиса — король Балт — предложил Малвину взаимовыгодный, по его словам, союз. Сначала Повелитель Офира должен был помочь немедийцам решить в их пользу вопрос с долиной Тайбора, чтобы обезопасить не защищенную горами южную границу королевства, а уж затем мой король клятвенно обещал выставить свои войска и поддержать снаряжением армию Офира в войне с кофийцами. Однако есть у меня сильные сомнения, что в глубине души он искренне собирался выполнить свои обещания...

— Ах, вот где собака зарыта! — рявкнул Конан и с такой силой ударил

кулаком по столу, что даже тяжелый камень вздрогнул, заставив зазвенеть посуду. — Будь прокляты оба эти интригана — Балт и Малвин! Ничего, теперь, когда мы их потрепали, им будет тяжелее противостоять Амиро.

— Полагаю, что принц Амиро думает точно так же, ваше величество, — заметил Публио. — Его отряды уже начали гонять остатки кавалерии офицеров, столь жестоко пощипанной нашими стрелками.

— Неужели? Откуда же тебе это известно? — Прищурив глаза, Конан хитро посмотрел на канцлера. — Я вижу, ты, сидя в городе, получаешь новости раньше, чем мне их приносят самые быстрые гонцы.

Канцлер пожал плечами:

— Ответ весьма прост, ваше величество, Коринфийский посол при нашем дворе получает известия при помощи голубиной почты. Время от времени кое-кто из несчастных почтальонов попадает не к адресату, а ко мне в духовку. В последнем донесении, перехваченном сегодня утром, сообщается, что кофийские войска идут походным маршем на оффирскую столицу — Ианту. Офицеры и их союзники немедленно пока что не предпринимают активных действий.

Делвин ехидно усмехнулся:

— Сидят во дворце оба горе-командира и решают, Куда бежать — на восток, на запад, или запереться и держать осаду.

— Во имя Крома, да заткнитесь же вы все, наконец! — заорал Конан и, обхватив голову руками, более спокойно добавил: — Дайте подумать... Это что же получается? Мы тут празднуем, а в это время другая армия, пользуясь нашей победой над офицерами, вот-вот захватит Ианту! И кто — этот воинственный, самоуверенный, но неглупый принц Амиро! В качестве соседа он будет куда хуже, чем нынешний фанфарон Малвин.

Придворные закивали головами. Конан помолчал и, поразмыслив, объявил:

— Дело весьма серьезное и достаточно срочное. Но полагаю, что после такой вечеринки нам всем следует отдохнуть, расслабиться. — Киммериец непроизвольно

повернулся в сторону королевы Зенобии. — Поэтому я соизволю отложить обсуждение до завтра. Но в полдень я жду вас у себя с вашими соображениями на эту тему... Эй, виночерпии!

Король щелкнул пальцами, подгоняя слуг, и праздник закрутился с новой силой. Когда череда восхитительных блюд подошла к концу, сменившись десертами, в зал вошла вторая группа танцовщиц. Эти девушки уже были знакомы придворным. Красиво подобранные шелка, изящные украшения, умелое профессиональное исполнение страстных

танцев — все это отличало бывших наложниц из королевского гарема, который монарх содержал до того, как его сердце было отдано королеве Зенобии.

Двигаясь в такт зажигательной музыке, девушки закружились в танце. Некоторые легко вспрыгнули на столы и танцевали там, не задев ни единого кубка или блюда. При этом с каждым новым скачком все ускоряющегося ритма одеяния танцовщиц словно таяли на их тела, обнажая прекрасную гладкую кожу.

Сам Конан оказался атакован двумя наиболее энергичными танцовщицами. Его глаза горели, пальцы щелкали в такт барабанам, казалось, вот-вот — и киммериец не сдержит порыва страсти и схватит одну из девушек, чтобы прижать ее к себе в чувственных объятиях. Впрочем, присутствие королевы Зенобии заставляло его сдерживать свои чувства, ограничиваясь лишь восторженными замечаниями в адрес танцовщиц:

— Великолепно, Мора, ты, как и раньше, — в отличной форме, девочка! Эй, Лилит, не перетрудись! Голова закружится. Иди, иди сюда, присядь ко мне на колени. Давненько мы с тобой спокойно не говорили...

Поглядывая на терпеливо следящую за всем этим королеву, девушки продолжали свой вызывающий танец на минимально безопасном расстоянии от Конана; по первому же едва заметному знаку Зенобии они немедленно переместились подальше, в сторону центра зала, откуда стали соблазнять других придворных.

Вскоре многие из гостей закружились в чувственном танце. Некоторые, преимущественно парами, стали расходиться по бесчисленным залам дворца. Никто даже не заметил, в какой момент зал покинул Конан, крепко обнимающий Зенобию и что-то нежно нашептывающий ей на ухо.

За столами остались лишь слишком пьяные гости, уже не заинтересованные в женском внимании, а также те, кто убежденно сторонился женского общества. Одна из танцовщиц, самая миниатюрная из всего гарема, закончила свой танец в недвусмысленной позе перед стулом Делвина. Карлик гневно завращал глазами и даже замахнулся на девушку лютней, а затем слез с груды подушек и оскорбленно удалился к камину, где провел ночь, не смыкая глаз, пристально глядя на догорающий огонь и тлеющие угли.

* * *

— При дворе говорят, что мы с тобой, мальчиш, — занятная парочка.

Конан сидел за письменным столом в кабинете Восточной Башни его дворца, слушая, как Делвин перебирает струны лютни. Солнечный свет остройми лучами прорывался сквозь узкие окна-бойницы, освещая свитки и пергаменты, разложенные на королевском столе. Конан еще раз перечитывал распоряжения и военные приказы, затем подписывал их длинным пером и запечатывал воском из подогреваемого свечой тигля. Поставив свою личную печать, Конан откладывал документ в сторону. Из угла кабинета, где на маленьком стульчике сидел карлик, доносились мелодичные аккорды,

— Это все голоса завистников и ревнивцев, с которыми ты, король, не проводишь столько времени, сколько со мной, — раздался хриплый голос Делвина. — А ведь это знак судьбы, я имею в виду нашу встречу. Подумать только, если бы не тот неумелый возница, не подобранные наспех доспехи и не благородный порыв короля-варвара, жаждавшего прикончить всех раненых подряд, я, скорее всего, был бы сейчас мертв. Впрочем, мог бы и вновь оказаться в Бельверусе или же в Ианте, где развлекал бы еще более тупую, чем здесь, публику из тамошних аристократов и их идиотских подружек.

— И все же есть в нас что-то общее, — отложив перо, задумчиво сказал Конан. — По крайней мере, в том, что у меня тоже подчас бывают проблемы с подбором подходящих по размеру доспехов.

Делвин, вместо того чтобы рассмеяться, выдавил из лютни какой-то безумно фальшивый аккорд и серьезно ответил:

— Это все следствие торопливости старого Балта, недавшего мне времени спокойно подготовиться к походу. Впрочем, старому скряге давно следовало бы раскошелиться на персональные латы для меня. Ну посуди сам, что это за правитель, который оставляет самого доблестного из своих воинов без доспехов, без коня и без оруженосца накануне суворой битвы?

— Я думаю, ты за своего короля воевал бы весьма достойно, — с демонстративной серьезностью сказал Конан.

— Так оно и было! — вдохновенно воскликнул карлик.

— Ну да, да, разумеется... Хотя в твоих речах я не слышу ни тени чести или достойного отношения ни к Балту, ни к его еще более презираемому тобой союзнику. — Конан хитро прищурился. — Хотел бы я знать, что ты скажешь обо мне, когда я повернусь к тебе спиной.

Делвин спокойно принял этот вызов:

— Неужели ты еще не понял, о могучий король-киш-корез, что плохо о тебе я и так говорю достаточно много — прямо тебе в лицо?

Конан добродушно усмехнулся:

— Молодец, маленький человечек, хорошо выкрутился. Король умеет ценить откровенность, от шута — в неменьшей степени, чем от других. Я готов мириться с твоим острым языком до тех пор, пока не почувствую, что ты шпионишь за мной или замышляешь что-то недобroе. Предателям в моем окружении пощады нет. — Испытующий взгляд монарха впился в карлика.

— Никакого шпионства, мой повелитель. И никакого предательства: ни подлого, ни благородного. — Делвин заерзal на своем стульчике, но не отвел глаз. — Я не нуждаюсь в этом оружии слабых. Ибо на то, как им пользуются Балт и его шакал Малвин, я уже насмотрелся, служа у них. Слабость и трусость, предательство и интриги — вот что погубит королевство. И, признаюсь тебе, так думаю не я один. Такого же мнения придерживаются и некоторые аристократы в Ианте, да и кое-кто из немедийских военачальников.

Конан с безразличным видом вернулся к своим пергаментам и, словно невзначай, сказал:

— Да, ты и вправду немало знаешь о нас, правителях. И исходя из твоего опыта, что ты мог бы сказать об этой стране, о моем королевстве?

— Об Аквилонии? Вполне сносное государство, Конан Разбиватель Черепов. Весьма благоразумное и широко мыслящее, раз оно допустило на свой трон столь дикого и необузданного варвара. Странная получилась комбинация: народ, давший высочайшие образцы хайборийской культуры и искусства, с почтением склоняет головы, подставляя макушки под увесистые кулаки неграмотного дикаря.

— Я уважаю искусства, — искренне возразил карлику Конан, — включая твое треньканье и завывания. Да будет тебе известно, что, став королем, я обучился чтению и письму, да и сам приложил руку к написанию героических песен.

— Для тебя это — бесспорно огромное достижение, особенно сравнению с другими правителями и генералами, которые обращаются к столь несерьезному времяпрепровождению, лишь оставшись не у дел. Впрочем, увлечение самодеятельностью действующего монарха и вполне может служить доказательством его праздности и насыщенности.

— Что? Это я-то праздный монарх? — Конан не смог удержаться и прервал работу с документами. — Да я кручуся как белка в колесе, несусь во весь опор, галопом, на бешеном скакуне! Еще очень давно я понял, что трон похож на спящего тигра: легче подкрасться к нему и вскочить на него из засады, но удержаться верхом поди попробуй. А что касается

пресыщенности — я всласть наголодался, натерпелся всего в своей жизни, карабкаясь к ее вершине. И вот теперь я действительно имею такую власть, такие сокровища, которых хватит, чтобы пресытить любого человека на земле!

— Очень поучительная лекция, Конан Похититель Кошельков. Впрочем, каждому свое, — пожал плечами Делвин, — и все же, насколько я могу судить, твоя страна вовсе не какая-то особенная. Туран, например, не менее могуч, чем Аквилония, а далекий Кхитай, по словам путешественников, куда обширнее. Вот я и думаю, случайно ли, что их властители получили от судьбы больше, чем ты в своей варварской жадности, Конан Осколенные Зубы. Неужели та власть и те деньги, что принадлежат тебе, действительно являются пределом твоих мечтаний?

— Кром тебя подери, обрубок человека! Что ты пытаешься из меня выудить?

Делвин, не теряя самообладания, ответил:

— Я просто хочу выяснить, Конан Душегуб, действительно ли ты — особый король, или же один из многих, подобных друг другу? Ибо на земле немало славных генералов, мудрых жрецов, блестящих мастеров интриги, но, став королями, они ухитряются растерять свои замечательные качества, превращаясь в серую посредственность. Они надевают на себя корону, и выясняется, что все их великие дела остались в прошлом. Монаршая власть становится для них почетной пенсиеей, уходом от мира со всеми его бурями и неожиданностями. Короли окружены комфортом и льстивыми придворными, что быстрее всего заставляет их успокоиться и перестать терзаться дерзкими замыслами. Да, для обычного человека комфорт и безопасность — спасительное прибежище в бушующем океане жизни, но для короля они смерти подобны.

Слушая эту тираду шута, сопровождаемую легким перезвоном лютневых струн, Конан ни разу не отвлекся и не пропустил ни единого слова. Переведя дух, Делвин продолжил:

— Что касается тебя, Конан Потрошитель, я полагал, что ты не из тех, кто так быстро сломается, удовольствовавшись достигнутым. В отличие от так называемых «цивилизованных» людей, горячего варвара не так-то легко запереть в золотой клетке. И судя по тому, что я слышал о твоих прошлых похождениях, в тебе можно предположить наличие какой-то особой силы, воли, стремления к новым победам. Зная, как ты, в силу своей провинциальной ограниченности, Конан Потрясающий Мечом, чураешься всякого колдовства, магии или общения со жрецами, остается предположить, что на тебе лежит что-то еще более таинственное —

благоволение богов, например, или же, что вполне вероятно, проклятие демонов. Кстати, это было бы единственным убедительным объяснением такого стремительного взлета к вершинам власти человека, донельзя плохо подготовленного к жизни в высшем обществе.

И если действительно боги вели тебя по жизни, то возникает вопрос: зачем? Неужели только для того, чтобы вручить тебе корону и посадить на трон во дворце, где ты будешь весело проводить время с семьей ли, с женщинами, с друзьями, в общем-то живя бесцельной жизнью обыкновенного монарха. Неужели боги так промахнулись? Неужели они столь бестолковы и расточительны? А если нет — то не лежит ли твое предназначение в том, чтобы достичь чего-то большего, чего не добивался еще ни один правитель на земле?!

Ибо этот мир, о король Конан, не так уж велик, по крайней мере, известная нам его часть. Это же всего лишь большая деревня, где соседи — горстка королей и прочих властителей. Причем сонная, скучная деревня, где живут усталые, ленивые, пресыщенные люди. И не было еще среди них такого, кто владел бы чем-то большим, чем тот или иной лоскут на этих картах, которые вы, короли, любите рисовать на пергаментах яркими чернилами и перерисовывать на земле еще более яркой кровью!

— Хватит, хватит, гном! Куда ты клонишь?

— Ваше величество, для меня, дурака, ясно как божий день, что если мир один и един, то и властитель у него должен быть один-единственный. И кто будет лучшим правителем этого мира, чем ты, Конан Деревянная Голова. Разве это не ответ на то, зачем боги подняли тебя из грязи сонма безвестных судеб и ведут по жизни, поднимая все выше и выше?

Долгое молчание предшествовало ответу Конана. Киммериец неподвижно сидел за столом, обернувшись к карлику и внимательно глядя на него. Даже в своей непарадной, домашней одежде — серой шерстяной куртке, подпоясанной простым кожаным ремнем с висевшим на нем кинжалом, Конан выглядел истинным королем от макушки до пят. Величественно наклонив голову, он наконец разорвал напряженную тишину:

— И какую же часть этого мира ты оставил себе, маленький человечек? Какой будет твоя доля за участие и моей, отмеченной богами, судьбе?

Делвин вновь ударил по струнам лютни и вздохнул:

— Разве это не ясно вам, ваше величество? Я ведь всего-навсего шут. И единственный шанс для шута стать великим, это служить шутом великого человека, величайшего из королей. И я намерен стать

величайшим из шутов, которых когда-либо видел этот мир!

Глава IV

ПРОЩАНИЕ

— Троцеро, мне кажется, что король в последнее время очень озабочен чем-то.

— Да, Просперо. Даже победа в последнем сражении не обрадовала его в той степени, как можно было бы ожидать.

— Он с каждым днем становится все угрюмее. Что же точит его, чем он так мучается?

На террасе одной из башен дворца, где за кубком вина коротали полуденную жару два знатных аристократа, воцарилось молчание. Троцеро покачивался в легком плетеном кресле, установленном у небольшого резного столика, а Просперо, величественно облокотившись на перила, разглядывал дворцовый сад под балконом террасы.

— Сдается мне, что во многом виновато влияние этого отвратительного карлика, которого король слишком приблизил к себе, — заметил Троцеро. — Не доверяю я Делвину, хоть убей.

— Думаешь, он шпионит? — спросил Просперо, подходя к столу и усаживаясь во второе кресло.

— А почему бы и нет? — пожал плечами граф. — Уши-то у него не меньше, чем наши с тобой, в отличие от рук и ног. К тому же он постоянно что-то бубнит Конану, навязывая ему свое мнение.

— Ну, положим, навязать что-либо Конану — дело гиблое, — усмехнулся Просперо. — А с другой стороны, карлик немало рассказал нам о своем прежнем хозяине и его союзнике, и ничто из этого до сих пор не оказалось ложью.

— Естественно: ему ведь нужно завоевать наше доверие. Но сейчас он уже достаточно много знает о наших планах и может представлять опасность, если сбежит. Не потому ли Конан прекратил разговоры о том, чтобы вернуть его в Немедию за выкуп?

— Одно хорошо — карлик явно слишком уродлив и слаб, чтобы оказаться тайно подосланным убийцей. И все равно странно, что король всерьез слушает речи придворного придурка.

— Э-э, не скажи, этот малый вовсе не дурак, и речи его — никак не бред и не шутки. — Допив вино, граф поставил кубок на стол. — У него потрясающий дар распознавать слабости человека и играть на них. Кто

знает, какую роль карлик сыграл в поражении своего хозяина в бою? И потом, как он позволяет себе такое хамское обращение к королю... Я нахожу это возмутительным!

— Брось, старина! Это привилегия шута, как тебе известно. Король, особенно такой великий, как Конан, нуждается в ложке дегтя на бочку медовой лести. А оскорблений и хамство этого недочеловека не обидны и не ранят достоинство монарха. Никому из нас он бы такого не позволил.

— И все равно, слишком много времени король проводит в его обществе. Как знать, что поет Конану в уши этот гном и какая колдовская музыка льется из его глотки...

Просперо в ответ рассмеялся:

Мой дорогой граф, нельзя же так сомневаться в разуме и чутье своего короля! А что касается колдовства — так наш Конан его за версту распознает. Ну посуди сам — неужели король настолько слабоволен, что поддастся влиянию какого-то карлика? Вот погоди, сегодня на совещании у тебя будет возможность убедиться в том, стали ли рассуждения Конана о политике, дипломатии и военных делах менее здравыми и волевыми. Если это так — мы поговорим с ним. Если нет — пусть веселится со своей игрушкой. Впереди у него и у нас много дел, которые смогут подтвердить решительность и мудрость его правления.

* * *

Был поздний вечер или светлая, не похожая на аквилонскую, ночь. Что-то в воздухе, в цвете неба над горизонтом, даже в шуршании ветра говорило о том, что это место лежит далеко от обжитых мест Хайбории. Лунным серп застыл на полпути к зениту, освещая серебристыми лучами руины какого-то гигантского древнего сооружения. Огромные каменные блоки грудами лежали друг на друге, полуобрушенные колонны вонзались в Черное небо... Среди камней завывал ветер, не шевеля при этом ни единой травинки, ибо никакой растительности не удалось пустить корни в этом каменном лабиринте. Даже опавшей сухой листвы нигде не было видно. Помимо слуха, движение воздуха подтверждало лишь пыльные вихри, то и дело поднимавшиеся в каменных закоулках, да рябь на поверхности темного бассейна с низким бордюром, словно гигантский глаз, торчащего посреди развалин.

Однокая тень медленно пробиралась среди камней, направляясь к бассейну. Она явно принадлежала жалкому, уродливому подобию человека,

словно по злой иронии судьбы оказавшемуся в этой обители забытых богов.

— Ктантос! — раздался дерзко нарушивший тишину человеческий голос. — Старейший, что заставило тебя обратиться ко мне? Я ведь не вызывал тебя, Ктантос.

Ответ на эти слова был не столько произнесен, сколько пробулькав множеством пузырей, поднявшихся на поверхность черного бассейна из его непрозрачной глубины:

— Не вызывал, говоришь? — Шипение небольшого гейзера можно было счесть за гортанный презрительный смех. — Запомни, смертный: люди вызывают демонов, а боги призывают людей!

— Раньше я всегда вызывал тебя, — ответил маленький человечек, остановившись на благоразумном расстоянии от края бассейна; ветер стих, но поверхность жидкости в бассейне продолжала вздрагивать и вздуваться пузырями. — Неужели твое могущество так возросло, Ктантос? Было бы хорошо, но что-то не верится.

— Возросло, как и подобает могуществу любого бога, число поклоняющихся которому возросло, — пробулькало из бассейна.

В ответе смертного был заметен некоторый скепсис:

— Разумеется, единица больше нуля в неизмеримое количество раз. Соответственно и ты почувствовал себя неизмеримо могущественнее, если не больше, так?

— Именно так, смертный! — Казалось, в бульканье пузырьков промелькнула ответная ирония. — Ибо твоя жизнь — лишь краткий миг, неизмеримый с моим бессмертием. В конце концов, мое могущество усиливает твоя непоколебимая вера в меня.

Судя по медленному колыханию жидкости в бассейне, он был заполнен не водой, а чем-то более густым и маслянистым, напоминающим расплавленную смолу.

Помолчав, смертный гость бессмертного бога сказал:

— Старейший, а ты не боишься, что в один прекрасный день моя вера дрогнет и я перестану поклоняться тебе?

— Если не через поклонение, так через простой страх я буду обладать твоей душой. Единоюды поверив, сможешь ли ты усилием воли, сам отвергнуть меня? — Густая жидкость с явной угрозой ударила черной волной о каменный бордюр бассейна. — Запомни: слабый бог — ревнивый бог, который безжалостно карает отступников. Зажравшиеся, самодовольные божества вроде Тарима или Митры могут позволить себе потерю нескольких верующих. Я — нет! Да и во времена моего былого

могущества я никогда не отличался милосердием...

— Да, да, Ктантос, — с явной скучой в голосе сказал смертный. — Ты уже рассказывал мне о своем былом могуществе и приснопамятной жестокости. Умоляю тебя, не переусердствуй в попытках напугать меня. А то я уже начинаю жалеть, что раскопал в катакомбах полуистлевший свиток с заклинанием и ритуалом,зывающими тебя, который пролежал невостребованным бесчисленные века.

— Тебе легко сейчас потешаться над моим утраченным могуществом, но предупреждаю тебя: даже сейчас у меня хватит сил уничтожить, стереть с лица земли любого смертного — быстро или мучительно медленно, по моему усмотрению. Кроме того, я могу отозвать уже наложенную на тебя мною благодать, которая...

— Хватит мне твоих идиотских угроз! — с неожиданным вызовом в голосе перебил бога слушатель. — Говори, зачем ты меня звал? Или забыл уже, по старости лет?

— Как зачем? — Голос из бассейна сделал вид, что не заметил открытого хамства человека. — Чтобы выслушать твой доклад о наших успехах. Что скажешь об этом новом короле?

— Весьма многообещающая личность, весьма... К тому же этот варвар очень восприимчив к моему влиянию. Но свет клином на нем не сошелся: есть другие короли — более молодые, энергичные и менее склонные к самостоятельным решениям. Впрочем, с этим дикарем скоро все станет ясно. — Человечек рассмеялся. — Я уже сообщил ему, что боги на его стороне.

— Так оно и есть, — булькнула смола. — По крайней мере, один из них. Хотя я сейчас — лишь бледная тень самого себя в былые годы. Но скоро все изменится: я займу достойное место среди молодых хайборийских богов, а затем и свергну их, подчиню себе, уничтожу...

— Конечно, конечно, — вставил посетитель развалин. — Только не забудь: всего этого ты добьешься лишь через мои усилия. Так что давай оставим до поры до времени всякую болтовню о божественных карах. Если я погибну, или наше дело потерпит крах — ты тоже сгинешь навеки. Так что потрудись использовать свои жалкие силенки мне в помощь.

— Не смей говорить о поражении! Это ересь! — пробубнил Ктантос со дна бассейна, на поверхности которого отразился второй светящийся полумесяц.

Еще одна луна? Или в этих местах такую форму имело солнце? Небо вокруг этого светила заметно посветлело, погасли звезды на половине небосвода...

Булькающий голос продолжил:

— Веруй в меня, смертный! Служи мне как верный раб, и божественная справедливость восторжествует. Ты прав: если этот король окажется слабым и негодным для нашего дела, это не страшно. В конце концов, он просто приведет нас к другому, более сильному.

* * *

— Похоже, эта приграничная война оказалась самой малой угрозой нашей династии за многие поколения.

Королева Зенобия откинулась на белоснежную спинку алебастровой скамьи, установленной в дворцовом парке. Белизна камня и королевских одежд удачно контрастировала с черными, как вороново крыло, волосами королевы и ее загорелой кожей.

— Но хотя тебя не было каких-то две недели, мы очень скучали по тебе, Конан.

— Ты могла бы поехать со мной, Зенобия, если бы захотела.

Конан сидел на такой же алебастровой скамье, установленной напротив первой. В противовес величественно-ленивой, спокойной позе королевы, положение его тела выражало постоянное напряженное внимание, готовность отразить любую атаку, встретиться с самым невероятным противником. Долгие годы жизни странствующего воина не могли не сказаться на манере поведения Конана и не позволяли ему расслабиться ни на минуту, если он сам сознательно не приказывал себе спокойно отдыхать.

— По крайней мере, Конн точно мог бы поехать. Парень-то растет, и негоже сыну короля...

— Но он же еще совсем ребенок! — прервала мужа королева.

— А мне кажется, что уже не совсем. — Конан обернулся, чтобы посмотреть на игравшего у фонтана сына. — В его возрасте, если память мне не изменяет, я в одиночку охотился и рыбачил у подножия высокогорных ледников. — Король улыбнулся и покачал головой, на которую вместо церемониальной короны был надет лишь узкий золотой обруч. — Не буду отрицать, я мало что смыслил в чтении, письме и других искусствах, которые осваивает наш малыш. Впрочем, моих познаний в математике хватало на то, чтобы сосчитать количество людей в отряде ваниров, которые оставили следы на снегах вблизи моего дома. А сделать зарубку на копье после каждого убитого кролика я умел еще раньше.

Интерес маленького Конна вызывал, разумеется, не сам фонтан, поверхность которого была покрыта лотосовыми листьями, а фигура Делвина, неподвижно сидевшего над водой на противоположной стороне водоема. Мальчишка, прикрывшись сорванными листьями, медленно подкрадывался к карлику, прячась за фигурным бортиком.

— Эх, вот жизнь была! — вздохнул киммериец. — Ладно, Зенобия, я понимаю, что у тебя очень много времени уходит на управление дворцом и решение некоторых внутригосударственных дел. Я действительно очень признателен тебе за помощь. Сама знаешь, как я ненавижу эту рутину, но порой мне кажется, что здесь, во дворце, все прекрасно обойдется и без меня, даже если я пальцем не пошевелю или исчезну совсем... Нет, Зенобия, это ленивое существование совсем ослабило меня. Я начинаю чувствовать возраст, даже заныли старые раны...

— Конан, — мягко возразила королева, — я знаю, что ты по-прежнему в прекрасной форме, что, как и раньше, можешь возглавить армию в сражении... Подчас мне кажется, что приключения и войны ты любишь больше, чем меня... А в остальном — даже самые суровые испытания ты воспринимаешь лишь как приятную возможность проявить себя, доказать себе свою силу.

Конан кивнул:

— Ты права, Зенобия. Посуди сама, чем еще, как не подарком богов, можно считать последнее нападение на наши восточные границы? Я убедился, что по-прежнему могу достойно командовать своими солдатами, да и самой армии было полезно встряхнуться. Я доказал, что проведенная реорганизация пошла войскам на пользу и что я все еще сносно держусь в седле и машу мечом.

— Никто в Аквилонии не усомнился бы в этом, — сказала королева. — Никто, кроме тебя самого. — Зенобия с легкой улыбкой наклонилась к своему супругу: — Конан, не бойся ты править страной в мире, не бойся дворцовых дел, не бойся состариться. Я и твои подданные любят тебя не только за силу и воинские таланты, дорогой. А любят они тебя искренне, вовсе не из страха перед тобой. Любят за великодушие, благородство, мудрость... Ой, малыш! Что с тобой, сынок?

Маленький Конн, подкравшись, наконец, к Делвину, недолго пробыл с ним в соседстве. Каким-то образом мальчишка умудрился перевалиться через бортик фонтана и теперь весь мокрый подбежал к матери, спрятал голову на ее груди и заплакал.

— Опять слезы. Ну, не младенец же он уже, черт побери! — недовольно буркнул Конан. — У парня вполне хватит сил, чтобы метнуть

копье, а он все к мамочке за утешением бегает. Эх, видели бы это мои родственнички — жаль, не знаю, остался ли кто из них в живых... Впрочем, где уж мне, варвару, знать, что хорошо и что плохо в цивилизованных странах?

— Конан, он всего лишь ребенок! — В тоне королевы звучало оскорбленное достоинство. — А сам ты, доблестный воин, не ищешь ли порой утешения на этой же груди? Не находишь ли убежище от жизненных невзгод под защитой этих же рук? Недостойно взрослого мужчины — король он или нет — ревновать к ребенку!

— Может, ты и права, Зенобия. Даже скорее всего права... — Конан кивнул и вдруг, резко вскинув голову, посмотрел королеве в глаза: — Зенобия, я должен сказать тебе... Эта война с Офиrom и Немедией... она еще не окончена. Там, на востоке, творятся такие дела, что для Аквилонии было бы неразумно и опасно сидеть сложа руки. На этот раз я могу уехать надолго и очень скоро. Нам нужно торопиться.

— Я предчувствовала это, Конан, и очень боялась. — Зенобия прижала к себе сына, который, прекратив плакать, переводил взгляд с отца на мать. — А откуда ты узнал о важных переменах на востоке? — взяv себя в руки, поинтересовалась Зенобия. — Со слов своего уродца — Делвина? — Ее взгляд проследил за поспешно скрывшимся в глубине сада карликом.

— И с его слов тоже. Публио и все остальные сходятся во мнениях по этому поводу. А информация, полученная от шута, оказалась действительно очень ценной. Как знать, Зенобия, быть может, именно этот карлик сыграет в моей судьбе огромную роль.

— Вполне возможно, — сухо ответила Зенобия, одновременно мягко гладя черные, как у обоих родителей, полосы младшего Конна; затем ее голос вдруг стал почти просительным: — Только знаешь, Конан, когда поедешь, возьми, пожалуйста, Делвина с собой. Не лежит у меня к нему душа, не верю я ему, даже боюсь.

Глава V

КРОВАВЫЙ ПИР

На следующее утро король покинул Тарантию. Роскошно выглядевший в новых, сверкающих золотой отделкой доспехах из вороненой стали, восседающий на своем новом скакуне по кличке Шалманесер, Конан возглавил внушительную колонну, едва ли не превышающую по численности ту армию, которой он командовал в сражении полмесяца назад. Части, сражавшиеся в долине Тайбара, были оставлены на юго-востоке страны. За последующие же две недели в Тарантии собирались долго шедшие с северных и западных границ гандерландские и боссонские роты. Кроме того, из крестьян центральных районов было набрано ополчение, отряды которого возглавили знатные горожане и сельское дворянство.

Жители Тарантии, толком не понимая, какой угрозе будет противостоять аквилонская армия, все же устроили уходящим отрядам пышные проводы. Все было как положено: дождь из разноцветных лепестков, разбрасываемых с крыш домов, слезы расстающихся влюбленных, вытираемые кружевными платками и грубыми солдатскими перчатками, торжественный марш... Смех в толпе провожающих вызвало появление в колонне наряженного в новенькие доспехи Делвина, посаженного верхом на украшенного разноцветными ленточками пони. Карлик деловито пришпоривал свою лошадку, стараясь ни на шаг не отставать от внушающего почтение одним своим видом могучего великана — Конана...

С площадки надвратной башни махали Конану Зенобия и маленький Конн. Королева с трудом сдерживала слезы, вида, как вновь, в который уже раз, ее возлюбленный удаляется от нее, шествуя по Великой Дороге Королей.

Переход на юго-восток был быстрым и слаженным. Погода стояла отличная, деревенские старосты и губернаторы попадавшихся по пути городов хотя и поражались численности армий, но исправно предоставляли войскам продовольствие и фураж. Практически в каждом городе к армии присоединялись новые пехотные и конные роты ополченцев, набранные в богатых южных районах страны.

Гонцы приносили известия о том, что войска, остававшиеся на

берегах Тайбора, уже перешли границу Офира я углубились на его территории, практически не встретив сопротивления. Сведения, добытые разведкой, внушили оптимизм.

— Король Балт находится сейчас в Ианте, во дворце Малвина, но вполне вероятен его отъезд в Немедию, — докладывал Эгилруд, командующий аквилонской разведкой, только что вернувшийся с фронта. — Как офирские, так и немедийские войска деморализованы и спешно отступают к столице. Пленные сообщают, что Ианта подвергается еще большей опасности с востока, откуда быстро продвигается принц Кофа Амиро, сжигая все на своем пути. Солдаты противника куда больше опасаются Амиро, чем аквилонцев, и охотно идут на сотрудничество с нашей разведкой. Судя по всем данным, кофийцам потребуется два-три дня, чтобы дойти до Ианты.

— Итак, — объявил Конан прослушавшим доклад советникам и офицерам, — в продвижении к столице Офира мы вынуждены участвовать в гонке, явно дав фору сопернику. Признаю — с моей стороны было величайшей глупостью не начать наступление две недели назад, сразу после победы на Тайбore.

— Ваше величество, вы собираетесь штурмовать Ианту и захватить большую часть Офира, — полу вопрос, полуутверждение прозвучало из уст генерала Оттобранда, немолодого гандерландца в латах и подбитом мехом плаще. — Это намерение достойно высочайших похвал. Но, мой господин, я должен сообщить вам, что наша армия подойдет к Ианте не раньше чем через семь дней. Кофийцы наступают по ровной местности, обходя форты и крепости офорцев и избегая ввязываться в сражения. Мы же вынуждены идти по зажатой между горами Дороге Королей, где нас может задержать даже слабая оборона, организованная в замках и крепостях над мостами. Кроме того, и узких долинах нам смогут длительное время противостоять даже небольшие силы противника.

— И это еще не все, Конан, — добавил Просперо. — Когда мы подойдем к Ианте, разумеется, Малвин не сдаст нам город. К его усталым и деморализованным солдатам добавятся стены и башни, которым неведомы усталость, сомнения и страхи. А кроме того, у стен Ианты мы наверняка встретим кофийцев, и лорду Малвину останется только взирать со стен на то, как его противники с упоением рубят друг друга.

Генерал Оттобранд склонился над пергаментной картой, лежащей на походном столе, и предложил:

— Можно послать парламентеров к Амиро. Если повезет, они проберутся через территорию, еще занимаемую офорцами, и попытаются

убедить принца честно поделить замки Офира, — и генерал резко провел ребром ладони по карте, деля Офир на две примерно равные части.

— Не согласен, — возразил Конан, — все равно любые переговоры упрутся в то, кому владеть Иантой. И я предпочел бы взять город сам, а не иметь дел с Амиро.

Конан помолчал, глядя куда-то в потолок шатра, и вдруг резко обернулся к командиру разведки, неожиданно обратившись к нему:

— Мой юный друг Эгилруд, не выделите ли вы из своих людей четырех самых надежных бойцов на самых добрых скакунах? Эти люди должны иметь крепкие нервы и быть готовы на самый отчаянный поступок. Ну, что — есть такие?

— Так точно, ваше величество! — отчеканил Эгилруд, высокий блондин родом из Боссонии; его рука взлетела к забралу шлема в почтительном жесте.

— Отлично. Выдайте им неприметную, не форменную одежду, доспехи разного фасона, предоставьте запасных лошадей и сухой паек на несколько дней. Вы лично должны экипироваться таким же образом и прибыть к штабному шатру незадолго до того, как начнет светать.

Боссонец еще раз отдал честь, кивнул и вышел из шатра, а Конан пояснил остальным присутствующим:

— Порой горстка умелых и сильных храбрецов может сделать то, что не под силу целой армии.

— Каков же ваш план, ваше величество? — поинтересовался граф Троцеро. — Я сгораю от нетерпения получить приказ и приступить к подготовке его выполнения. Для начала мне нужно будет раздобыть одежду попроще...

— Нет, Троцеро, то, что я задумал, будет... не самым эффективным использованием твоих сил и опыта. Я хочу, чтобы ты и все вы, почтенные офицеры и генералы, как можно быстрее продвигали нашу армию к Ианте. Не стремитесь к промежуточным победам, проходите мимо крепостей под прикрытием стрелков, не захватывайте вражеских солдат в плен. Если все пойдет так, как я задумал, столица Офира будет ожидать вас как избавителей и радостно откроет вам ворота.

Конан обернулся к карлику, тихо сидевшему до этого в одном из углов штабного шатра:

— Делвин, ты по-прежнему готов поручиться за своих приятелей в Ианте?

— Все остается в силе, ваше величество, — с серьезным и несколько излишне торжественным видом изрек шут. — Если вы представитесь

герцогу Лионарду в его особняке за внешними стенами Ианты, он сможет провести вас во внутреннюю крепость, в замок-цитадель. Этот герцог — первыйший и самый влиятельный из недругов Малвина. Куда сложнее, сдается мне, будет войти в сам город.

— Нет, сейчас, когда в воротах толкуются толпы беженцев, торгащей и прибывающих в гарнизон пополнении, сделать это будет нетрудно. Эй, Просперо, помоги-ка миг с этими креплениями. — Киммериец стал снимать доспехи, начав с полированной позолоченной грудной пластины. — Мне понадобятся другие доспехи, лучше им т — огирские. Генерал Оттобранд, посмотрите, не осталось ли нам чего-нибудь подходящего с плеча пленных, тех, что покрепче сложены?

— Что? Ваше величество... — Троцеро отказывался поверить в происходящее. — Вы планируете сами ехать в город?! Но на чем основана ваша уверенность в успехе — на словах этого урода, перебежчика, шпиона короля Балта?.. — Граф резко ткнул пальцем в сторону Делвина, даже не пытаясь сдержать свой гнев: — Как ты можешь доверять ему, Конан?! Откуда мы знаем, что шут не хочет просто-напросто сдать вас в лапы своему бывшему хозяину?

Сбросив с себя кирасу, киммериец положил ее у восточной стены шатра и спокойно ответил:

— Я верю Делвину, ибо он остается здесь, в распоряжении моих верных офицеров. Если я погибну, или выяснится, что он нас обманул, вы сами понимаете, чего будет стоить его жизнь.

Дорога в Ианту заняла два дня и большую часть ночи. Обогнав передовые аквилонские части, миновав дальние Дозоры, шестерка всадников — Конан, Эгилруд и четверо разведчиков — углубилась в земли Офира. По дороге они обгоняли беженцев, тянувшихся со своим скарбом в столицу, и старались подальше объезжать патрули и марширующие роты противника. На исходе второго дни, уже в сумерках, огни на стенах и башнях Ианты маячили на горизонте. Вскоре показались и мачтовые огни кораблей, проплыvавших мимо города по Красной реке. К счастью, всадники успели въехать в столицу до Выступления комендантского часа. Назвавшись немедийскими ополченцами, отбившимися от своего отряда, они были пропущены начальником караула через ворота; сержант-офицер даже объяснил им дорогу до комендатуры. В обреченном на долгую осаду и штурм городе царила возбужденная, почти праздничная атмосфера. Повсюду шатались пьяные солдаты, жители вышли на площади, чтобы продать хоть за грош свое имущество, а затем спрятать деньги в тайниках или даже закопать их где-нибудь за городскими стенами. Спекулянты

придирично осматривали товар, отчаянно торгуясь и уже предвкушая будущий навар. За торговлей заинтересованно наблюдали одинокие воры-карманники и целые группы грабителей, тоже предвкушающие легкую добычу. Городская стража и гарнизон были слишком заняты подготовкой к осаде, чтобы обращать внимание на порядок в городе. У посторонних наблюдателей даже возникло сомнение, что скорей погубит Ианту: грабежи ворвавшихся в город вражеских солдат или же собственные мародеры.

Аквилюнцы безошибочно выглядели в толпе горожан человека в нужной степени подпития. За кружку эля он, не задавая незнакомцам лишних вопросов, провел их к дворцу герцога Лионарда, стоявшему у самой реки. Здесь пьяница, получив обещанный медяк и, для пущей достоверности, хороший пинок под зад, покинул шестерых всадников, направившихся к ближайшему питейному заведению. Через глазок в воротах дворца аквилюнцев кто-то долго рассматривал, а затем после долгих препирательств и за небольшое вознаграждение привратник впустил их внутрь. Оказавшись во дворце, Конан и его спутники быстро добились приватной аудиенции у герцога Лионарда.

— Сюда, теперь сюда. Тихо.

Улицы города, по которым Лионард и его слуга вели аквилюнцев, были пустынны. К удивлению Конана, на них не было не только нарушителей комендантского часа, но и патрулей. Редкие стражники, стоявшие на некоторых углах, вознаграждались за свою благосклонность к припозднившимся «немедийцам» и сопровождающему их аристократу парой-тройкой мелких монет.

Конан даже не сообразил, где именно череда переулков, узких проходов между стенами, ржавых железных Ворот и крытых галерей перешла во внутренние помещения замка-цитадели. Но в том, что дело обстояло именно так, киммериец и его спутники убедились, когда открывшаяся перед ними дубовая дверь привела их в широкий полутемный коридор, по стенам которого висели пыльные ковры, а в нишах по обеим сторонам стояли изваяния каких-то давно умерших аристократов Офира. Сомнений быть не могло — такой интерьер мог принадлежать только королевскому замку, правда, в нижней, малообитаемой его части.

— И все же поклянитесь мне, — в десятый раз взмолился Лионард, — что вы не станете вести переговоры с лордом Малвином.

Герцог семенил рядом с широко шагающим Конаном, на их спинами шел со свечой в руке слуга герцога; на шаг позади следовали Эгилруд и его немногословные разведчики, чьи ладони ни на миг не разжимали рукоятки

их мечей. Вся компания двигалась почти бесшумно, предварительно оставив на себе лишь минимум доспехов, чтобы избежать любого лязга и позывкивания.

— Я ничего не буду иметь против, — продолжил герцог, — если вы найдете компромисс с немедийским монархом, но, во имя Митры, — не пытайтесь договориться с Малвином. Тогда мне конец... Впрочем, клянусь вам, дело не в моей жизни, а в судьбе страны, исстрадавшейся под гнетом жестокого тирана. Я бы давно сам поднял голос против Малвина, но он лишил меня трибуны, исключив из членов Совета. Да что такое Совет при власти деспота...

Лионард был маленьким, сухим, похожим на паука человеком. Одетый в темный халат поверх цветастых шелков, которые были на нем дома, он едва ли походил на представителя древнего аристократического рода и обладателя высокого титула, несмотря на множество подобающих его положению атрибутов: напомаженных усов, дорогих сапог из тонкой кожи и изящно украшенной драгоценными камнями сабли. Впрочем, интригу своей вендетты он плел с настойчивостью, достойной настоящего аристократа:

— Воистину, о король Конан, — если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, — так вот, Конан, повелитель Аквилонии, я молю тебя о милости для лежащей рядом с твоим государством страны: отбрось даже мысль о том, что с лордом Малвином можно вести какие бы то ни было переговоры и заключать хоть какие-то сделки.

— Да, да, герцог, — монотонно соглашался Конан, не замедляя шага, — никаких дел с Малвином. Не бойся, мне не о чем говорить с этим негодяем.

— Как вы распорядились, — перешел на другую тему Лионард, — я вызвал свою охрану. Этот негодяй Малвин реквизировал мою собственную роту как бы на оборону города. На самом деле — это всего лишь предлог, чтобы оставить меня беззащитным перед ним. И все же дюжина бойцов будет ждать наших распоряжений у главных ворот цитадели.

— Отлично, — кивнул Конан, — они могут нам понадобиться, когда придет время. Так, теперь куда? — спросил он, увидев, что коридор, по которому они шли, упирается в другой, перпендикулярный ему.

— Направо, — ответил Лионард и пояснил: — Этот коридор ведет прямо в вестибюль большого зала, где Малвин каждый вечер пирует со своими приспешниками и с Балтом. В вестибюле будет стража — верные дворцовые охранники. Этих я не смогу ни подкупить, ни подговорить. Скорее всего, они будут смотреть в другую сторону, наблюдая за главным

входом.

— Ну что ж, настало время поработать мечом. — Клинок Конана со свистом вылетел из ножен; в тот же миг за ним последовали клинки аквилонских разведчиков, наполнив на короткое время коридор звуком, напоминавшим шипение огромной рассерженной змеи.

— Только не это, герцог, — прошептал Конан, удерживая руку Лионарда, схватившегося за рукоять его элегантной сабли. — Тебе лучше оставаться в роли спасителя страны, а не мятежника.

Отпустив локоть герцога, Конан выхватил левой рукой из-за пояса боевой топор с обоюдоострым лезвием и резко взмахнул этим страшным оружием в воздухе.

Герцог и его слуга поспешили отступили к стене, скорее i облегчением, чем с неудовольствием. Конан обернулся к Эгилруду и молча кивнул ему. Тот через плечо шепнул:

— Вперед, ребята! Быстро и без шума!

Пройдя немного вперед по коридору, Конан и его шутники перешли на мягкий, почти беззвучный бег, когда впереди замаячил освещенный дверной проем. За ним, в небольшом помещении стояли лицом к выходящей во внутренний двор двери четверо стражников с кинжалами на боку и пиками в руках.

Охрана явно не ожидала нападения, и уж меньше всего — со спины, из бокового прохода в лабиринт крепости. Но в последний момент один из часовых услышал нарастающий шум шагов и обернулся, чтобы выяснить, ню приближается к его посту. Меч Конана, свистнув в воздухе, вонзился солдату в горло; брызнул фонтан кропи, и часовой почти беззвучно повалился на пол, а Конан уже выставил перед собой топор, отбивая укол пики второго охранника.

От дверей, ведущих в банкетный зал, отделились еще дна солдата, не замеченные аквилонцами ранее. Но даже при сравнявшихся шансах бой был кратким и оказался Врой в одни ворота. Отбив укол пики второго противника, Конан тем же движением топора заехал ему в стальной нагрудник, отчего солдат покачнулся и так и не успел прийти в себя до того, как Эгилруд нанес ему смертельный удар сквозь тонкую заднюю пластину кирасы. Оставшиеся часовые вступили в безнадежную схватку против теперь уже численно превосходящего противника. Последний из офицеров погиб, пронзенный одновременно четырьмя мечами, ударившими по нему с разных сторон. Никому из стражников не удалось сбежать, чтобы поднять тревогу. Впрочем, шум боя и предсмертные крики вряд ли остались незамеченными в ближайших помещениях замка-крепости.

Когда последний из защитников замер на полу в луже крови, в вестибюль главного зала проскользнули герцог и его слуга. Подчиняясь жесту Конана, они проследовали через открытую входную дверь во двор.

— Закройте за ними дверь, — приказал Конан двум своим подчиненным, показывая на массивные дубовые панели. — Впускать только Лионардз и его людей, когда и если они появятся. Вы двое — следуйте за мной.

Повесив топор на специальный крюк, закрепленный на ремне, Конан подвел оставшихся разведчиков и Эгилруда к внутренним дверям, ведущим из вестибюля в банкетный зал:

— Тихо! Будьте начеку. Начали!

Тяжелая панель, движимая сильными руками Эгилруда, чуть приоткрылась, оставив щель шириной с ладонь.

За дверью оказался большой зал, полный веселящихся людей, сидящих за каменными столами на каменных же скамьях. Огромная бочка с элем стояла на подставке с колесами, по соседству возвышалась чугунная жаровня, излучавшая волны тепла, сдобренные ароматом запеченного целиком, но уже изрядно расположенного кабана. Судя по всему, благородные гости — человек тридцать-сорок — уже почти разобрались с горячим, оставив себе наслаждение десертами и выпивкой. До слуха Конана донеслись обрывки фраз — гости вели какую-то оживленную дискуссию на политические темы. Кое-кто лишь мельком глянул на приоткрывшуюся дверь, явно не выразив при этом никакой озабоченности по поводу шума в вестибюле.

Быстро окинув зал взглядом, киммериец подал Эгилруду знак закрыть дверь. Затем, подумав, король сказал разведчикам:

— Сейчас вы откроете дверь и, как только я войду в зал, захлопните ее, заприте на лики часовых. В общем, не выпускайте никого, кроме меня. Оставайтесь на посту до тех пор, пока все не кончится или вы не убедитесь окончательно, что я мертв.

Эгилруд при этих словах нахмурился:

— Ваше величество, если вы погибнете, нашим жизням — грош цена. Что мы можем сделать, чтобы оградить вас от лишних опасностей?

— Выполнить приказ — вот лучшее, что вы можете сделать! Я ведь не ищу приключений на свою голову от нечего делать. Просто за долгие годы странствий и войн, еще до того как стать королем, я научился ценить острую сталь доброго клинка и прямой путь к врагу, с которым и смогу сразиться лицом к лицу. Так что, ребята, делайте, что сказано. Можете пожелать мне удачи, но тихо! А теперь — раз, два... три!

Дубовые двери на миг распахнулись ровно настолько, чтобы пропустить широкоплечего Конана в зал, а затем с грохотом захлопнулись за спиной киммерийца, грозно шагнувшего вперед, держа в правой руке меч, а в левой — топор, клинок и лезвие которых уже были обагрены кровью.

На этот раз при появлении грозного, в полном вооружении, воина гул в зале затих. Навстречу Конану без лишних просьб поднялись двое гостей — судя по всему, самых молодых и наименее знатных приглашенных. Одинокий голос продекламировал:

— Я, конечно, уверен, о Повелитель, что крепость выдержит любой штурм и осаду, а сейчас в нее не про никнет и мышь. И все же, хотелось бы знать, кто этот очаровательный молодой человек — не посланник ли наших генералов, прибывший со срочным донесением? — неожиданно голос говорившего дрогнул: — Что это? Его оружие в крови!

В ответ раздался другой голос, в котором звучали прозрение и ирония:

— Видимо, очередной дезертир с ужасающими известиями с восточного фронта. Сейчас он поведает нам о том, что остался один из всего легиона, а заодно и уточнит, кровь скольких солдат противника застыла на его оружии.

Дальнейшие комментарии утонули в удивленных и перепуганных возгласах при виде того, как незнакомец расправился с двумя добровольцами, собравшимися вытолкнуть его из зала. Первому он раскроил череп топором; второй попытался увернуться от меча, но безуспешно — одним движением клинок перерубил шею несчастного, и его голова, словно чудовищный мяч, покатилась по полу.

— Что?! Что происходит?! Это же посланный противником убийца! Остановить его немедленно!

Громко крича, аристократы дружно схватились за оружие. Правда, большинство из них первое делало с большим рвением, чем второе. Лишь три человека яростно бросились с саблями на киммерийца, остальные же почему-то нашли для себя убедительный повод не торопиться и выбрать удобную позицию подальше от страшного незнакомца.

Тroe атакующих, используя численное превосходство, стали широко обходить Конана. Сабли молниями засверкали в воздухе... Но тяжелое, внешне неповоротливое оружие киммерийца успевало не только отражать все удары атакующих, но и отвечать на каждый второй из них собственным выпадом. Вот со звоном по полу покатились обломки не выдержавшей столкновения с топором сабли, и ее владелец грузно осел, склонив на грудь раскроенную голову. Вторая сабля выпала из рук другого нападавшего,

получившего режущий удар мечом, вспоровший ему половину живота.

Третий противник, отступая под градом ударов Конана, споткнулся о ноги одного из погибших товарищей и упал на каменный пол... уже мертвый, с развороченной тяжелым топором грудной клеткой.

В зале повисло зловещее молчание. Гости, собравшиеся помочь в обезвреживании незваного гостя, замерли на полпути к нему.

Послышался сдавленный шепот:

— Это какой-то дьявол!

— Эй, ты, мясник, озверевший от легкой крови, — раздался более уверенный голос, — иди сюда и позволь мне излечить твоё безумие, как я излечил на своём веку многих и многих несчастных, подобных тебе.

Голос принадлежал не кому иному, как королю Балту, закаленному в боях правителю Немедии. Он оказался лучше других гостей защищен доспехами, ибо никогда не появлялся на людях без многослойного кожаного панциря, носимого им со временем службы в штурмовой роте немедийского легиона. С тех пор, правда, кожаный доспех был изрядно усилен многочисленными металлическими пластинами и кольцами. Украшенный золотыми побрякушками, подобающими воину королевского ранга, доспех стал для Балта чем-то вроде повседневной монаршей мантии;

Не менее функциональна была и корона короля Немедии, представлявшая собой, по сути, украшенный золотыми пластинами и драгоценными камнями стальной шлем.

Уже немолодой, король Балт, широкоплечий, высокий, явно не ослабевший с годами, выглядел весьма внушительно. Он неподвижно застыл у своего стола, поджиная незнакомого воина, направившегося к нему.

— Он мой! — рявкнул немедиец. — Всем разойтись! А ну, назад! — Последний окрик был адресован двум его телохранителям, шагнувшим навстречу Конану с оружием наизготовку.

Но приказ прозвучал слишком поздно. Первый телохранитель, не успев толком ввязаться в бой с киммерийцем, чтобы дать второму возможность спокойно нанести смертельный удар, сам оказался на полу с фонтаном крови, прерывисто бившим из пробитого легкого. Второй стражник с удивленным выражением на лице упал на одно колено, получив неожиданно для себя сзади удар двуручного меча Балта плашмя по плечу.

— Назад, я сказал! — в ярости заорал король Немедии. — Если кто-нибудь еще сунется, я за себя не отвечаю! Не лезьте не в свое дело. Этот дикарь — мой!

Балт едва успел закончить свою тираду, когда Конан Просился в атаку.

Меч и топор киммерийца взлетели высоко в воздух. Опыт бесчисленных боев и поединков Балта сделал свое дело: король Немедии не только выдержал первый натиск противника, встречая удары его оружия своим тяжелым мечом, но и даже перешел в контратаку. Вновь и вновь удары Конана не доходили до цели, отбитые клинком Балта, или скользили, не причиняя вреда, по его доспехам.

Несколько раз грозное оружие немедийца вонзалось и нагрудник короля Аквилонии с такой силой, что лишь двойная стальная пластина сохраняла тому жизнь, и только огромная физическая мощь позволяла киммерийцу устоять на ногах. Два короля кружились в смертельном ганце в окружении придворных, не смевших прийти на помощь одному из них, да и поверивших в то, что нашелся наконец воин, который оборвет кровавую жатву незнакомца.

Наконец более опытному Балту удалось заманить Конана в западню. Меч киммерийца скользнул в стык между двумя пластинами немедийского доспеха. Готовый к этому, Балт тотчас же изо всех сил стал давить своим тяжелым мечом на клинок Конана, стремясь вывернуть его, выбить из рук противника. Понимая, что остаться с топором против столь мастерски владеющего своим двуручным длинным мечом воина было бы более чем нежелательно, Конан, скав зубы, изо всех сил рубанул топором по тому месту, где замерли скрестившиеся клинки. Не ожидавший такой выходки Балт на мгновение потерял равновесие, чем Конан не замедлил воспользоваться. Его топор, разъединив мечи, набирая скорость, опустился вниз, к самому полу и, не останавливаясь, описав в воздухе полный круг, обрушился на шлем-корону немедийца. Стальное полушарие было разрублено на две части, как, впрочем, и голова, находившаяся под ним. Кровь и мозги брызнули во все стороны, заляпывая сизыми клочьями грудь победителя. Проигравший свой последний поединок король Балт упал на пол, так и не узнав, кто оборвал его жизнь.

Секундой позже кто-то из объятых страхом придворных опознал киммерийца:

— Эрлик! Это же Конан, вражеский король! Конан, повелитель Аквилонии, убил Балта, короля Немедии.

— Точно, я вспомнил его профиль по аквилонским монетам. Варвар пришел сюда, чтобы перебить нас в самом сердце огирской столицы?

Осознание этого факта заставило придворных подавить наметившийся было порыв навалиться на Конана всей толпой. Гости попятались, вновь оставляя аквилонского короля в одиночестве над полудюжиной трупов.

— Вот так, правильно, разойдись! — послышался бодрый голос. —

Будь он хоть трижды король, я должен убить это чудовище. Дайте мне прицелиться, расступитесь.

Конан бросил взгляд в сторону, откуда доносился голос. Оказалось, что в руках одного из гостей, седовласого вельможи, появился лук, видимо снятый со стены над камином, у которого оказался в суматохе сообразительный придворный. В этот момент он уже закончил подтягивать ослабшую за время долгого висения тетиву и потянулся за стрелой к брошенному на стол колчану.

— Сейчас, сейчас ты рассчитаешься за то, что натворил в этом замке, — приговаривал стрелок, напрягшийся, чтобы натянуть тетиву тугого лука.

Против ожидания, пущенная стрела полетела совсем ни туда, куда хотел направить ее стрелок. Просвистев в воздухе, она вонзилась в толпу наблюдателей, стоявших на порядочном расстоянии от Конана. В следующий миг лук глухо ударился о каменный пол, выпав из рук седовласого стрелка, что, впрочем, было не удивительно, принимая во внимание тот факт, что в его грудь вонзился тяжелый топор, точно пущенный Конаном в цель на долю секунды раньше выстрела вельможи.

Едва ли не со скоростью летящего топора Конан бросился к упавшему луку, на ходу двумя взмахами меча разделавшись с теми, кто попытался преградить ему путь. Чья-то рука, протянувшаяся к колчану, была тотчас же отсечена клинком киммерийца, и под крики изуродованного оффирского советника Конан схватил лук, одновременно вскакивая на один из столов.

Вытащить из колчана стрелу, приладить ее, натянуть тетиву, прицелиться и выстрелить — все это заняло у Конана несравненно меньше времени, чем у предыдущего стрелка. Зазубренный стальной наконечник стрелы беззвучно вошел в горло бросившегося в атаку немедийского офицера, оборвав его боевой клич. Следующая стрела остановила порыв другого немедийца, кинувшегося на помощь первому. Третий выстрел киммерийца оборвал жизнь подставившего спину оффирца, в последний момент передумавшего атаковать и развернувшегося к выходу.

Паника охватила гостей; каждый хотел спасти свою жизнь любой ценой, пусть даже ценой жизней всех остальных. Люди метались по залу, прячась друг за друга, да и под столы — лишь бы избежать жалящего прикосновения летающей смерти. Кто-то догадался спрятаться под трупами на полу, но тотчас же был затоптан безумно бегающими по залу людьми. Несколько человек в отчаянном порыве бросились с оружием в руках на синеглазого великана, но лишь ускорили свою смерть, облегчив киммерийцу выбор первоочередной цели.

Кровавый ад воцарился в зале. Одна толпа придворных сгрудилась у широких дубовых дверей, накрепко запертых снаружи, другая — поменьше — ломилась в маленькую дверь, ведущую на кухню. Этот выход оказался заперт забаррикадировавшимися за дверью слугами еще в самом начале бойни. Несколько человек уже нашли свою смерть или были изувечены сапогами и кулаками тех, кто давил сзади на стоявших у самых дверей.

Среди тех, кто бесцельно царапал кинжалом дубовые доски главного входа, Конан заметил какое-то скоординированное действие. Несколько человек, подняв с пола каменную скамью, решили выломать дверь этим импровизированным тараном. Двух точно пущенных стрел оказалось достаточно, чтобы жертвы, рухнувшие под ноги оставшимся в живых, заставили тех выпустить скамью из рук. Тяжелый камень, падая, переломал ноги нескольким несчастным, огласившим зал новым взрывом криков и стонов. Уцелевшие бросились врассыпную прочь от дверей, а Конан, обернувшись, приготовился встретить новую опасность.

Полдюжины обезумевших от отчаяния офицеров, объединив усилия, подняли с основания тяжелую каменную столешницу и, прикрываясь ею, как щитом, вознамерились загнать напавшего короля-убийцу в угол и раздавить его, размазав по стенам.

Хладнокровно оценив ситуацию, Конан прицельно выпустил две последние стрелы в плечо и ногу, торчащие из-за каменного щита. Послышались крики раненых, и продвижение атакующих замедлилось. Столешница по качнулась, и, прежде чем она вновь обрела равновесие, Конан изо всех сил прыгнул вперед, угодив ногами в ее верхний край. Под его тяжестью каменная плита рухнула на пол, похоронив под собой двух несчастных, не успевших отскочить в стороны. Их тела смягчили падение плиты: вместо грохота раскалывающегося камня послышался лишь хруст костей, хриплый выдох и какое-то чмоканье.

— Этот демон бессмертен! — взвыл, перекрывая общий гвалт, кто-то из офицерских вельмож.

На миг все стихло, а затем шквал воплей вновь разорвал тишину:

— Пощади нас, о внушающий ужас воин!

— Мы побеждены! Мы сдаемся на твою милость!

— Пощады! Молим тебя лишь об одном: сохрани нам жизнь!

— Он же король! Приветствуем же его, нашего победителя и нового короля! Слава великому Конану!

Слава! Присягаем тебе на верность, король Аквилонии и Офира!

Хриплый голос Конана оборвал этот поток словесный в его адрес:

— Где Малвин? Покажите мне вашего повелителя! Я должен убить

его, убить сейчас же, лично!

Конан пошел по залу, пиная и переворачивая лежащие на полу как живые, так и мертвые тела, вглядываясь в лица, бледные от боли и страха. Помещение не было натоплено кровью, потому что из ран, в которых торчали стрелы, стекали на пол лишь тонкие алые струйки. Все, кто, находясь в сознании, ощущал на себе ледяной взгляд киммерийца, из последних сил выкрикивали:

— Слава тебе, о великий Конан!

Оставив в покое этих выживших в бойне предателей, Конан направился к последнему убежищу трусливых придворных — большому каменному столу, под круглой крышкой которого сбились тесной кучкой несколько человек.

Неожиданно из-под стола вылез невысокий худощавый человек в одежде придворного небольшого ранга. Сжимая в руке длинный кинжал, он с отчаянной решимостью шагнул навстречу Конану, явно заслоняя собой тех, кто остался под столом.

— Сразись же с ним! Спаси свое королевство!

Эти подбадривающие реплики донеслись из-под стола, произнесенные высоким, но не из-за сдавившего горло страха, а от природы высоким голосом. Присмотревшись, Конан разглядел согнувшуюся под столом явно женскую фигуру, хотя и одетую в мужское платье. Но всей видимости, ободряющие крики женщины адресовала не вставшему на пути Конана придворному, а кому-то другому, упорно не желающему вылезать из-под стола.

— Убей его! — продолжала твердить женщина. — Или хотя бы встреть его лицом к лицу, докажи, что ты был настоящим мужчиной и погиб как герой!

Видя, что ее уверения не возымели действия, женщина прибегла к последнему доводу:

— Клянусь, я умру, сражаясь рядом с тобой!

Увидев подходящего с мрачной решимостью на лице Конана, женщина почти вылезла из-под стола и, встав на одно колено, выхватила прямой морской палац, висевший в ножнах у нее на боку. Коротко остриженные рыжие волосы молодой женщины были растрепаны, плащ расстегнут, а в вырезе туники виднелась полная, не тронутая загаром грудь.

Какой-то слабый голос раздался из-под стола. Слов Конан не разобрал. Женщина же, отведя взгляд от глаз киммерийца, на миг вновь опустила голову под каменную крышку, а затем разгневанно переспросила:

— Что? Предложить ему сделку? Что-что он может взять за твою

жизнь?.. Нет, Малвин, жалкий трус, это я предложу тебе кое-что... за твою трусливость ты достоин только смерти!

Не успел ее собеседник что-либо возразить, как рыжеволосая женщина резким движением вонзила в него свой палаццо, затем вытащила клинок из раны и вновь нанесла удар. На этот раз ее оружие осталось под столом, из-под которого донесся сдавленный стон, превратившийся в хриплый булькающий звук и шуршание скребущих по полу рук и ног. Несколько бледных теней расползлись по залу, оставив под каменной крышкой стола умирающего человека в полированных доспехах. Одна рана была нанесена ему, видимо, снизу, между ног; со второго удара палаццо женщины застрял в шее еще недавно могущественного Повелителя Офиры.

— Амлуния... — в последнем выдохе прохрипел лорд Малвин и захлебнулся хлынувшей из его рта кровью.

Поняв, что Повелитель мертв, готовый защищать его вельможа бросил свой кинжал и, подняв руки, застыл, молча глядя на Конана.

Женщина по имени Амлуния неспешно, но решительно приблизилась к королю Аквилонии и остановилась в пределах досягаемости его меча.

— Ну что ж, убей меня, если тебе это нужно, ненасытный убийца, — спокойно сказала она. — Убей... или сохрани мне жизнь. Тогда ты даром получишь то, за что Малвина было запрошено целое королевство. Еще один шаг вперед, и, прижавшись к Конану всем телом, Амлуния запечатлела на его губах горячий, влажным поцелуй.

— Он не был ни мужиком, ни королем. Ты же — настоящий мужчина и великий король, — прошептала пил. — Владей же Офирам, могучий король-воин. Офирам и... мною, если ты сможешь удержать в своей власти то, что сумел добыть мечом, чинив кровавую бойню...

Глава VI ОСАДА

— Ианту будем держать! Пусть Амиро хоть головой бьется в ворота — города ему не видать.

Заявив так, Конан резко ударил кулаком по каменному треугольнику одного из зубцов на верхней площадке смотровой башни цитадели

— Столица Офира наша, — продолжил он, обернувшись к сопровождающей его группе офицеров и советников. — Столица и половина территории страны — до Красной реки и Аронда на востоке. Я не отрицаю — кофийские всадники быстры, а и вся армия знает свое дело. Но я не думаю, что Амир сумеет противопоставить что-либо крепким и высоким стенам Ианты и надежно охраняемой переправе.

Граф Троцеро, смотревши со стены на уходящий вниз почти отвесный скалистый берег Красной реки, кашлянул и заметил:

— Все это так, Конан. Но ведь Амиро возьмет город в осаду. Часовые на восточных башнях города уже докладывают, что кофийцы строят осадные башни, монтируют подвесные тараны и собирают катапульты.

— Разумеется, все это — верные признаки готовящейся осады и штурма, — чуть иронично продекламировал Конан и ухмыльнулся — Но, к несчастью для Амиро, Ианта лежит на обоих берегах реки, и мы контролируем обе части города заодно с двумя мостами. Других переправ поблизости нет. Так что пусть Амиро хоть тремя поясами окружит восточную часть Ианты, пока мосты в наших руках — назвать это осадой не представляется возможным. В городе не будет нехватки продовольствия, а значит — беспорядков и восстаний. Я напомню тебе, Троцеро, что мы, аквилонцы, спасители и освободители этой страны, желанные гости ее нового и законного губернатора — лорда Лионарда.

Конан кивнул в сторону паукообразного герцога, который поспешил подобострастно поклониться, нервно дергая усами. Подмигнув Троцеро, Конан продолжил:

Непримиримые враги Амиро, истинные патриоты Офира будут храбро сражаться, отражая атаки противника на нашу — и, разумеется, вашу, любезный герцог Лионард, — крепость.

— Нашу общую твердыню... — зачем-то брякнул Лионард и снова поклонился Конану.

* * *

Вид, открывавшийся с башен замка-крепости, был действительно великолепен. Красная река, берущая начало в Карпашских горах, виднеющихся где-то далеко на горизонте, стремительно катила свои красно-бурые от глины воды мимо пойменных лугов и густых лесов.

Древняя цитадель стояла на высокой скале в излучине реки. Каменная глыба частично перегораживала поток, делая его достаточно узким для постройки моста. Кроме того, это была верхняя точка течения реки, куда круглый год могли подниматься грузные морские суда. Дальше товары следовало перегружать либо в плоскодонные речные лодки и на плоты, либо навьючивать на спины караванных верблюдов и мулов. Некогда какой-то пират или разбойник, смекнув, насколько выгодным может быть это место, заложил на скале крепость и обложил данью все проплывающие по реке суда и приходящие к ее берегам караваны. Шли века, на деньги, собранные с торговцев, строились мосты и крепостные стены; рос город, обрасти новый кольцом башен и фортификаций.

С крепостных башен город был виден как на ладони: россыпь куполов и шпилей храмов, башенки дворцов и сплошная терракотовая череда крыш, рассекаемых улицами и переулками. Через реку перекинулись два моста: северный — узкий, изящно изогнутый многоарочный виадук, и южный — с одним широким, как Дорога Королей, пролетом. Множество причалов вдавалось в речные воды. Почти все пристани были заняты стоящими под погрузкой торговыми кораблями. Весь огромный город был окружен кольцом каменной стены с чередой башен, стоявших на равном расстоянии — примерно в сотне шагов — друг от друга. Кольцо размыкалось лишь у реки, где четыре мощных бастиона, — по два с южной и северной стороны — острыми углами стен врезались в пенящиеся у их подножия полны.

Надо всем этим возвышалась древняя цитадель, и па смотровой площадке ее дозорной башни стоял сейчас Конан с горсткой аквилонских и огирских офицеров, включая Лионарда, Троцера и разведчика Эгилрудса, на шлеме которого появился чеканный орел — знак капитанского звания. Чуть в стороне, прислонившись к массивной раме катапульты, стояли закованый в доспехи карлик Делвин и затянутая в кожу рыжеволосая женщина-воин по имени Амлуния. Было видно, что эти двое успели познакомиться за несколько дней, проведенных Делвином в крепости. И хотя обычно карлик сторонился женщин, с Амлунией, новой фавориткой короля Конана, он установил дружеские, доверительные отношения.

— Нам повезло, — продолжил свою мысль Конан, — что цитадель находится на аквилонском берегу. Если бы не так — Амиро мог бы попытаться захватить мосты, высадив десант с лодок, или даже уничтожить их, чтобы отрезать нас. А теперь он сам будет заинтересован в том, чтобы сохранить мосты в целости, если, конечно, собирается штурмовать крепость. Для этого ему в первую очередь придется взять штурмом восточную часть города. К счастью, с этими машинами, — Конан похлопал рукой по рычагам одной из баллист, — мы сможем держать под контролем реку, сжигая огненными ядрами любые неприятельские суда, контролировать мосты, держа их под прицелом, как, впрочем, и большую часть города. — Последнюю ремарку Конан сопроводил выразительным взглядом в сторону Лионарда, который лишь смиленно склонил голову.

— Я думаю, — сказал Конан, — что если аквилонские части составят гарнизон цитадели, действуя как резерв и выступая в роли советников, то мы вполне сможем доверить огирским войскам оборону стен их собственной столицы.

Лионард поспешил подтвердить:

— Не сомневайтесь, ваше величество. Ни один житель Ианты не допустит, чтобы ворота города были открыты мародерам Амиро!

Новоявленный губернатор помолчал, прокашлялся и осторожно осведомился:

— И все же, ваше величество, насколько мудрым будет решение отослать из города значительную часть ваших войск так быстро после... освобождения Ианты от тирана Малвина?

Явно боясь разгневать киммерийца, Лионард не решился развить свою мысль и замолчал, умоляюще заглядывая в глаза остальных советников, ища у них поддержки.

— Действительно, Конан, — согласился с герцогом граф Троцеро, — от Амиро можно ждать любых неожиданностей. Он может переправиться через реку за стенами города, сжечь предместья и даже полностью окружить Ианту...

— Пусть попробует, — перебил графа Конан. — Вода стоит высоко, он половину армии утопит, переправляясь. Единственный брод находится в двенадцати лье выше по течению. Вниз по реке брода нет. По моему приказу солдаты переправили все лодки и паромы в предместьях на нашу сторону, а на том берегу сожгли все пристани и доки. Лично я не рискнул бы переправляться в таких условиях. Не думаю, что на этот риск пойдет и Амиро: судя по всему, принц далеко не дурак. Нет, Троцеро, самое мудрое сейчас — отправить все свободные части на север, в Немедию. Узнав, что

Балт убит, тамошние бароны не замедлят выбрать нового короля и начнут войну против Аквилонии, что нам сейчас ни к чему. Нужно опередить их, не дать им собраться с силами. Один раз я уже проспал возможность пожать плоды славной победы и не намерен повторять эту ошибку.

Троцеро помолчал и задумчиво произнес:

— Если у нас все получится, мы станем основатели ми могучей империи.

— Получится, получится, можешь не сомневаться, — Конан дружески хлопнул графа по плечу, от чего Троцеро пошатнулся и был вынужден сделать шаг назад, чтобы восстановить равновесие. — Кавалерия Оттобранда движется на север, опережая сам слух о смерти Балта. Надеюсь, что немедийскую знать удастся застать врасплох. Я отдал Просперо приказ поискать в Бельверусе надежного истинного патриота, который, но примеру Лионарда, смог бы достойно управлять страной под нашим протекторатом. Я лично через несколько дней отправлюсь туда, приму присягу нового губернатора и разберусь с наиболее упорными и не желающими сотрудничать баронами. А тебе, Троцеро, и доверю оборону Ианты. Пока на северном фронте все не образуется, нужно удержать город, не дать Амиро взять его.

— Видимо, в дальнейшем с Амиро нам еще предстоит разобраться.

— Точно, — кивнул король. — Вышвырнув его из Офира, мы сделаем первый шаг к завоеванию самого Кофа.

— К югу от города множество дымов! — крикнул кто-то из огирских офицеров.

Конан бросил взгляд в ту сторону и пожал плечами:

— Амиро жжет предместья. Ничего не попишешь. Неразумно, конечно, было располагать за стенами жилые кварталы, склады и мастерские. Но куда деваться, город-то растет...

— Ваше величество! — осмелился прервать Конана Лионард. — Сигнальщики с башен передают, что под прикрытием дымовой завесы Амиро начал штурм городских стен! Наши войска просят у крепостного гарнизона подкрепления.

— Неужели? Быстро же они испугались. Ладно, будет им подкрепление! Я сам срочно отправляюсь к Восточным воротам.

Развернувшись на каблуках, Конан в сопровождении своих офицеров проследовал к узкой лестнице, ведущей с башни прямо в крепостную конюшню.

* * *

Скачка по улицам Ианты была стремительной. Впереди неслись три Черных Дракона, заставляя расступиться прохожих и расчищая дорогу для летящего следом Шалманесера с его коронованным всадником. Замыкали процессию Троцеро и Лионард, с трудом успевающие за Конаном и его охраной.

Всадники пересекли реку по новому каменному мосту, кратчайшим путем, ведущим их к Восточным воротам, называвшимся еще Бычьими. На лицах прижимающихся к домам встречных горожан были написаны сложные чувства. С одной стороны, все видели в Конане чужеземца, захватчика, с другой, зная о почти бескровном захвате цитадели и о смерти Малвина, к которому мало кто питал симпатии, жители столицы Офира связывали с киммерийцем ожидания скорейшего решения всех военных вопросов и избавления от угрозы неминуемого разорения и порабощения в случае победы Амиро.

Улица, непосредственно ведущая к воротам, была запружена уходящими из окрестных кварталов жителями. Конан окликнул своих охранников и приказал:

— Оставайтесь здесь! Постарайтесь расчистить от беженцев путь от моста до ворот. Нельзя, чтобы резервная колонна увязла в толпе.

Черные Драконы повиновались, и Конан стал самостоятельно прокладывать себе дорогу к ближайшей башне городской стены. Привязав Шалманесера к коновязи у входа в башню, он почти взлетел на боевую площадку стены, где, кашляя и протирая глаза от едкого дыма, офирская стража пыталась разглядеть, что делается на подступах к городу.

Конан также ничего не увидел за стеной, кроме сплошной черной пелены.

— Организовать резервистов; пусть подают воду на стены, — распорядился он. — Пожарную бригаду — к воротам! Не пришлось бы тушить их. Расставьте бадьи по стене, чтобы солдаты могли промыть глаза, не покидая пост.

Неожиданно какой-то свистящий звук разорвал воздух, а затем раздался треск раскалывающегося камня. Вскрикнул раненный осколками солдат.

— Рогатый шлем Крома! — чертыхнулся Конан. — Откуда у Амиро взялись катапульты?! Ведь кофийцы строят у стен города не более суток!

К счастью, стреляя из-под дымовой завесы, противник не мог точно

прицелиться. Конан, Троцеро и Лионард и сопровождении огирского сержанта прошли по стене, подбадривая солдат и отдавая дополнительные распоряжения. Из равномерной пелены дыма вдруг вырвалось и взвилось к воротам более густое черное облако. Сквозь клубы дыма мелькнуло пламя. Видимо, противник придвигал к воротам какую-то пылающую массу, скорее всего — телегу с грудой наваленных на нее смолистых поленьев.

В этот момент на стену стала поступать вода, поднимаемая снизу при помощи специально сконструированных для этого колодезных воротов. Первые ведра уже были выплиты на внешнюю поверхность ворот, чтобы предотвратить их возгорание.

Конан, почувствовав, что вслед за огненным тараном порот должна последовать и атака на стены, не доверяя стопроцентно бдительности незнакомой ему огирской стражи, спустился с надвратной башни на стену как раз вовремя, чтобы заметить крюки штурмовой лестницы, зацепившиеся за верхний край укрепления. В нескольких саженях ниже сверкнули сквозь дым бронзовые шлемы кофийских солдат.

— Кром! К оружию, слепые псы! — заорал Конан.

Схватив алебарду ближайшего стражника, он приступил ее изогнутым клинком к верхней перекладине лестницы и, действуя древком как рычагом, вдвоем с пришедшим ему на помощь спохватившимся огирцем они оторвали крючья от стены и сбросили лестницу на землю. Внизу раздался звон оружия и доспехов, послышались крики и стоны. Киммериец оглянулся: по всей стене огирская стража вступила в бой, сбрасывая алебардами лестницы Кофийцев или рубя топорами верхние перекладины, а то и головы слишком высоко поднявшихся кофийских солдат. Поднявшиеся снизу резервисты-горожане швыряли на головы штурмующих заранее припасенные на стене бульджники. Со стороны города донесся топот множества ног. Присмотревшись, Конан увидел подтягивающееся с двух сторон подкрепление: от старого моста — огирских солдат под командой аквилонских офицеров, от нового — аквилонскую роту, пришедшую из цитадели.

Поняв, что опасность внезапного прорыва кофийцев на стены миновала и что его непосредственное руководство отражением штурма не является более необходимым, Конан окликнул Троцеро и спустился со стены в город. Отбивать атаки Амиро солдатам и офицерам объединенных огирско-аквилонских войск предстояло, по всей видимости, еще много дней.

* * *

Один из залов в нижних этажах крепости был наскоро отмыт и переоборудован в королевскую трапезную. По стенам развесили гобелены, грубые плиты пола прикрыли толстыми коврами, а в центре помещения установили широкий дубовый стол, на котором были выложены серебряные и золотые приборы, изящный фарфор десертной посуды и переливающийся в огнях свечей хрусталь винных кубков.

Обычно монаршие трапезы в цитадели Ианты проходили выше, в большом банкетном зале. Но из того помещения еще не выветрился запах крови после учиненной там Конаном бойни. Казалось, под теми сводами все еще мечутся, стеная от боли и ужаса, души погибших придворных и двух королей. Поэтому Конан, его свита и изрядно поредевшая и сменившая состав кучка огирских придворных пировала в тот вечер в другом, на скорую руку оборудованном зале.

За столом собирались с десяток родственников и друзей герцога Лионарда, начинающих осознавать удачную перемену в своих судьбах, а также граф Троцеро, капитан Эгилруд и еще с полдюжины аквилонских офицеров, сидевших с мрачными лицами и пивших больше, чем закусывавших. В углу у камина Делвин негромко перебирал струны лютни.

Лицом к огню восседал на роскошном кресле Конан. К боку короля прильнула Амлуния. На рыжеволосой женщине были надеты кожаные брюки и кожаная же, широко распахнутая на груди куртка. Белая кожа самой девушки резко контрастировала с черным цветом одежды. Единственным цветовым пятном в ее облике были коротко остриженные волосы, сейчас касавшиеся щеки и шеи Конана, которому Амлуния что-то негромко говорила на ухо, от чего губы киммерийца расплылись в улыбке.

Видя, что ужинающих снедает скука, Делвин решил развеселить их, по крайней мере — аквилонцев. Ударив ни струнам лютни, он прокашлялся и, не выходя из своего угла, демонстративно фальшивя, завыл:

— Актеры, менестрели, кто бродит по Востоку,
Прислушайтесь к балладе — медовому потоку.
Когда сам Конан-менестрель сыграет вам на лютне,
Наступит праздник за столом, забудут все про будни.

Судя по всему, карлик вполне освоился в крепости и примирился со

сложившейся в Ианте ситуацией. Гибель прежнего хозяина, казалось, совсем не тронула и не расстроила шута. Не выказывал он и признаков ревности по поводу отношений Конана и Амлунии, в отличие, например, от Троцера; благородный граф считал, что победителю не стоит так быстро допускать до королевского стола и ложа бывшую любовницу одного из побежденных. Но это было лишь поводом — на самом деле Троцеро больше беспокоили внезапные перемены, которые он стал замечать в Конане в последнее время. Впрочем, на изменение дружеского отношения к себе граф пожаловаться не мог. Кроме того, он уже неоднократно бывал свидетелем того, как Конан, четко просчитывая последствия самых странных и неожиданных своих поступков, оборачивал весьма рискованные дела на пользу Аквилонии. Поэтому Троцеро предпочитал до поры до времени молча терпеть недостойные, по его мнению, короли выходки Конана.

Делвин, на минуту прервавшись, на ходу досочинил свои куплеты и продолжил пение:

И вот пропел балладу я так нежно и печально,
Что струны сердца я задел, и это не случайно.
Теперь же наступила пора повеселиться.
Пусть глупой будет речь царя. Ведь он успел упиться!

Слова шута вызвали, к его удивлению, лишь натянутые улыбки у аквилонцев, зато огирские вельможи просто зашлись в хохоте и аплодисментах. Лишь Амлуния, единственный свидетель кровавой резни в банкетном зале, напряглась, сжала кулаки, но, сдержав себя, вдруг выхватила из руки Конана кружку с элем и, вскочив, крикнула:

— Тост за Конана! Пьют все! За Конана, лучшего в мире исполнителя похоронных маршей!

Отхлебнув из кружки, она поднесла впечатительный сосуд к губам киммерийца и почти влила королю в горло изрядное количество эля. Когда пена потекла по его щекам и подбородку, Амлуния бросила кружку на пол, обтерла валявшейся на столе салфеткой его лицо и запечатлела на его губах страстный поцелуй.

Присутствующие замерли, ожидая, когда кончится этот бесконечно долгий поцелуй. Когда, наконец, Амлуния оторвалась на миг от губ Конана, чтобы перевести дух, Троцеро нарушил тишину:

— Да, наш король — великий музыкант! Остается лишь один вопрос,

ваше величество: какой танец мы сбацаем для ломящегося в ворота города Амиро?

— Самый зажигательный, мой верный граф, — отшутился Конан, а затем, посеревшев, добавил: — Этот парень резво взялся за дело, да и солдаты у него воевать умеют. Сегодня под покровом дыма они чуть не оседлали стены! Спасибо Крому, все, что могло сгореть вокруг города, было сегодня сожжено, и больше этот номер с дымовой завесой у Амиро не пройдет.

— Амиро Кофиец известен как толковый командир и безжалостный завоеватель, — вставил Лионард, — за что мы тоже можем быть в некотором роде благодарны Митре и — разумеется — Крому.

На удивленно-подозрительный взгляд Конана герцог ответил разъяснениями:

— Я имею в виду, что, зная о жестокости Амиро, ни один даже самый малодушный житель Ианты не захочет сдать ему наш город. Ведь слух о его зверствах, о пожарах, погромах и убийствах в южном Офире уже достиг столицы. Разительным контрастом в сравнении с этим выглядит ваше почти бескровное покорение... э-э... скорее, освобождение Ианты от тирана.

Конан рассмеялся:

— Бескровное? Спроси об этом у Малвина или Балта. Впрочем, нет, не стоит отправлять тебя, мой друг, в такое долгое путешествие ради уточнения столь незначительных деталей. Поинтересуйся лучше мнением Амлунии. Она тоже в курсе того, как было дело... А если серьезно — я сильно сомневаюсь в том, что борьба с Амиро ограничится одним побоищем и несколькими дюжинами трупов.

— Что же ты планируешь, Конан? — Троцеро обрадовался тому, что разговор перешел-таки наконец в деловое русло. — Выбить Амиро из огирских границ, или же разбить его наголову и дойти до столицы Кофа? Разница ведь весьма существенная.

Конан пожал плечами:

— Судя по тому, что я слышал об Амиро, он очень честолюбив и никогда не смирится с позорным отступлением своей армии на исходные рубежи. Что же, придется заставить его сдаться, прогнав по всему Кофу до его родной Хорайи, а там уже и разделаться с ним, чтобы избавиться навеки от затаившего злобу и месть беспокойного соседа. И это было бы лучшим вариантом на будущее, — Конан заметно воодушевился, — ибо, подчинив себе Немедию, что, я думаю, теперь вопрос лишь считанных дней, и захватив Коф, мы станем великой империей. А потом Хаурэн, даже

славный Туран могут стать нашими, вместе с дюжиной королевств, лежащих на пути к их границам!

Я вижу на лицах кое-кого из присутствующих удивление. — Величавым движением головы король тряхнул шевелюрой. — Так запомните же, мои доблестные подданные и союзники: Аквилония становится великой империей, С каждой новой победой у нас будет появляться все больше союзников, не желающих быть разбитыми и покоренными, но согласными присягнуть на верность и объединить свои силы с могуществом великого государства. В былые годы я помог взойти на трон доброй половине ныне царствующих в Хайбории королей. Настало время расплатиться за старые долги. Взять ту же Хорайю, родину моего нынешнего противника. Там до сих пор почитают меня героем за доблестную службу генералом в армии взошедшей с моей помощью на престол королевы Ясмела.

— А, Ясмела, — отозвался в своем углу Делвин. — Припоминаю, припоминаю. Правила такая в Хорайе, пока, несколько лет назад, ее не потеснил, а потом и вовсе не сбросил Амиро. Поговаривают, что он держит ее в каком-то отдаленном замке, подальше от дворцовых интриг и столицы, где велико влияние бывшей королевы. Впрочем, все это вполне может быть слухами. Весьма вероятно, что Ясмела просто-напросто убита.

— Что? Ясмела... Ясмела погибла? Или заточена в крепость? — Конан с грохотом ударил кружкой по столу, отчего та разлетелась вдребезги, и сквозь зубы процедил: — Ладно, хватит об этом, шут. Поговорим о королеве Хорайи потом. Но Амиро придется ответить мне на вопрос о судьбе Ясмела при личной встрече.

Столь неожиданный поворот разговора отвлек Конана от живописания его будущей империи. Вместо того он, подливая и подливая себе эля, повел с Амлунией разговор на темы, знакомые и приятные им обоим — боевые искусства и романтические приключения.

— Слыхал я, Амлуния, что ты участвовала в сражении на Тайбore, — сказал Конан, приподняв голову девушки за подбородок. — Не значит ли это, что твой клинок обагрен кровью моих рыцарей и пехотинцев?

— Так и есть, — нисколько не смущившись, а скорее с гордостью ответила Амлуния сквозь смех. — Разумеется, колоть длинным, трудным в управлении копьем или размахивать тяжеленной палицей, сражаясь с закованными в броню всадниками, мне не под силу. А вот помахать мечом, ворвавшись в строй легкой пехоты, не вооруженной к тому же пиками, — самое милое дело. То-то потеха! Веселее, чем охота на антилопу, хотя больше всего напоминает загон стада диких свиней.

Конан тоже рассмеялся:

— Нет, нравятся мне женщины, не чурающиеся военного дела. У нас в Киммерии все такие — сражаются бок о бок с мужьями, мстят за их смерть, пусть даже ценой своей жизни. Нет, есть, конечно, люди, утверждающие, что женщины в армии, на поле боя — это аморально. Говорят, что слишком велика вероятность насилия над ними. Чушь! Если женщина готова умереть п бою, она сумеет постоять за себя, начни ее домогаться кто-нибудь! Хотя, это смотря кто еще домогается...

Амлуния посильнее прижалась к Конану и, жмурясь от удовольствия, когда он игриво погладил ее по спине, оказала:

— Опасаясь встречи именно с таким неудержимым насильником, я и ношу все время полный доспех. И надо сказать — до сих пор никому из воинов не удавалось снять его с меня... против моей воли, разумеется.

Конан рассмеялся еще громче:

— Сдается мне, что ты, Амлуния, и в собственном замке опасаешься излишне горячего внимания. Иначе зачем бы ты все время ходила в плотно затянутых кожаных костюмах, снять которые с тебя можно, только расстегнув пояс, что представляется весьма затруднительным ввиду того, что на нем висит твой острый кинжал. Скажи честно: не потеешь иногда под этой шкурой?

В ответ Амлуния взяла его ладонь в свою руку и положила ее себе на грудь, почти обнаженную под распущенными застежками куртки.

— А вы сами потрогайте, ваше величество, — томно сказала она. — Только не увлекайтесь. Учтите, если вы хотите меня изнасиловать, я вам не дамся!

— Это вызов? — Конан обхватил ее обеими руками и, прижав к себе, быстро вынул из ножен, висевших у нее на боку, кинжал. — Неужели у тебя под твоей шкурой спрятан еще один палаш, вроде того, каким ты отомстила за трусость одному нашему знакомому?

Свою тираду Конан закончил, основательно ущипнув собеседницу за мягкое место. Та, взвизгнув, игриво надулась и манерно ответила:

— Нет, ваше величество, против такого могучего воина оружие бессильно. Мне остается только уповать на вашу честь и благородство. Не станете же вы... ах... овладевать несчастной девушкой против ее желания.

Продолжать разговор дальше Конан не считал возможным. Он вдруг изъявил желание осмотреть интерьеры замка. Амлуния тотчас же вызвалась поработать экскурсоводом. Стоило им удалиться, как Лионард и его сподвижники тоже поспешили откланяться и разойтись по своим покоям. Оставшихся за столом Эгилруда, Троцеро и остальных офицеров

утешили своим вниманием так называемые официантки, которые, сняв фартуки и отбросив ложную скромность прислуги, очень неплохо сыграли роль придворных дам, тоскующих без общества настоящих мужчин. Лишь граф Троцеро отказался от женской ласки и ушел, погруженный в раздумья. Зато веселье в зале и смежных с ним помещениях продолжалось почти до утра — раздавались страстные стоны, пьяные песни, смех, звон посуды, — офицеры, оторванные от дома, сполна насладились нежным вниманием обитательниц захваченного замка противника.

Конан же был разбужен, когда близившийся рассвет едва окрасил ночную мглу в серый цвет. Крепкая рука, тряхнувшая его за плечо, вырвала короля из глубокого сна, отягощенного усталостью от выпитого эля, тяжелого дня и бурной ночи.

— Конан, вставай! Важные новости. Требуется твое решение.

— Что случилось, Троцеро?

Конан разжал руку, еще в полуслне скавшую лежавший под подушкой кинжал, и сел на постели, убрав с плеча голову Амлунии, продолжавшей спокойно спать.

Амиро переправляется через реку по мосту.

— Что? Он взял мост? Уже занял плацдарм в городе? — Конан молниеносным движением набросил на себя тунику и потянулся к доспехам, лежавшим подле кровати.

— Нет, Конан, — терпеливо пояснил граф, — он навел мост через Красную в двух лье выше Ианты. Он сам построил мост...

— Кром тебя подери, Троцеро! Напугал. Ерунда — понтонный мост мы быстро разобьем... Да и пройти по нему может только легкая пехота.

— Нет, ваше величество. Разведка доложила, что это настоящий, прочный мост, по которому смогут переправиться кавалерия и колесницы. Штурмовой отряд кофийцев уже занял плацдарм на нашем берегу. Я поднял городскую стражу и гарнизон по тревоге, но нужно поторопиться с планом обороны города в полном окружении.

Глава VII

ПОЕДИНОК КОРОЛЕЙ

Небольшой отряд всадников продвигался среди разбросанных по западному берегу реки деревьев. Могучий поток с шумом нес свои кирпично-красные воды к далекому океану. А здесь, в окрестностях Ианты, над рекой и окружающей территорией висел густой туман. Словно огромные клочья серой ваты окутали лес и всадников, не только сокращая видимость до нескольких шагов, но и сильно приглушая звуки. Лишь по отдельным разрывам над головами, где виднелись голубые клочки неба, можно было предположить, что туман скоро рассеется.

Аквилонцы широким кольцом расставили охранение и дозоры, чтобы избежать засады. Рядом с Конаном ехали Троцеро и Оттобранд. Оба рыцаря высоко подняли свои щиты, уперев их в переднюю луку седел, и развернули их так, чтобы по возможности прикрыть короля от стрелы какого-нибудь притаившегося кофийца.

У самого Конана в то утро настроение было вовсе не то, с каким можно бросаться в атаку во главе армии.

— Проклятый туман! Ни черта не видно! — негромко бурчал он. — Неудивительно, что Амиро построил мост прямо у нас под носом.

— Видимо, так и получилось, ваше величество, — согласился Оттобранд. — Густой туман и шум реки скрыли от нас строительство... Но Митра! — сорвался и генерал. — Этот Амиро — колдун или демон, если сумел возвести целый мост за одну ночь!

— Ерунда, — отмахнулся Конан, — ничего сверхъестественного. Я вспомнил: в Стигии, где полно рек и озер, войска используют разборные мосты, когда преследуют мятежные племена. Амиро наверняка продумал нее это, а штурм стен был всего лишь отвлекающим маневром. Да, нужно было предусмотреть и это. И не только мне, генерал, но и вам не мешало бы...

— Вон мост, — сказал Оттобранд, обрадовавшись возможности избежать дальнейших упреков короля.

Действительно, впереди над рекой сквозь туман проявились торчащие из воды бревна-сваи и поперечные брусья-балки. Конан разглядел, что сваи уходили не просто в воду и мягкое дно, а крепились в некое подобие фундамента — груды корзин, наполненных камнями, были навалены

вокруг каждого бревна от дна почти до самой поверхности воды. Пролетов моста видно не было — нижняя граница тумана пролегла как раз чуть ниже этого уровня. Непривычно четкие края туманной завесы и ее густота наводили на мысли о колдовстве, которые Конан старательно отбросил, вспомнив похожие туманы над озерами в его родной Киммерии.

Из леса впереди донеслись какие-то крики, несколько раз звякнул металл, заржала лошадь... Из тумана вынырнул один из дозорных.

— Неприятельские патрули, господин генерал, — обратился он к Оттобранду. — Нам удалось выяснить, что на том берегу въезд на мост охраняют два рубленых бастиона и сторожевая башня над одним из них. По эту сторону реки тоже ведутся работы...

— Ясно. Пошли одного из своих к городу, пусть поторопит остальных. — Оттобранд знаком приказал отряду аквилонцев остановиться и повернулся к Конану: — Ваше величество, вы все слышали. Мне кажется, было бы неразумно атаковать мост сейчас, со столь малыми силами. Я полагаю, что, получив приказ ускорить сборы, вызванные на подмогу отряды прибудут на место еще до полудня.

— Так-то оно так, но к тому времени Амиро переправит через реку всю свою армию. — Конан шевельнул поводьями, и его конь медленным шагом двинулся вперед. — Давайте хоть посмотрим, что же это за мост, генерал, и что строят люди Амиро на этом берегу.

Проехав вместе с Оттобрандом чуть вперед, Конан увидел внушительный деревянный частокол с бойницами, преграждающий дальнейший путь к мосту. Самого моста по-прежнему не было видно не только из-за тумана, но и из-за того, что частокол отгораживал значительный кусок берега в качестве плацдарма. Прямо на глазах Конана кофийские солдаты продолжали достраивать укрепление, возводя над проходами в частоколе небольшие дощатые башни для стрелков и охраны, и врывая в землю перед стеной наклоненные вперед заостренные колья, затрудняющие приближение кавалерии.

— Невероятно! — прошептал Троцеро. — Целая крепость! Как они это все успели?

Реплика графа была прервана характерным свистом. Тотчас же в одно из ближайших деревьев вонзилась стрела. К ее древку была привязана длинная полоска белого шелка, что безусловно уменьшало скорость полета стрелы, а следовательно, и ее пробивную силу, зато привлекало внимание.

Не успели всадники переглянуться, чтобы решить, как поступать дальше, как с дальнего берега реки до них донесся голос:

— Стой! Кто идет? Уж не Конан ли Аквилонский, пособник Офира в

его жалких попытках противостоять великому королевству Коф?

Конан, пришпорив коня, оставил позади офицеров и подъехал к самой воде.

— Нет! — крикнул он в ответ. — Это я — Конан, король Великой Аквилонской империи, спаситель Офира от жадных, жестоких и коварных завоевателей из вонючего Кофа! Этот ваш... Амиро, он здесь, со своими войсками?

— Я — принц Амиро! — Молодой, оскорбленно звучащий голос принял вызов. — Почему ты не обращаешься ко мне со всеми положенными титулами, как к Великому Правителю Хорайи и наследному принцу могучего Кофа?

За бревенчатой стеной на дальнем берегу реки показались две головы в шлемах — видимо, принц и его оруженосец или какой-то офицер.

— Катись ты со своими титулами, — проорал в ответ Конан. — Я вижу перед собой только мелкого интригана, которого жадность гонит на земли соседей, а злость заставляет жечь то, что нельзя унести, отступая.

— А я, — чуть помедлив, ответил тот же голос, — вижу перед собой только самозванца-варвара, примеряющего на себя королевские одежды, не знающего даже, на какое место нацепить корону... Ладно, что привело тебя сюда? Хочешь попросить мира, переговорить об условиях?

Троцеро негромко сказал из-за плеча киммерийца:

— Конан, он согласен торговаться. Предложи ему весь Южный Офир, добавь еще что-нибудь, только пусть он уберет свои войска с этого берега. А там уж видно будет.

— Да, ваше величество. Соглашайтесь и на сдачу ему западной части Ианты, за мостами. Позже отобъем, если надо будет.

Не обращая внимания на советы, Конан, голосом, которым поднимал в атаку свою армию, прокричал:

— Никаких переговоров!.. Нет, хорайский самозванец, мне нужна только твоя голова! Ты проклянешь тот день, когда задумал вторгнуться в страну, которую я решил освободить от тирана. Это дело, которое мы могли бы решить как мужчины, если, конечно, у тебя хватит мужества встретиться со мной в бою один на один.

— Отлично! — донеслось с того берега. — Таково было и мое желание, хотя мне и неприятно марать благородную сталь кофийского клинка в гнойных кишках дикаря, влезшего на не принадлежащий ему трон. Но раз уж ты, по собственной глупости, осмелился оскорбить меня... — Амиро на миг прервался, видимо, чтобы посоветоваться о чем-то со своими спутниками, — выбора у меня нет. Что касается места

поединка... как тебе вон тот островок? — За частоколом махнула рука, показавшая на реку. — Мы можем приплыть туда в лодках, по одному, и там выяснить, кто из нас достоин править Офиром.

Указанный Амиро остров был неширокой песчаной косой, лежащей посредине реки на безопасном от стрел расстоянии. Несмотря на малую высоту над водой, он казался достаточно сухим и плотным. Лучшее место для поединка при свидетелях трудно было придумать.

— Согласен, — отозвался Конан. — Встретимся там. — Обернувшись к Оттобранду, он приказал: — Найдите мне лодку.

— Есть, ваше величество. У деревенской пристани чуть ниже по течению найдется подходящая посудина. Но... Ваше величество, неужели вы действительно собираетесь подвергнуть риску все наше дело, поставив его, да и всю страну, в зависимость от результата поединка?

— Риск? — переспросил Конан, разворачивая коня. — Разве это риск? Не забывайте, генерал: я, подчас голодный, изможденный, израненный, побеждал в поединках десятки таких юнцов. Это будет лишь легкой разминкой. Я специально хамил ему, чтобы спровоцировать личную обиду и желание отомстить персонально мне. Да бросьте вы переживать, Оттобранд. Может быть, уроженец сухопутной страны без больших рек и озер, Амиро перевернет лодку и будет сожран красным речным змеем, даже не подплыв к острову, — рассмеялся киммериец.

— Хорошо бы так, ваше величество, — вздохнул Троцеро, вступая в уговоры. — Но сколько же можно ставить на карту судьбу короны и государства, уповая на крепость одной пары рук! Амиро известен как умелый фехтовальщик, опытный и опасный противник, несмотря на его молодость...

— Молодость? — Резко обернувшись, король гневно посмотрел на графа. — Что вы все постоянно напоминаете мне о моем возрасте? Неужели я дал повод подумать, что близится моя старость, что уходит мое мастерство воина, что, наконец, я исчерпал запас своего везения? Как же вы мне надоели! Чем я могу доказать вам, что годы не ослабили меня? Наверное, когда я стану королем всего мира, вам и этого будет мало...

Пока Троцеро пытался убедить Конана в своей непоколебимой вере в его силу и ловкость, пока напоминал, что это сам киммериец все время возвращается к теме своего возраста, лодка была доставлена, притащенная на буксире лошадьми, прошедшими по самому краю воды. На дне маленького безмачтового суденышка лежала груда разного оружия, включая колчан стрел и большой лук с хорошо натянутой, несмотря на влажный воздух, тетивой. Король сбросил доспехи, плотную кожаную

подкладку под броню и отцепил от сапог шпоры, чтобы не рисковать оказаться в воде с грузом, который невозможно удержать на плаву. Вместо этого он вытащил со дна лодки и положил на поперечную скамью небольшой круглый щит из мертвого дерева и круглый гандерский шлем. Сев в лодку лицом к корме, он взял весла и оттолкнулся от берега.

Даже здесь, в широком месте, течение Красной реки было довольно сильным. Конану приходилось прикладывать большие усилия, чтобы преодолеть его. Медленно и упорно, подгоняемая веслами, сжатыми в могучих руках киммерийца, лодка продвигалась к намеченной цели.

Конан понимал, что Амиро, двигаясь почти по течению, пристанет к острову куда менее усталым, чем он, но даже не поморщился, обнаружив эту фору, которую получил его противник. Он молча поблагодарил богов за то, что они дали ему возможность научиться и вволю попрактиковаться в гребле в годы плавания вместе с пиратами на море Вилайет. Ориентируясь по камню на том месте, где лодка отчалила от берега, он мощными гребками продвигал свое судно к островку на середине реки.

На полпути Конан увидел, как оставшиеся на берегу аквилонцы повернули головы и посмотрели вверх по течению. Оглянувшись, он увидел выплывшую из-за небольшого мыса лодку Амиро. Принц стоял во весь рост лицом к носу лодки и, поставив одну ногу на скамью, гнал свое судно по течению легкими гребками. Судя по скорости лодки и непринужденности позы принца, ему помогало не только основное течение, но и какой-то верно угаданный невидимый поток, двигавшийся от берега к середине реки. Не жалуясь на судьбу, Конан противопоставил везению юности силу и опыт своего возраста, продолжая невозмутимо орудовать веслами.

Туман стал рассеиваться, и выяснилось, что за предстоящим поединком двух королей собирается наблюдать большая аудитория. На дальнем, безлесном берегу выстроились квадраты когорт под штандартами кофийских легионов. Сам мост был запружен людьми, лошадьми и телегами, продвигавшимися на западный берег. Солдаты шли колонной по три, четыре человека, двигаясь не в ногу, чтобы строевым маршем не разрушить на скорую руку сколоченную переправу.

Увидев гребущих к острову королей, солдаты на мосту остановились. Офицеры и сержанты, покричав, схватились за кнуты и плети. Бесполезно — жаждущие не пропустить такое зрелище солдаты, столпившиеся на мосту, заблокировали проход по нему, остановив переправу,

Конан, монотонно гребущий по направлению к островку, не обратил особого внимания на собравшихся зрителей. Раз за разом его весла

погружались в воду, и вот наконец киль лодки зацепил мягкое дно. Выскочив за борт, Конан быстро втащил лодку на песчаный берег, отметив про себя, что влажный песок неплохо держал его вес, не давая ногам увязнуть. Вода еще не успела стечь с его брюк и сапог, а киммериец уже взял в руки выбранное за время гребли оружие: гандерский щит, любимый меч с широким клинком, который он сунул в петлю на ремне, и длинное копье со стальным наконечником.

Лук и стрелы выглядели весьма соблазнительно, но Конан решительно отложил их в сторону. Поразить стрелой противника, еще не вышедшего из лодки или только что ступившего на берег, было бы недостойно для честного поединка, к тому же проходящего на глазах множества зрителей. Конан даже ощутил к Амиро чувство, несколько отличающееся от ненависти и презрения. Готовность принца принять вызов и сразиться один на один не могла не вызвать уважения. Киммериец прикинул, что, если бой сложится удачно, то, пожалуй, можно будет сохранить благородному противнику жизнь, заставив его при своих солдатах во весь голос поклясться уйти за границы Офира и, разумеется, освободить королеву Хорайи Ясмелу.

Честно говоря, судьба его бывшей возлюбленной очень беспокоила Конана и стала одной из причин, побудивших киммерийца вызвать Амиро на поединок. Okajись она мертва, никакие политические и военные обещания Амиро не помогли бы ему спасти свою шкуру. Если же Ясмела жива, она смогла бы сама решить, можно ли доверять принцу, если он присягнет на верность аквилонскому королю.

Взяв в руки щит и копье, Конан шагнул к центру острова. Лодка Амиро приближалась к противоположному концу косы. Принц стоял, облаченный в доспехи и подбитый мехом пурпурный плащ — самоубийственное одеяние, если лодка перевернется. С другой стороны, Конан понимал, что внешне кофиец выигрывает, выглядя куда величественнее, чем его соперник. Множество голосов кофийских солдат ритмично выкрикивали приветствия своему королю, вскидывая над головами сжатые кулаки. По контрасту с этим могучим ревом приветствия оставшихся на западном берегу аквилонцев казались слабой, безмолвной пантомимой.

Но Конану было сейчас не до сравнений. Его внимание привлекла какая-то странная легкость в движении лодки Амиро. Слишком безвольны и неэффективны были движет изображающего греблю принца, но в то же время лодка плыла на редкость плавно, не сбиваясь с курса; белый бурун пеня разбегался в стороны от ее носа. Не влекли ли суденышко к цели какие-то скрытые силы? Но что? Колдовство?

Вскоре Конан рассмотрел под поверхностью воды, вдоль бортов лодки какие-то крупные тени с отходящими наверх такими отростками. С уменьшением глубины по мере приближения к острову тени стали превращаться в фигуры людей — около дюжины, — шедших по дну с тонкий тростниковые трубками для дыхания, поднимавшимися от их ртов к поверхности. Вот над водой показались головы, выплюнутые трубы поплыли вниз по течению, вот шедшие по дну появились над водой по пес... Не выпуская из рук веревку, за которую они в: это время тянули и направляли лодку, подводные ходоки вылезли на берег и подтянули судно за собой.

Амиро, уже некоторое время назад прекративший с царственны видом имитировать греблю, цинично улыбаясь, шагнул через борт лодки на песок. Нагнувшись, он поднял ее дна лук и стрелу. В это же время его подводники с обнаженных тел которых еще не успела стечь вода, тоже подбежали к лодке и извлекли из нее каждый по же натянутому и заряженному арбалету.

Никаких пустых формальностей вроде приветствий или отдания противнику чести не было соблюдено. Пущенная первой, стрела принца была уверенно отбита подставленным щитом киммерийца. Слабо натянутый лук не придал ей скорости, достаточной для того, чтобы хотя бы воткнуться в плотное дерево. Другое дело — стрелы, посланные мощными арбалетами. Избежать залпа дюжины рассыпавшихся полукругом стрелков было куда труднее. Отбросив копье, Конан изо всех сил прыгнул в сторону и, кувырнувшись через голову, оказался в жидкоком прибрежном песке. Вокруг в грязь с чавканьем вонзились стрелы. Но не все: Конан почувствовал, как одна стрела проткнула полу его туники, а другая, судя по пронзившей тело боли, угодила в него самого, но куда именно — в этой суматохе он разобрать не мог. Кроме того, не укрытый ножами меч основательно полоснул киммерийца по ноге.

Еще один мощный рывок, и Конан, извиваясь, словно ящерица, поплыл. Отбросив не понадобившийся меч и стащив с ног сапоги, он оставил на голове шлем и в левой, обращенной к противнику руке щит. Вскоре второй залп перезаряженных арбалетов настиг киммерийца. Одна стрела ударила о его шлем с такой силой, что казалось, раскололся череп; две вонзились в выставленный щит.

Спасение было в скорости. Сложив свои усилия с направлением подхватившего его течения, Конан стал быстро удаляться от острова. Еще некоторое время ему пришлось выставлять над головой щит, прежде чем вынырнуть за глотком воздуха, затем вражеские стрелы стали ложиться все

шире и, наконец, позади упльывающего Конана.

Новая опасность застала киммерийца врасплох: совершенно неожиданно его ноги обвило какое-то змееподобное тело, в живот впились острые зубы, и самый опасный обитатель этих вод — красный речной змей — потащил человека на дно.

Конан, не привыкший сдаваться на милость судьбы, продолжал сражение за свою жизнь. Задыхаясь, ничего не видя в мутной воде, он все же сумел свободной рукой сорвать с себя шлем и, зажав голову чудовища между стальным полушарием и столь же твердым деревом щита, сжал ее с такой силой, что обезумевший от боли змей разжал челюсти и предпочел отказаться от столь опасной и несговорчивой добычи.

Остававшиеся на берегу аквилонские солдаты, к счастью, прихватили на всякий случай еще две лодки, одна из которых сейчас направлялась прямо к устало отплевывающемуся мутной водой королю, а вторая забирала чуть выше по течению, чтобы обезопасить его от возможной погони лодки Амиро и его стрелков. Подняв Конана на борт, лодка, в которой на одной из трех пар весел сидел сам Троцеро, быстро направилась к берегу. Оглядев себя еще в лодке, Конан отчаянно выругался: он обнаружил, что единственная стрела, попавшая в него еще с первого залпа, угодила ему в ягодицу и до сих пор торчала там, застряв зазубренным наконечником в толстой коже кавалерийских штанов. Выбравшись на берег, Конан протянул подбежавшему Оттобранду руку, чтобы тот расстегнул крепление щита на локте. Наружная поверхность черного деревянного круга была утыкана стрелами так, что напоминала несколько полысевшего дикобраза.

— Какое коварство, какое бесчестие! — возмущенно повторял Троцеро. — Ваше величество, вы видите, на что рискуете нарваться, вступая в честный поединок с не достойным такого благородства противником?

— Мы заметили, что лодка Амиро движется как-то странно, — сказал Оттобранд, — но вы уже были далеко и не слышали наших предупреждений.

В это время над рекой прокатилось громогласное приветствие: это кофийские войска салютовали Амиро, гордо причалившему к берегу со своими «соратниками по поединку», доставив в качестве «трофея» лодку Конана и несколько клинов, которыми киммериец не воспользовался. Принца не заставил смутиться даже обнаруженный на дне лодки лук со стрелами; видимо, кофиец считал хитрость большей добродетелью, чем бесполезное и даже глупое на войне благородство.

На западном же берегу генерал Оттобранд успокаивал Конана:

— Ваше величество, зато мы теперь знаем, с кем имеем дело. Расплатились мы за это очень недорого. Все потери — несколько мечей и сабель, да пара-тройка царапин на вашем драгоценном теле. Кстати, этот поединок изрядно задержал переправу неприятельской армии. Они до сих пор митингуют, поздравляя своего командира с победой. Тем лучше для нас. Я уже выслал людей вверх по течению. Они вот-вот спустят на воду плоты с разожженными кострами. Думаю, нам удастся спалить этот чертов мост.

— Отлично, генерал, — сказал Конан, растираясь протянутой ему одним из солдат лошадиной попоной. — Я уверен, что вы с Троцеро вполне управитесь с отражением осады города. Так что я могу освободить себя от этого дела. Мне нужно покинуть Ианту на время.

— Конан, ты что, сдурел?.. Простите, ваше величество... — извинился за вырвавшееся восклицание Троцеро. — Вы по-прежнему хотите лично участвовать в немедийской кампании? Но ведь если Амиро осадит город, взяв его в кольцо, мы можем не продержаться до подхода освободившихся легионов из Немедии. Нужно решать, что делать здесь...

— Вот это я и выясню там, куда собираюсь, — сообщил Конан, запахиваясь в плащ, с готовностью протянутый ему одним из офицеров. — А пока что я вполне доверяю вам разбираться с принцем. Присмотрите внимательнее и за моими почетными гостями — Делвином и Амлунией. В конце концов, оборона — это то, в чем я смыслю меньше всего. Думаю, что для снятия осады от меня в любом случае будет больше пользы, если я окажусь не в стенах города.

Конан понизил голос так, чтобы его слышал один Троцеро, и сказал:

— Я отправляюсь в Хорайю. Один. Мне нужно выяснить, как поживает... кое-кто из моих верных союзников. До меня дошли слухи, что с ним... с ней обошлись весьма некрасиво, и, как король, как мужчина, я не могу оставить это безнаказанным...

— Конан!.. Ваше величество... — Троцеро с трудом сформулировал свою мысль. — Неужели вы действительно бросите все свои грандиозные планы, остановите на полпути армию ради того, чтобы галопом помчаться на выручку какой-то... вашей старой союзнице. Тогда было бы проще сдать Ианту и направить в обход кофийских войск нашу армию в Хорайю...

— Армия движется слишком медленно, — шепотом, но жестко произнес Конан. — А что касается нашего противника, то кто, как не Ясмела, сумеет объяснить мне, в чем сила принца Амиро и где его слабое место?!

Глава VIII

ТАРНХОЛД — ЗАМОК НА ОЗЕРЕ

Конан Киммериец, взошедший на престол великой Аквилонии, был человеком, которого, единожды встретив, невозможно было забыть. Огромные пространства от омываемого Западным океаном Аргоса до лежащего там, где восходит солнце, Кхитая и обратно — до Зингары — он преодолел в своей жизни не один раз. Много раз он прошел, проскакал верхом, прополз, протащил кандалы по Великой Дороге Королей, пересекавшей всю Хайберию. И всегда опасности, смертельные схватки и романтические приключения неслись впереди него или стремились догнать, наступая ему на пятки. Нет, Конан был не из тех, кого забывают, а из тех, при упоминании имени которого людей бросает в дрожь, пробирает пот, тянет выругаться и осенить себя защитным заклинанием. В общем, киммериец был парень не промах — от такого только и успевай беречь добро да прятать дочерей-невест. Многие годы имя Конана разлеталось по разным странам со множеством эпитетов: Конан-убийца... Конан-мятежник, спаситель, преступник, победитель и завоеватель... Немало друзей и недругов появилось у него за эти годы в двух дюжинах королевств, и надо сказать, что в живых осталось куда больше приобретенных друзей и союзников, чем нажитых врагов. И мужчины, и женщины вставали на его сторону, сражаясь с ним бок о бок, и либо погибали, либо приобретали богатство, признание и славу. В последние же годы почти все, знавшие Конана раньше, просыпались о нем как о короле одной из величайших и могущественнейших хайборийских стран — Аквилонии, — и уже никто не ожидал встретить его на дороге одного, без свиты и охраны, скачащего на горячем коне по землям враждебного его королевству Кофа.

Безусловно, всем своим видом Конан выделялся в этой южной стране: квадратное лицо, словно грубо вытесанное из камня, холодные синие глаза уроженца далекого Севера разительно контрастировали с мягкими чертами овальных лиц и с темными глазами кофийцев. Огромный рост, широченные плечи, мощь и тигриная грация, сочетавшиеся в движениях киммерийца, привлекали к нему дополнительное внимание, что, безусловно, затрудняло путешествие монарха инкогнито.

Уменьшить нежелательное внимание, в первую очередь, должны были скромное одеяние Конана — так, плащ, накинутый на его плечи, был

настолько выношен и пропылен в долгих странствиях, что вряд ли кто-либо предположил бы в его обладателе даже обедневшего аристократа, не говоря уже о короле, — и его скакуны — два неприметных, типичных в этих краях офирских жеребца, отличавшихся, правда, если не скоростью, то достаточной выносливостью. Конан скакал на каждом из них поочередно, ведя в поводу второго, чтобы дать коням передышку. Кроме того, еще до отъезда из Ианты он вытряхнул из кошелька все аквилонские монеты, многие из которых, отчеканенные в последние годы, несли на себе его профиль, и насыпал в него под завязку разного достоинства монеты нескольких восточных государств, имевшие в этих краях свободное хождение и не казавшиеся какой-то экзотикой.

Позволил себе Конан и не бриться, обрастил с каждым днем все более густой щетиной, начинающей напоминать бороду, избавив кожу на своих щеках и подбородке от неизменного в течение многих лет утреннего поцелуя остро отточенного стального лезвия клинка. Время от времени, на стоянках, киммериец прикидывался хромым, что было нетрудно, так как ранение в мягкое место, полученное перед самым отъездом, после долгих часов, проведенных в седле, давало о себе знать. Впрочем, промывать и смазывать раны Конан не забывал, в отличие от водных процедур для всего остального тела, что быстро создало вокруг пропотевшего киммерийца некий зловонный ореол, заставляющий держаться подальше трактирщиков и конюхов, с которыми он вступал в контакт, и помогая избегнуть липших разговоров и вопросов.

Но наиболее трудной задачей для поддержания инкогнито странствующего короля было скрыть хорошо известное умение Конана действовать мечом и другим оружием и его взрывной темперамент, привычку не прощать ни малейшей обиды и вызывать человека на поединок, не получив извинений за какую-нибудь неуклюжую шутку. Конан выбрал для себя образ этакого невозмутимого, толстокожего и чуть простодушного здоровяка-увальня и худо-бедно старался соответствовать ему, что, впрочем, не помешало ему расправиться поздним вечером на пустынной дороге с целой шайкой каких-то кабацких громил, решивших проследовать за ним после выхода из трактира, чтобы потрясти увесистый кошелек беспечного и добродушного великана. Впрочем, разбойники даже не успели толком пожалеть о том, что затеяли такое дело, ибо Конан, учитывая секретность своей миссии, предпочел не оставлять в живых свидетелей его силы и умения вести бой.

Итак, король Конан пересек Южный Офир с его выжженными Амиро деревнями и вытоптанными войсками посевами, а затем углубился в

холмистые равнины и заливные луга вражеского Кофа. Насколько киммериец мог судить, никто по дороге не опознал короля Аквилонии и не вспомнил Конана-варвара, уже бывавшего когда-то в этих местах.

Вступив, наконец, в узкие долины горного королевства Хорайя, Конан не смог сдержать волну нахлынувших на него воспоминаний о бывшей правительнице этой страны, тогда еще принцессе Ясмеле. Конан вспомнил, как она дерзко выбрала его, первого незнакомца, встреченного ею на пустынной улице ночного города, назначив командовать армией, которую она повела в поход, повинуясь какому-то таинственному видению, в котором принцесса признала знак Митры. Не забыл киммериец и их с Ясмелой победу над злым, считавшимся бессмертным колдуном Натохком, известным в ее стране как Черный Колосс; но самыми свежими и волнующими были его воспоминания о праздновании этой победы в течение страстной ночи, проведенной у костра, в залитых лунным светом руинах.

Нахмурился Конан, вспомнив о том, как мало-помалу стала отдаляться от него взошедшая на трон Ясмела, поглощенная заботами о королевстве и исправлением того, что натворил в стране правивший до нее ее брат — король Коссус. А после отъезда заскучавшего без дел и ее нежного внимания Конана Ясмела и вовсе с полным правом начала использовать свои женские чары, чтобы привлечь на свою сторону наиболее знатных и благородных аристократов Хорайи. Впрочем, была ли она игроком или пешкой в бесконечных дворцовых комбинациях и интригах, — этого сказать наверняка не могла ни сама Ясмела, ни кто-либо другой.

Воцарившись в Аквилонии, Конан стал получать известия из Хорайи через своих послов и шпионов. Ему стало известно, что король Коссус скончался — от скоротечно развившейся лихорадки, как было сказано в официальном сообщении. Впрочем, такие «болезни» вполне могли скрутить и совершенно здорового человека — был бы достаточно могущественный и богатый недоброжелатель, а яд или колдовское зелье в сочетании с заклинанием найдутся при любом дворе. Числившаяся до того принцессой-регентшей Ясмела, вместо того чтобы решительно провозгласить себя законной наследницей трона, пустилась в какие-то странные игры с чередой жаждущих наследства баронов, советников и просто самозванцев. Кончилось все это весьма плачевно — практически независимая Хорайя превратилась лишь в формальную автономию под властью Великого Правителя Кофа принца Амиро, несомненно самолично придумавшего себе столь звучный титул.

Ясмела, добившись права управлять Хорайей не без помощи Конана,

затем сумела своим умом и обаянием расположить к себе большинство населения королевства, и лишь столь дерзкий, решительный и весьма могущественный соперник, как Амиро, мог решиться не дать ей взойти на трон и даже отправить ее с глаз долой из столицы в далекий замок на горном озере. Дальнейшая судьба королевы Ясмелы и заставила Конана пуститься в далекий путь, который сейчас подходил к концу — за очередным перевалом впереди блеснуло темно-свинцовое зеркало озера.

Еще много лет назад Конан слышал об этом мрачном месте — сумрачной долине с замком посреди небольшого озера. Тарнхолд — так называли внушительный,озведенный в незапамятные времена, а затем многократно достраивавшийся и переделывавшийся замок. Лес сплошной стеной подходил к самому берегу. Столь же отвесно уходили прямо в воду стены замка.

Что-то придавало Тарнхолду еще более угрожающий и зловещий вид, чем у большинства подобных ему в богатой озерами Хорайе. Что именно — Конан никак не мог определить. Быть может — более темный, чем у окружающих утесов, цвет камней, из которых были сложены стены замка. Быть может — мох, неправильной формы пятнами покрывавший нижнюю часть этих стен над водой. А может быть, дело было в самом озере, вода которого словно поглощала падавший на нее свет, не отражая своим свинцовым зеркалом ни синевы неба, ни солнечных лучей.

Да, жизнь в таком месте для веселой, любящей яркие краски, праздники и зрелища Ясмелы была бы сама по себе пыткой. Накануне, ночуя на постоялом дворе в деревушке в соседней долине, Конан попытался поговорить с одним из завсегдатаев трактира о замке Тарнхолд. Тот как-то сразу замялся, а когда было произнесено имя бывшей правительницы, и вовсе оборвал разговор, причем довольно грубо. Конан, получив подтверждение терзающим его подозрениям о том, что в этой истории не все чисто, не стал настаивать на дальнейших расспросах, чтобы не спровоцировать скандал и распространение слухов о появившемся в окрестностях замка слишком любопытном чужеземце.

Спрятавшись в прибрежных зарослях, Конан присмотрелся к замку. Стражники, вяло ходившие взад-вперед по стене с алебардами на плече, не вызывали особых опасений. Они явно не ждали никакой опасности извне замка, скорее опасаясь каких-то беспорядков внутри него. Взобраться по стене тоже не представляло невероятно трудной задачи ввиду древности и грубости источенной дождями, морозами и ветрами кладки. Несложно было бы и проскочить между часовыми, а при необходимости и без шума снять одного-двух из них, если подобраться к замку в темноте.

Но в планы Конана никак не входило бесцельно дожидаться ночи. А кроме того, ночь была не лучшим временем для лазутчика, впервые оказавшегося в незнакомом месте. Киммериец решил при свете дня разведать подступы к замку, разобраться хотя бы в общих чертах с его планом и, если потребуется, переждать до темноты в укромном месте или вернуться с вечерними сумерками. Конан отвел своих лошадей в сторону от тропы и привязал их на небольшой поляне, убедившись, что густые заросли надежно прикрывают животных от непрошеных соглядатаев. Оставив довольно длинную привязь, чтобы оба коня могли попастись в высокой густой траве, он хорошенько переседдал обоих, подтянув подпруги и поправив упряжь, чтобы обеспечить безопасную скачку при вполне возможном поспешном отступлении. Затем, сняв с себя большую часть одежды, киммериец вновь скользнул к озеру, где прежде всего хорошенько вымылся под прикрытием нависших над водой ветвей ивы, используя вместо мыла прибрежный ил. Таким образом он избавился от запаха давно не мытого тела, который, охраняя киммерийца от лишнего внимания в пути, мог запросто выдать и погубить его в помещении. Затем, оставив на себе лишь тонкие нижние шаровары из шелка, с которого вода стекала быстро и беззвучно, и обвязавшись кожаным кушаком с висящим на нем кинжалом в ножнах, Конан еще раз осмотрелся и поплыл в сторону замка.

Даже зная, что его черные волосы и загорелая кожа не будут слишком выделяться в темной воде, он все же предпочел плыть под водой, лишь изредка показываясь на поверхности без единого всплеска, чтобы глотнуть воздуха. Вскоре черная стена замаячила перед ним, а затем руки киммерийца наткнулись на массивный каменный блок стены замка.

Вынырнув в практически не просматриваемой часовыми зоне, Конан внимательно изучил поверхность стены. Чтобы добраться до нижней бойницы, пришлось бы изрядно попотеть, ободрав колени и локти. Чуть в стороне — там, где древняя кладка переходила просто в старую, — взбираться было бы легче, но здесь пришлось бы лезть по глухой стене без бойниц, до самых зубцов на ее верхней грани.

Поразмыслив, Конан решил обследовать подводную часть стены. Нырнув, он обнаружил, что его предположения подтвердились: судя по состоянию кладки, сравнительно недавно — быть может, каких-то два-три века назад — уровень воды в озере резко повысился. Скорее всего, была перегорожена плотиной вытекавшая из озера речушка, или же на дне после незначительных подземных толчков, весьма обычных в этих горах, открылись новые ключи, подающие воду в эту межгорную котловину.

Неглубоко под поверхностью воды Конан заметил шедшую вдоль

стены изящную галерею. Несколько раз нырнув и проплыv вдоль галереи под нависавшую над озером башню, киммериец обнаружил то, что было ему нужно, — уходящий к центру замка коридор, затопленный водой.

Полежав на воде, глубоко вдыхая и выдыхая воздух, словно накачивая себя кислородом, как это делали его приятели — ловцы жемчуга на море Вилайет, Конан сделал последний вдох и нырнул. Перед его глазами промелькнули белые меловые полосы — следы сезонных и многолетних колебаний уровня воды в озере, свод галереи, терраса под ним, — и, наконец, Конан скользнул в мрачный, полузаросший водорослями коридор. Не останавливаясь, чтобы убрать их с дороги, Конан мощными гребками продвигался вперед вдоль изогнутого потолка коридора; неожиданно его руки наткнулись на какое-то препятствие. В полумраке туннеля Конан наполовину разглядел, а частично на ощупь определил, что перед ним решетка — восемь-девять металлических, сильно изъеденных ржавчиной прутьев, расходящихся веером из одной точки пола коридора к его своду.

Прутья решетки были расположены довольно широко, и стоило лишь немного изогнуть один из них, чтобы в образовавшуюся прореху мог пролезть человек даже таких внушительных габаритов, как Конан. Киммериец уперся ногами в стену коридора, обхватил ладонями один из прутьев и уперся в него плечом. Словно вставая с большим грузом, Конан напряг ноги, одновременно толкая вперед руки. Решетка подалась, прут стал изгибаться, но когда он ослабил усилие, намереваясь примериться к образовавшемуся отверстию, то с ужасом обнаружил, что изгибаемый им прут продолжает свое движение. Зашевелились и другие прутья решетки. То, что Конан принял за металл, оказалось живой плотью — щупальцами какого-то подводного чудовища. Погруженная в спячку паукообразная тварь, покрытая крепкой, как камень, чешуей, очнулась и поспешила воспользоваться самоубийственной неосторожностью столь крупной и редкой добычи. Два светящихся круглых глаза, не выражавших никаких эмоций или чувств, кроме голода, уставились на человека из центра клубка щупалец. Четыре оканчивающиеся крючьями короткие лапы шевелились у приоткрытой пасти, готовые намертво вцепиться в добычу и медленно подтаскивать ее к усеянным мелкими зубами челюстям.

Конан передернулся от ужаса и омерзения и попытался проскользнуть между длинными щупальцами. Но, проникнув за то, что было принято им за решетку, он оказался в западне: второй ряд похожих на ржавое железо конечностей паука преградил ему путь. Одно из щупалец, подкравшись сзади, незаметно обхватило стопу киммерийца. Пытаясь освободиться, он не заметил, как еще два обвились вокруг его тела. Конан, дотянувшись до

кинжала и вытащив его из-под придавившего ножны щупальца, изо всех сил ткнул клинком в чешуйчатую шкуру. Бесполезно. Лишь кончик кинжала смог проникнуть между крепкими, как камень, пластинами, причинив подводному пауку боль, сравнимую с комариным укусом для человека. Словно в раздражении, чудовище лишь крепче сжало кольцо уколотого щупальца.

В мозгу Конана пронеслась страшная мысль: чудовищному пауку вовсе не обязательно было разрывать добычу на куски, чтобы умертвить ее, или жрать ее живьем. Стоит продержать человека в объятиях щупалец еще считанные мгновения — и все будет кончено. Конан уже чувствовал, как горят его легкие, как сводит судорогой горло, как быстро уходят силы и появляются первые круги перед глазами. Лишь несгибаемая воля и подсознательная готовность бороться за свою жизнь, пока не остановится сердце, заставляли киммерийца продолжать попытки вырваться.

Отчаянными усилиями человеку удалось вытащить паука из его логова и даже протащить чудовище за собой на пару ярдов вперед. Здесь Конан почувствовал, что потолок над его головой уходит вверх. Нашарив грань свода коридора, он по самую рукоятку сунул кинжал между двумя камнями источенной водой кладки, из последних сил уперся в стену и, действуя рукояткой как коротким рычагом, попытался вывернуться из губительных объятий...

Ничто, казалось, не было способно заставить чудовище ослабить хватку. Но в этот момент произошло то, чего Конан никак не ожидал и к чему не был готов. Под воздействием мощных усилий, почти судорог тела киммерийца один из камней свода, там, где был вставлен кинжал, вывалился из кладки и, рухнув вниз, на чудовище, потащил паука, а вслед за ним — и человека на дно. Следом за первым со свода обрушился целый град бесшумно и медленно падающих на пол коридора каменных блоков свода. Последнее, что успел заметить Конан, — это опускающийся прямо на него прямоугольник пористого камня и мечущиеся во взбаламученной воде обрывки водорослей. Затем, вместе с вереницей серебристых пузырьков воздуха, силы и сама жизнь покинули его тело.

Глава IX

ЦАРСТВО ИЛЛЮЗИЙ

Преисподняя оказалась мрачным, холодным местом. Конан не раз пытался представить ее себе. Он знал легенды бараханских пиратов о бескрайнем океане смерти, слышал, как умирающие шемиты бредили об озерах неугасимого пламени. Баллады асиров повествовали о ледяной пустыне под черным небом — истинном и вечном доме северного воина и барда. Но конкретно этот посмертный мир — быть может, предназначенный Кромом для самых заблудших душ — оказался беспросветной тьмой на границе жесткого камня, впивающегося в спину, и ледяной воды, омывающей нижнюю половину тела. К тому же в доставшемся Конану аду нещадно воняло сыростью, плесенью и разлагающейся падалью. Прикинув, что к чему, Конан почувствовал некоторое разочарование. Считая себя верным и достойным почитателем Крома, он рассчитывал на более пристойное времяпрепровождение после смерти. Впрочем, поживем — увидим», — подумал он по привычке и усмехнулся. Следующий шаг познания загробного мира заключался в определении своего местонахождения. Судя по всему, киммериец лежал навзничь на каменной лестнице, до пояса погруженный в воду. Набравшись мужества, он попытался пошевелиться, чтобы проверить, подчиняется ли ему его тело. Судя по пронзившей все мышцы и кости ломающей и режущей боли, дюжина демонов уже изрядно потопталаась на нем, наказывая за какие-то прижизненные грехи. И все же, сам не веря своим ощущениям, Конан сумел переползти на несколько ступенек, с тем чтобы вытащить из воды окоченевшие от холода ноги. Пришлось ли ему для этого двигаться вверх или куда-нибудь в другом направлении — за это он поручиться не мог. «Кто его знает, как здесь определяются верх и низ», — подумал киммериец.

Передохнув, он набрался сил и решимости, чтобы встать на ноги, опираясь на стену. Приняв вертикальное (вертикальное ли?) положение, Конан решил, что, ввиду отсутствия дальнейших указаний свыше, он имеет право самостоятельно интерпретировать божественный замысел по поводу пребывания его души на том (теперь уже этом?) свете. Лестница, уходящая в воду, не оставляла большой свободы выбора: скрипя зубами от боли, Конан стал взбираться вверх, отдыхая чуть не после каждой ступеньки.

Вскоре ступени уступили место гладкому каменному полу. С двух сторон Конан, разведя руки, обнаружил столь же сырье, покрытые слизью плесени стены. Судя по всему, боги пока что не баловали его свободой выбора, предоставив ему право лишь лежать у самой кромки воды или двигаться вперед по темному коридору.

Двигаясь на ощупь, Конан обнаружил, что коридор изгибается, закручиваясь широкой спиралью. Время от времени в нишах стен киммериец находил запертые, обитые ржавыми железными листами двери. Из-за них шел такой тошнотворный гнилостный запах, что у Конана даже не возникло желания проникнуть внутрь. Он лишь гадал, скоро ли обнаружится в стене распахнутая дверь пред назначенной ему лично кельи, где его душа предстоит маяться взаперти в течение нескончаемых веков и тысячелетий.

Неожиданно от коридора отделился уходящий в сторону более узкий проход. В его глубине, высоко над головой, Конан обнаружил целое сокровище, бесценный клад — узкую полоску света, горизонтально прочертившую черноту под невидимым потолком.

Непосредственный источник света был скрыт — видимо, какими-то выступами или карнизами свода и стен. Лучи же достигали пола, ничуть не рассеивая темноты вокруг Конана; лишь несколько пылинок висели в них. Стены отстояли друг от друга слишком далеко и были слишком гладкими и скользкими, чтобы даже выросший в горах Конан мог взобраться по ним. В общем, приходилось утешаться недоступным зреющим без всякой надежды на выяснение источника этого непонятного свечения.

Обнаружив, что движение воздуха заставляет пылинки по-новому вздрагивать и кружиться в прозрачных лучах, Копай начал прыгать и размахивать руками, чтобы, как ребенок, полюбоваться взвихренными облачками пыли. Осознав идиотизм этого занятия, он одновременно стал задумываться о том, насколько безоговорочно следовало верить в собственную смерть. Отойдя чуть назад и перекрыв ладонью полоску света, он убедился, что, по крайней мере, форма его тела сохранилась — в полумраке угадывались привычные очертания пальцев. «А если он не умер, — мелькнуло в голове киммерийца, — то свет, вполне вероятно, мог быть не адским огнем, а обычными солнечными лучами». Это в корне меняло дело. Если с вечным пребыванием в беспросветном загробном мире Конан еще готов был смириться, то, оставшись в живых, он был готов приложить все силы к тому, чтобы выбраться из черного подземелья на белый свет.

Память стала медленно возвращаться к нему: промелькнули королевский дворец в столице Аквилонии, какая-то битва, Офир, мост у Ианты, карлик, долгое путешествие... Вздрогнув, Конан вспомнил замок Тарнхолд, озеро и подводный туннель с чудовищным пауком...

Восстанавливая детали схватки с многоногим подводным чудовищем, Конан отвлекся и, сделав очередной шаг вперед, почувствовал, как камни уходят из-под его ног. Только подсознательное чувство опасности и мгновенная реакция заставили его тело отчаянным броском отпрянуть от разверзшейся перед ним пропасти. Спустя несколько мгновений рухнувшие камни с громким плеском вошли в воду где-то далеко внизу. После долгих минут тишины, пока Конан переводил дух и радовался тому, что опыт и инстинкт воина не подвели его, в провале вновь послышались какие-то всплески и бульканье. Звуки явно приближались. Конан почувствовал, что волосы на его голове встают дыбом. Какая-то новая, неведомая опасность в виде очередной кровожадной твари или самой странной — маслянистой и густой, угрожающе чавкающей — жижи угрожала ему. Понимая, что медленный подъем врага может в любой момент обернуться стремительным, смертельным броском, Конан развернулся и бросился бежать.

Это была страшная гонка вслепую, когда каждый шаг мог обернуться падением в очередную яму, ведущую в дьявольские подземелья. Но, подгоняемый каким-то сверхъестественным, запредельным ужасом, Конан продолжал бежать, следя поворотам коридора, наобум выбирая направление на перекрестках, стараясь лишь по возможности следовать наметившемуся подъему пола. Даже бег вверх по неожиданно ставшему более крутым склону не смог замедлить стремительного движения киммерийца. Не успев затормозить, он всем телом налетел на не замеченную вовремя деревянную дверь, которая, видимо изрядно прогнив, не выдержала такой нагрузки и резко распахнулась, чуть не слетев с петель...

Пораженный увиденным, Конан замер. Помещение, в которое он попал, было залито солнечным светом. Киммерийцу пришлось зажмурить привыкшие к темноте подземелья глаза. Но в последний момент, уже поднося к лицу ладони и прячась за ними от режущих глаза лучей, он заметил оказавшийся на его пути силуэт человека — мягкие, округлые контуры несомненно женского тела.

— Конан? Это ты?!

Голос был до боли знаком ему.

— Неужели? Нет, невозможно: Конан Киммериец — здесь? Ты мне

снился последние три ночи.

Конан почувствовал, как чьи-то ласковые, мягкие ладони легли на его руки и отвели их от лица, открывая глаза режущему даже сквозь закрытые веки свету.

— Да! Да, это ты, мой Конан! Чуть постарел... совсем чуть-чуть, тебе это даже к лицу. Да, ты ведь теперь король!

Мягкие губы покрыли его лицо поцелуями. Щека, прижавшаяся к его щеке, была влажной от слез.

— Ясмела, девочка! Наконец-то я нашел тебя!

Конан с трудом расслабил уже напряженные, готовые к драке руки и опустился на одно колено, прижавшись лицом к животу женщины.

— Еще мгновение назад, — прошептал он, — мне казалось, что я попал в ад. Теперь я знаю, что я в раю.

На миг открыв глаза, Конан, все еще не в силах выдержать яркий свет, снова сомкнул веки, но теперь перед его внутренним взором уже стоял прекрасный лик: алые губы, темные, оливковые глаза, мягкий овал лица, черные, отливающие на солнце золотом, волосы...

— Ты стала еще красивее, Ясмела, если такое вообще возможно!

Закрываясь от солнечных лучей ее телом, Конан открыл глаза и обежал взглядом ее стройное тело, высокую грудь, скрытую тонкой тканью платья, длинную тонкую шею, с которой спускалась в разрез одеяния золотая цепочка с каким-то медальоном.

Ясмела опустилась рядом с Конаном на колени, и, обнявшись, они долгоостояли неподвижно, все еще не веря в реальность этой встречи.

Наконец, оторвав глаза от Ясмели, киммериец огляделся. К его удивлению, он оказался в роскошно обставленной комнате с колоннами, поддерживающими высокий свод потолка. Одна стена была рассечена тремя высокими окнами и дверью, выходящими на широкий балкон, за которым голубое озеро веселоискрилось в лучах яркого послеполуденного солнца. Широкий дверной проем вел в соседнее, не менее шикарное помещение. Вход же, через который вломился Конан, до того был прикрыт плотным ковром, который теперь валялся на полу вместе с карнизом и сорванным со своего места порогом.

— Этот выход ведет в нижние, затопленные этажи замка, — сказала Ясмела и, улыбнувшись, добавила: — Впрочем, это ты и без меня уже выяснил.

— Нужно бы поплотнее прикрыть дверь, — чуть смущенно сказал Конан.

Встав на ноги, он подошел к двери, приподнял ее на полувырванных

петлях и одним ударом кулака поставил враспорку между косяками. Затем, подняв вырванный из пола брускок порога, он так же, чуть наискось, вбил его между косяками.

— Надо бы потом что-нибудь посерезней придумать, — почесал он в затылке. — Хотя... если нам все равно сматываться отсюда... Слушай, Ясмела, что это за место? Мы все еще в Тарнхолде или действительно на том свете?

— Мы все так же в замке, Конан. Мои окна выходят на озеро Тарн. Оно еще великолепнее на закате, и если ты останешься здесь до вечера...

— Видимо, придется, в целях безопасности. Но ведь озеро совсем не похоже на то, что я видел снаружи. Оно живое, веселое, полное солнца. Да и твои апартаменты... В жизни бы не подумал, что ветхая тюрьма может быть обставлена с такой роскошью и с таким вкусом.

— Я понимаю твое удивление, Конан, — сказала Ясмела, обводя взглядом помещение. — Позволь тебе объяснить. Тарнхолд — очень древний замок. И в течение многих веков он служил самым высокородным хорайцам не тюрьмой, а убежищем, когда удача отворачивалась от них. Могущественные колдуны наложили на эту долину и сам замок свои заклятья, создав иллюзию мрачности, атмосферу недобрых предчувствий, которые якобы вечно витают над этими башнями и стенами...

— Я понимаю, по крайней мере, мне так кажется... И все же — тот паучок в подводном туннеле — тоже иллюзия?

Конан задумчиво пересек комнату и аккуратно выглянулся на балкон.

— Не знаю точно, Конан. Но вполне может быть, что это действительно была галлюцинация. Так замок защищался всеми силами от дерзкого храбреца, осмелившегося, несмотря на все внешние предостережения, проникнуть в самую середину охраняемой заклятьями территории. Тарнхолд хранит множество тайн...

— Да уж, я думаю, — буркнул Конан и провел рукой по полированной мраморной стене, а затем — по бархату шторы. — Может быть, и вся эта роскошь — иллюзия, а сами мы сейчас сидим в сырой келье темницы под замком?

— Я могу быть уверена только в том, что я вижу и ощущаю, Конан, — вздохнула Ясмела. — И то не всегда... По крайней мере, я — это я, если, конечно... — Она замолчала и ласково погладила Конана по руке. — А ты, киммериец, все тот же яростный, безудержный, дикий воин и любовник?

— Хотелось бы верить, что да, — ответил он и чуть отодвинулся от Ясмели. — Извини, но я изрядно вымазался в какой-то плесени и слизи, удирая от самых назойливых, жаждущих личной встречи иллюзий этого

замка.

Ясмела улыбнулась:

— Во дворе есть горячий источник. Его вода не только отмоет тебя, но и придаст сил.

Принцесса-изгнанница (или отшельница?) хлопнула в ладоши, и на ее зов немедленно явилась служанка — величественно выглядящая, мягко ступающая по мраморным плитам матрона средних лет. Вышколенная за долгие годы на службе при дворе, она лишь вздрогнула, удивленно взглянув на неизвестно откуда взявшегося Конана, а затем, поспешно опустив глаза, поклонилась своей повелительнице.

— Ватесса, приготовь простыни для купания, — приказала Ясмела, — и предупреди, что ужин должен быть более обильным, я думаю... раз в пять больше обычного

го, — подмигнула она киммерийцу. — Пойдем, Конан, я провожу тебя к источнику. Там нам никто не помешает.

Ясмела провела гостя через свои роскошные покои, а затем спустилась, ведя его за руку, по прекрасной мраморной лестнице в замковый дворик. Конан насторожился, увидев во дворе нескольких слуг, но, судя по всему, они беспрекословно выполняли приказания его спутницы и исчезли по первому ее знаку. Сам дворик напоминал небольшой сад с разбитыми тут и там клумбами и высаженными по периметру вдоль стен плодовыми деревьями. Изнутри часовых на стенах видно не было. Более того, Конан обнаружил, что с одной стороны двор открыто выходит к озеру, спускаясь в воду широкими гранитными ступенями. Как это удавалось делать невидимым снаружи — киммериец предпочел не ломать себе голову, хотя неприятный осадок от столь могущественного колдовства по соседству все лее оставался у него в душе.

В одном из углов двора в выложенный мрамором бассейн стекала по камням, покрытым белым налетом, бьющая между ними вода. Над водоемом поднимался чуть заметный пар. Видимо, благодаря этому отдельному источнику тепла, деревья в саду Тарнхолда цвели и приносили плоды даже сейчас — не в сезон. Попробовав воду рукой и найдя ее весьма горячей, но все же — вполне сносной для омовения, Конан сбросил с себя изодранные шелковые шаровары и шагнул в бассейн. Минуту спустя, подождав, пока служанка поможет ей снять платье, за ним последовала Ясмела. На ней остались лишь костяной гребень в волосах да цепочка с медальоном.

Конан встретил ее, заключив в объятия, которые оба не размыкали до тех пор, пока высокая температура воды не напомнила о необходимости

освежиться в вечерней тени, падающей от весело шелестящих на легком ветерке деревьев. Бессстрастная Ватесса, набросив на Ясмела простыню, терпеливо смазала какими-то снадобьями царапины и ссадины Конана, полученные им при штурме заколдованного замка. Затем служанка удалилась, предоставив киммерийцу и Ясмеле полнее насладиться радостями столь неожиданной встречи.

Уже вечером, на закате, сидя за изысканно сервированным столом на террасе покоев Ясмели, они продолжили разговор. Конан, восхищаясь мастерством маскировки замка, вспомнил, что изнутри он не видел на стенах ни единого стражника.

— Да, — согласилась Ясмела, — их не видно. Во-первых, такова уж архитектура замка. Во-вторых — охрана здесь весьма малочисленна. Я ведь уже говорила, да ты и сам мог убедиться в том, что Тарнхолд больше рассчитывает на другие методы защиты и сохранения спокойствия.

— Да уж, это точно, — буркнул киммериец. — Имея таких защитников, как те зверушки в подвалах, можно не трястись на солдатохраников. — Конан внимательно посмотрел Ясмеле в глаза. — Скажи мне честно — ты ведь здесь не пленница?

— Пленница? — Ясмела покачала головой. — Нет, хотя многие, пожалуй, назвали бы, да и называют это так. Нет, Конан, я просто сама удалилась от политической жизни Хорайи.

— Ты? Чтобы Ясмела, которую я знал, поступила по своей воле? Что-то не верится, что ты сдалась и бежала с поля боя...

— Понимаешь, Конан, все гораздо сложнее. Я ведь уже не та жадная до власти принцесса, что была раньше. Я столько лет провела в тени моего брата Коссуса, пытаясь исправить то, что он натворил своим безвольным правлением, столько лет плела свою нить в общей паутине придворных интриг... В общем, в один прекрасный день я почувствовала, что больше не хочу ничего этого — ни власти, ни славы, ни... любви ради успеха очередного заговора... У тебя было много любовниц, коротких романов, случайных встреч?

— Много, — кивнул Конан.

Ясмела вздохнула:

— И все равно, я не думаю, что ты понимаешь, каково это — спать с человеком не по любви, не ради удовольствия, а ради достижения вполне конкретной цели, например — чтобы привязать его к себе, пригрозить оглаской перед его женой... Мужчины при дворе — в своей массе жалкие и убогие хлюпики. Верности женщине или своему правительству у них куда меньше, чем у простого народа. И вот я с нетерпением ждала, когда в

Хорайе появится правитель, способный достойно нести на своих плечах бремя власти. Когда же я поняла, что этот человек, есть и готов взять страну в свои руки...

— Ты имеешь в виду Амиро, я так понимаю? — Конан резко наклонился к ней: — Скажи честно, Ясмела, принц держит тебя здесь как наложницу?

— Амиро?! Да что ты, конечно, нет, — искренне удивилась Ясмела, не сумев скрыть, однако, что оставила кое-что недоговоренным. — Я вообще не уверена, что у принца остается время на плотские утехи. Слишком уж он занят расширением своих владений и укреплением власти. А если он и завел себе постоянную подругу, то уж всяко помоложе, чем я.

— По мне, так ты сама молодость, Ясмела, — откровенно сказал Конан. — Но что касается Амиро, могу тебе сообщить, что принц — мой личный враг, удостоившийся этого звания за бесчестный, предательский по отношению ко мне поступок. И единственное, чего он достоин, — это смерти!

На миг Ясмела отвела глаза в сторону, но, взяв себя в руки, заговорила:

— Предупреждаю тебя, с Амиро не так легко справиться. А если честно, то как правитель он очень неплох. Пожалуй, он лучший и достойнейший из тех, кто всходил на трон Хорайи и уходил с него на престол других королевств с тех пор, как наш народ заявил о своей независимости в пещерах на склонах гор к западу от Шема! Посуди сам — какой порядок он навел в Кофе: ты мог видеть хорошие дороги, почтовые станции, стражу, охраняющую горожан и путников... Одно то, что Амиро впервые за последние века сумел перевести все войны за границы Хорайи, дав нашей стране хоть несколько лет передышки, уже говорит о многом. И я не слышала, чтобы побежденные народы жаловались на его слишком жесткое правление.

— Я не об этом, — холодно произнес Конан, сжав локоть Ясмели. — Он может быть трижды хорошим правителем — готов тебе в этом поверить; в том, что он грамотный стратег и лихой вояка — я сам имел возможность убедиться. Но пойми — к трусости, бесчестью, обману это не имеет никакого отношения!

Видимо, в пылу разговора киммериец слишком сильно сжал руку Ясмели: женщина неожиданно вскрикнула; извинившись, Конан продолжил:

— Этот негодяй нарушил все законы благородного поединка! Знаешь, что он сделал? Согласился сразиться со мной один на один, а сам подоспал дюжину убийц с арбалетами. Причем его войска приветствовали его и

выражали поддержку этому «хитрому ходу». Видимо, Амиро сумел привить дух «здоровой смекалки» своим солдатам. Признаюсь тебе, по старой дружбе, один из мерзавцев, подосланных твоим любимчиком, всадил мне стрелу знаешь куда? Туда, где ни у одного настоящего воина не должно быть ни шрама.

Привстав, Конан похлопал себя по столь бесславно пострадавшему месту, не став, однако, снимать штаны и демонстрировать шрам.

— Так что, Ясмела, нам с Амиро нет места под небом Хайбории. И если бы не слух, что он заточил тебя в тюрьму, а то и вовсе убил, — я бы сейчас командовал армией, ведущей с ним войну не на жизнь, а на смерть! Будь такой бесчестный трус простым свинарем или разбойником с большой дороги — я и то считал бы необходимым содрать с него шкуру. А если он при этом называет себя принцем, пытается встать со мной рядом... — Конан, не найдя приличных слов для продолжения фразы и не желая ругаться при Ясмеле, замолчал, а затем спросил: — Откуда он вообще взялся, этот мерзавец?

Лицо хорайской правительницы было залито слезами. Отвечая, она явно старательно подбирала слова:

— Он — пасынок хорайского двора, который благодаря своим способностям, уму и настойчивости сумел пробиться к вершине власти, обойдя чуть не дюжину других претендентов на престол... Но скажи, Конан, разве происхождение человека играет такую уж большую роль? Или ты, взойдя на трон Аквилонии, забыл, что сам был рожден не в благородном обществе, а в далекой стране, в одном из диких, варварских племен Севера? Да и неужели ты не потерпишь человека с другими представлениями о чести и благородстве, который правит где-то в далеком королевстве?

Конан хмуро покачал головой:

— Нет, Ясмела, для такого человека, в первую очередь, если он правитель, в моем сердце нет ни терпения, ни жалости. — Помолчав, он медленно стал повторять столь запавшие ему в душу слова: — Став королем, я понял одно: мир — это маленькая деревня, в которой живет горстка правителей. И негоже в таком маленьком поселении терпеть дурного, не внушающего тебе доверия соседа.

— А ты, значит, вознамерился стать правителем в этой деревне королей, — закончила за него Ясмела. — Это твои советники внущили тебе такую мысль?

— Ага, — честно ответил Конан. — Есть у меня один приятель — смешной такой парнишка Делвин. Так вот, он за то время, что мы знакомы,

поведал мне обо мне же столько, сколько я за всю жизнь не слышал.

Ясмела понимающе кивнула:

— У многих правителей есть такие советчики. Но будь осторожен — принцу тоже есть кому посоветовать.

— Если бы я не знал тебя, твою благородную, не умеющую предавать душу, я бы подумал, что ты — одна из тех, кто шепчет на ухо Амиро.

— Ты прав, — как-то нерадостно согласилась Ясмела. — По мне, он слишком склонен ко лжи... И все же, если ты согласишься оставаться здесь со мной на ночь, быть может, я сумею сказать тебе то, что изменит твое отношение к Амиро.

Помолчав, Ясмела тяжело вздохнула и вдруг перевела разговор на другое:

— Да и я уже не та, знаешь, Конан. Во-первых — внутренне, ибо я тебя обманывала. А во-вторых, внешне, Ибо я давно уже не такая, какой кажусь тебе. Конан моргнул и недоверчиво заметил:

— Только не пугай меня, девочка. Еще не хватало узнать, что я мило купался и занимался любовью с вонючим седобородым старикашкой-колдуном или жаждущим моей крови вампиром.

Даже в шутке Конан не смог до конца скрыть мелькнувшее в нем серьезное подозрение и некоторую долю страха.

— Увы, киммериец, на этот раз я говорю истинную правду. — Ясмела явно была не рада, что завела этот разговор. — Помнишь, мы сегодня говорили о том, что вокруг нас — реальность, а где стены Тарнхолда таят иллюзии? Так вот, я сама в какой-то мере — иллюзия Тарнхолда. Этот амулет, — ее рука коснулась висевшего на груди медальона, — несет на себе древнее заклинание. Оно сохраняет своему обладателю ложную внешнюю молодость. Да, Конан, без него — я, наверное, уже старуха. По крайней мере, я уже не буду столь желанной и волнующей для тебя.

Замолчав, Ясмела одной ладонью обхватила висевший па ее груди амулет, а второй закрыла глаза.

Она вздрогнула, услышав неожиданно бодрый и добродушный голос Конана, вставшего из-за стола, чтобы подойти к ней:

— Э-э, девочка, много ты понимаешь... С тех пор как мы не виделись, для тебя прошло не больше лет, чем для меня. И ты могла убедиться в том, что я вовсе не старая развалина. Пусть кто-нибудь скажет это — я тотчас же вызову его на поединок, с любым оружием или с кружками эля — на выбор. Впрочем, к женщинам это не относится. Им я предложу рассчитаться за оскорбление и убедиться в собственной неправоте несколько иным способом.

Мозолистая рука киммерийца ласково легла на мокрую от слез щеку Ясмели, ответившей почти шепотом:

— Да, Конан, ты прав. Но ведь всем известно, что мужчина с годами только выигрывает и стареет достойно, а женщина куда раньше отцветает и оказывается ненужной, как прошлогодняя листва.

— Чушь! — как мог вежливо возразил Конан.

Затем он аккуратно взял Ясмели на руки и отнес на балкон, где лучи заходящего солнца одели королеву в багряную мантию.

— Тебе не нужен этот амулет, Ясмела, — спокойно, но непоколебимо сказал Конан. — Отдай мне его.

Женщина вздрогнула; несколько мгновений в ней еще шла какая-то внутренняя борьба, а затем, еще раз бросив взгляд на киммерийца, она медленно сняла через голову цепочку и протянула ему амулет.

Золотой, украшенный темно-синими камнями-лепестками цветок перешел в ладонь Конана, почти утонув в ней. Сам же король Аквилонии стоял неподвижно, не отрывая взгляда от повернутого в полупрофиль такого знакомого лица давней возлюбленной и сегодняшней любовницы.

Медленно и незаметно в лице и теле Ясмели стало что-то меняться. Ее грудь, напряженно и упруго стоявшая торчком, чуть опустилась, смягчившись, словно легла отдохнуть, приобретя при этом еще более величественную, не девичью, а женскую форму. Чуть проглядывавшая из-под кожи грудная кость словно исчезла, утонув в теле; сгладились переходы от ключиц к плечам и шее, которая, так и не обретя ни единой морщины, чуть окрепла и уже не казалась столь готовой переломиться. Далее плоский, как у мальчишки, живот Ясмели изящно округлился, став животом взрослой, рожавшей женщины, как и ее раздавшиеся, набравшие мощь бедра.

Во всем облике Ясмели девичья, чуть кукольная юность уступила место степенной, истинно королевской красоте зрелой женщины. Залитая последними алыми лучами заходящего солнца, она напомнила Конану живущую богиню, чьи изображения были рельефом выбиты на фронтонах храма Митры в Тарантии.

Лицо Ясмели, нисколько не потеряв своей красоты и привлекательности, лишь стало намного выразительнее, чем прежде. Да, горе, печали и тревоги оставили на нем свой след — в меланхолическом изгибе губ и мягкой сеточки у уголков глаз. Но и умение радоваться жизни, пришедшая с возрастом и опытом мудрость тоже наложили свою печать на прекрасное, словно ожившее лицо королевы.

Отчаяние, ожидание худшего и в то же время — надежда отразились

на этом лице. Темные глаза жадно, с волнением вглядывались в глаза мужчины, ожидая прочесть в них свой приговор. Видимо, почувствовав что-то, Ясмела чуть распрямила плечи, подняла подбородок, уголки ее губ тронула легкая улыбка.

В ответ, сделав шаг ей навстречу, Конан протянул к ней руки со словами:

— Ну, королева, давай, иди же ко мне... Будь снова моей! И забудь о своей заколдованной побрякушке. Ты не нуждаешься в услугах колдовства.

Золотой цветок звонко ударился о мрамор и откатился от балкона в комнату, сверкнув огненной искрой в лучах за ходящего солнца.

Глава X

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Каждый вечер, когда уставший за день бог-Солнце уходит на отдых за море, как гласят легенды Южной Стигии, — он выпускает голодную черную пантеру — ночь, которая охраняет его земные владения. Большинство смертных в это время лишь съеживается от страха во сне, в то время как некоторые, в основном — воры и влюбленные, — осмеливаются воспользоваться тенью огромного черного зверя, чтобы достичь того, что им нужно.

По как бы ни подгоняла человека жадность или страсть, как бы ни подбадривали его ласки любимого или веселящее вино, — все равно к утру любители любви и менее возвышенных благ стремятся найти уютное и безопасное место, чтобы хоть на несколько часов, уже в предрассветных сумерках, забыться сном.

Именно из такого предрассветного сладкого забытья вынырнули Конан я Ясмела, разбуженные чьим-то криком. В следующую секунду стало ясно, что кричала — из соседней комнаты — Ватесса. Крик оборвался внезапно. Сталь или кулак оборвали его — было не ясно, но, судя по всему, удар оказался смертельным.

Конан, скатившись с кровати, схватил стоявший у изголовья бронзовый подсвечник в форме статуи какого-то божества. В тот момент, когда распахнулась дверь и на пороге появился одетый в черное незнакомец, бронзовая статуя размозжила ему голову. Короткий меч, выпавший из руки чужака, не успел удариться об пол, подхваченный на лету киммерийцем.

Топот в соседней комнате подтвердил, что бой еще не окончен. Тотчас же, тесня Копана, в спальню ворвались с полдюжины воинов в черном. С яркой масляной лампы был сорван колпак, и острый луч света, слепя киммерийца, уперся ему в лицо.

— Ну что ж, Ясмела, — хрипло прозвучал знакомый Конану голос, — очень мило. Теперь ты в открытую встречаешься с моими врагами и даже недурно проводишь с ними время. Весьма болезненный удар кинжалом в мою неприкрытую спину...

— Королева невиновна, — перебил Конан. — Она не может отвечать за чужеземного воина, ворвавшегося в ее покой без приглашения. А о моем визите не было ничего заранее известно, как, впрочем, и о твоем, Амиро...

Я ведь не ошибся, определив тебя по голосу, принц? Хотя, по правде говоря, мне не совсем понятно, каким колдовством ты узнал, что я здесь, и каким чудом сам перенесся сюда...

— Колдовство? Чудо? — Голос Амиро сорвался на презрительный смешок. — Неужели ты думаешь, о Конан Аквилонский, что у меня нет шпионов ни в охваченном войной Офире, ни в самих твоих легионах? Неужели ты полагаешь, что у меня не хватит рабов, паланкинов, сменных лошадей, чтобы добраться сюда быстрее, чем одинокий всадник, которому все же нужно отдыхать по дороге. Странно еще, что я все-таки опоздал к моменту твоего появления в замке, которое, в свою очередь, кажется мне весьма загадочным, если, конечно, ты не лжешь и у тебя не было предварительного договора с Ясмелой.

— Хватит болтать, шакал! — рявкнул Конан. — Ты уже доказал, что поединок тебе не по зубам. Прикажи же своим псам наброситься на меня. Посмотрим, для скольких из них этот бой станет последним!

— Я не стану просить столь достойных воинов обнажать их клинки из-за какого-то пустяка, — высокомерно ответил Амиро. — Эй, ребята, разойдись. Этот парень — мой!

Два воина сошлись в отчаянной схватке. Лязгнули короткие, остро отточенные мечи — идеальное оружие для боя в небольшом помещении. На Конане были лишь короткие — чуть ниже колен — шелковые шаровары, и по сравнению с ним Амиро в своих плотных кожаных доспехах имел преимущество. Но это не остановило попечителя Аквилонии, который, яростно атакуя, смог прижать противника к стене.

Но Амиро сумел найти выход из этого положения. Поняв, что проигрывает сопернику в чистом фехтовании, ни в какой-то момент молниеносным движением сорвал с себя наброшенный на плечи кожаный дорожный плащ и, умело взмахнув рукой, быстро и ловко намотал его на предплечье левой руки. Плотная кожаная крага, плюс несколько слоев тонкой кожи плаща — такая защита позволяла принимать на руку, как на щит, не самые сильные удары противника. Воспользовавшись полученным преимуществом, принц, в свою очередь, отеснил Конана к центру комнаты и продолжал наступать дальше.

Киммериец отступал, хладнокровно выжидая момента, когда Амиро либо раскроется, подставив под удар незащищенный бок, либо слишком понадеется на свой импровизированный щит и рискнет отразить им нанесенные с полного замаха удар, который, по опыту Конана, прибил бы несколько слоев кожи и отсек саму руку.

Ясмела сидела на кровати, прижавшись спиной к стене и поджав под

себя ноги. Королева явно сопереживала каждому моменту поединка, но кому именно она симпатизировала, чьей победы желала — сказать было бы затруднительно.

Неожиданно ход поединка вновь резко переломился. Это Конан, схватив стоявший возле кровати мозаичный столик, изо всех сил обрушил его на подставленную левую руку Амиро, пробив эту защиту и основательно огрев принца по голове. Соперник киммерийца отлетел на середину спальни, где упал на одно колено, явно еще не придя в себя после такого удара. Нетвердой рукой он, защищаясь от бросившегося на него Конана, поднял и выставил перед собой меч.

Перешагнув через обломки расколотой при падении столешницы, Конан занес меч для последнего удара.

— Нет! Пощади его, Конан! Пощади его — он мой сын!

Сам по себе крик Ясмели ни на миг не остановил киммерийца. Но, к его несчастью, прежде чем меч опустился на голову Амиро, до Конана дошел смысл этих слов. Короткий кофийский клинок застыл в воздухе, затем опустился к полу... В этот момент, воспользовавшись замешательством аквилонского короля, охранники Амиро набросились на противника их повелителя. В последний момент Конан успел дважды взмахнуть клинком, ранив одного и нанеся смертельный удар другому стражнику. Но вторая жертва, падая, вывернула из рук киммерийца его оружие. Оставшиеся в живых шестеро телохранителей сумели одолеть безоружного Конана, повалив его на пол и приставив к его горлу и груди по мечу.

— Премного признателен тебе, мамочка, — сказал Амиро Ясмелю, поднимаясь на ноги. — Твоё вмешательство в бой на моей стороне смягчило мое сердце, и, пожалуй, я не буду слишком сурово наказывать тебя за... некоторые проступки, заслуживающие в другом случае жесточайшей кары. Согласись — вряд ли ты не знала, кто этот человек, дожидающийся сейчас смерти, но никак не желающий смириться с неизбежным.

Амиро ткнул пальцем в сторону Конана, попытавшегося дернуться, но ощущившего, как острый клинок сильнее надавил на его горло.

— Пощади его, Амиро, — крикнула Ясмела. — Прояви такое же великодушие, какое он продемонстрировал, сохранив тебе жизнь. Сделай это ради меня.

Она умоляюще прижала к груди руки и встала на колени перед Амиро.

— Пойми, сынок: мы с Конаном — давние друзья; когда-то мы любили друг друга... Принц усмехнулся:

— Невелика новость, мамочка. Все! Хватит мне соплей! Неужели ты еще не привыкла к тому, что я не всегда бываю великодушен и милосерден по отношению к твоим бесчисленным мужикам... извини — увлечениям юности.

Амиро посмотрел на лежащего Конана, сдавленного со всех сторон телохранителями принца, которые благоразумно не отреагировали на его шуточки по отношению к матери. Впрочем, им было не до смеха. Всем вместе, им едва удавалось удержать пленника неподвижным.

Потянув паузу, принц сообщил:

— Впрочем, этот твой «друг», мамочка, слишком важная птица, чтобы взять и убить его. Он еще вполне сгодится кое на что — например, послужит живцом, ценным заложником, а то и, как знать, станет когда-нибудь марионеточным правителем в какой-либо захудалой провинции. Мариус, веревочки для нашей марионетки, — приказал принц, щелкнув пальцами.

Один из солдат, державший свой меч у сердца Конана, достал одной рукой из-за пазухи кожаные шнурки с уже заготовленными петлями со скользящим узлом. Немалых усилий стоило стражникам перевернуть киммерийца и свести за спиной его запястья.

— Что же касается твоего пребывания здесь, мама, — продолжил Амиро, — я полагаю, что оно закончено. Мне кажется, что продолжать воздержание от участия в политических делах Хорайи, а также воздержание иного рода тебе придется в другой, более уединенной и безопасной крепости. Я постараюсь сделать так, чтобы это не слишком отразилось на комфорте твоего существования. Тарнхолд же с этого дня будет значительно лучше охраняться. Он станет местом заключения для нашего пленника и ловушкой для всякого глупца, который рискнет попытаться освободить его. Мариус, когда свяжешь его понадежней, спустишься вниз и присмотришь там камеру для него. Пусть слуги принесут туда факелы и подготовят все необходимое для дежурных и надзирателя. Вы же, мамочка, можете одеться, но потрудитесь сделать это не при моих людях. Я распоряжусь, чтобы слуги собрали ваши вещи. И не задерживайся, мама. Ясно?

Амиро еще раз скривил губы в усмешке, убрал меч в ножны и, резко развернувшись, вышел из спальни.

— Прости меня, Конан! Я не хотела... Я не знала, поверь!..

Голос Ясмели сорвался в рыдания, которые стали тише, когда она направилась в соседнюю комнату. Вскоре оттуда донесся короткий крик — видимо, Ясмела увидела, что случилось с Ватессой. Затем дверь

захлопнулась, и голоса в соседней комнате превратились в невнятное бормотание.

Сам же король Аквилонии остался лежать связанный по рукам и ногам. Профессионально наложенные кожаные шнурки стягивали вместе его запястья за спиной и ступни; оба узла крепились, словно к якорю, к тяжелой доске, выломанной из основания кровати. Умело завязанные узлы полностью лишали пленника возможности двигаться, не угрожая при этом перекрыть доступ крови к конечностям и сделать его инвалидом.

Когда задача обездвижить опасного пленника была наконец выполнена, Мариус вышел из комнаты и вместе с тремя своими товарищами отправился на поиски слуг и на разведку состояния подвальной темницы и приведение ее в порядок. Оставшиеся два стражника, еще раз убедившись в надежности узлов, вышли на балкон, чтобы перевести дух и подышать свежим предрассветным воздухом.

Конан, лежа в полумраке спальни, безуспешно пытался ослабить свои путы, напрягая и расслабляя мышцы. При этом он шепотом отчаянно ругался, рассыпая вереницы самых нецензурных ругательств двух десятков разных народов. Он недобрым словом поминал Ясмелу, проклинал Тарнхолд, костерил Амиро и его стражников, но с наибольшим рвением крыл себя самого за дурость и доверчивость. Надо же так попасться: довериться принцессе-регентше, которая и в лучшие-то годы не смогла оторваться от вязавших ее по рукам и ногам представлений о семейной чести и порядке в отношениях с родственниками. А тут тебе не седьмая вода на киселе, а ее собственный, прижитый от кого-то из придворных сыночек, в которого, судя по всему, Ясмела вложила все, что могла, все качества, которые в ней были, и те, которых ей очень недоставало, но в необходимости которых ее убедила жизнь. Воля к власти, жестокость, настойчивость в достижении цели любыми, самыми бесчестными средствами, казалось, не имели пределов в душе Амиро.

Даже владение мечом, признал про себя Конан, выдавало многолетние и настойчивые тренировки. Далеко не каждый аристократ, воспитывавшийся без отца, достигал такого уровня мастерства.

И чем же отплатил Амиро своей матери за все это, за вложенное в него в течение долгих лет и за спасенную ему этой ночью жизнь? Презрением и оскорблением при своих телохранителях, не говоря уже о решении отправить ее в настоящую ссылку. Нет, бормотал про себя Конан, только бы вырваться, только бы найти меч, кинжал любое оружие — он прикончил бы этого мерзавца, несмотря на все умоляющие просьбы его мамочки.

Заставив себя успокоиться, Конан решил более здраво посмотреть на положение вещей. Ненависти к Амиро, видимо, предстояло еще созреть, настояться, как доброму вину, а не излиться попусту, как свежей кислятине. В данный же момент киммерийцу ясно было одно: освободись он от связывающих его веревок — и никакая сила уже не сможет удержать его от того, чтобы, добежав до коня, броситься с него в воды озера Тарн. В сумерках он сумеет затеряться в окрестных лесах, а там... там видно будет. Главной проблемой оставалось справиться с веревками.

Чем перерезать, перетереть проклятые кожаные шнурки? Ничего острого в пределах досягаемости. А начать двигаться — значит поднять шум, привлечь внимание стражников и повеселить их своими бесплодными попытками обрести спасение.

Единственный предмет, оставшийся в досягаемости Конана, был тот самый омолаживающий талисман, который он снял с Ясмели. Золотой цветок лежал у кровати, и, перевернувшись на бок, киммериец, не стукнув об пол доской, дотянулся до цепочки амулета. В какой-то момент Конан в нерешительности задумался, прикидывая, чем сможет помочь ему колдовское украшение. В самом деле — не предлагать же его стражникам в качестве взятки. Не тот вариант. Измениться до неузнаваемости, превратившись в юнца — ровесника Амиро? Тоже чушь. И все же... А не действует ли амулет не только на живую, но и на умерщвленную плоть? Сомнением киммериец, изловчившись, набросил цепочку на запястья, словно надев таким образом амулет себе на руки.

Некоторое время все оставалось без изменений, и Конан уже стал ругать себя за то, что в отчаянии пошел на полную глупость, связавшись с магией, в которой ни черта не смыслил. Вдруг он почувствовал, как его руки чуть свободнее шевельнулись относительно друг друга. Видимо, амулет возымел свое действие, превратив обработанную, выделанную кожу в сыромятную, упругую полоску коровьей шкуры. Несколько отчаянных рывков, и вот, освободив руки, киммериец уже склонился над ногами, распутывая узлы и срывая со ступней путь.

Глава XI

ПРИЗРАК ИЗ БЕЗДНЫ

— Бессмертный Ктантос, я здесь, — стоя на краю черного бассейна, под чужим, незнакомым небом, Делвин обратился к незримому собеседнику. — И нечего ждать от меня подтверждения прибытия. Сам прекрасно видишь. Ну что, божок, что ты от меня хочешь на этот раз?

Поверхность черной жидкости подернулась рябью без малейшего ветерка. Булькнули первые пузырьки.

— Не хочу, а требую, — донесся из глубины бестелесный голос. — Требую, во-первых, чтобы ты обращался ко мне более почтительно, как подобает в соответствии с моей божественностью и безграничным могуществом.

— Договорились, Полубог. Так пойдет? Надеюсь, это не единственное, ради чего ты меня вызвал.

Оглядевшись, карлик заметил:

— Я смотрю, ты и вправду набираешься сил. Обстановочку сменил, надо сказать — весьма со вкусом. — Эти слова относились к появившимся вокруг бассейна высоким, устремленным в небо колоннам и арочной галерее, появившимся вместо древних руин. — И все же, — пожал плечами Делвин, — я поостерегся бы провозглашать твоё могущество безграничным.

— Что ты понимаешь в безграничном, смертный? — забулькал бассейн. — То, что для тебя — непреодолимый предел, для божественного существа — лишь притачная линия.

— На себя посмотри, призрачная линия, — огрызнулся карлик. — Учи, если ты ожидаешь уважения многих почитателей твоего могущества, потрудись воплотить свою божественную сущность во что-либо более осозаемое, нежели булькающий пудинг.

— Опять вам, людям, подавай форму, — раздалось старческое брюзжание Ктантоса. — Какой-нибудь символ, идол, чтобы беспрепятственно восприниматься вашими ограниченными мозгами. Что с вас взять — смертные, вы и есть смертные. Выше себя не прыгнешь.

В бассейне замелькали какие-то тени, и Делвин беспокойно поежился. Хриплый бас продолжил:

— Говоришь, что-нибудь такое, с чего можно снимать бесчисленные

копии и изображать где угодно? Чтобы таскать на шее или в сумке, или помещать в жалкие будки, именуемые храмами? Ну что — такое пойдет?

В центре бассейна вздулся огромный пузырь; лопнув, он издал оглушительный хлопок, и над поверхностью черной жижи быстро выросла человеческая фигура из какого-то придонного ила. Нависшее над карликом угрожающего вида создание превышало рост Делвина в несколько раз.

— Впечатляет ли тебя это воплощение? — с издевкой спросил скелетоподобный призрак, двигая нижней челюстью в некоем подобии соответствия с речью.

Делвин чуть не скатился с бортика, но, попытавшись бежать, увидел, что длинные, изогнутые дугой руки чудовища окружили его широким кольцом, отрезав путь отступлению.

Вынужденный обозреть конечности призрака с нежелательно близкого расстояния, Делвин обнаружил, что его руки состоят из примерно дюжины или больше перемазанных черной жижей обычных человеческих костей, в основном двойных — с предплечий. Кое-где, видимо, по ошибке, Ктанtos сунул берцовые кости или позвонки. Каждый палец чудовищного скелета состоял из полутора-двух десятков фаланг. Тут уж кости стоп и кистей были перемешаны безо всякого порядка. Судя по всему, суставы этого устрашающего организма могли поворачиваться, сгибаться и разгибаться в любую сторону и под любым углом.

— Ну, что скажешь? — давясь от смеха, спросил Ктанtos. — Эмблема достойна моей божественной сущности?

— Впечатляет, Бессмертный, — осторожно ответил Делвин. — Особенно в качестве устрашения для врагов или кары за грехи. Сдается мне, такую рожу лучше показывать безнадежным еретикам, чем пугать так добропорядочных верующих.

— Ладно, это же все так — шутки. Я сохранил кое-какие игрушки из тел смертных, принесенных мне некогда в жертву.

Стремительно и беззвучно огромный скелет втянулся обратно в жижу бассейна, и на поверхности опять забубнили пузырьки:

— Сам понимаешь, последнюю тысячу лет мне особо нечем было заняться. Вот и впал в детство. Гляди, чего могу.

Над поверхностью бассейна вновь показались страшные сооружения: черепа, насаженные на тазобедренные суставы и с ладонями прямо под ними, позвоночники с тремя ногами и двумя черепами, но без рук, и множество других уродцев... Отдельные белые кости — похоже, что ребра — запрыгали дельфинами над черной жижей.

— Ничего, — успокоившись, пробулькал Ктанtos, — сам понимаешь,

во всем этом цирке отпадет нужда, как только я начну править миром из этого бассейна. Тогда сомнений в моей божественной сущности не возникнет ни у кого. Кстати, об этом: как продвигаются наши дела?

— Неплохо, о Бессмертный, — несколько более почтительно произнес Делвин. — Выбранный мной король оказался сильным, умелым воином, хорошим командиром и при этом — доверчивым к моим словам, как ребенок. Он уже захватил половину одного государства, послал войска на захват другого, уничтожив при этом правителей обоих...

— О каком короле ты ведешь речь: о дикаре и невежде Конане или о высокородном и хитром Амиро?

— Разумеется, о Конане Аквилонском, о Бессмертный! Разумеется, если Конан погибнет, втянув полмира или даже большую его часть в войну, мы обратим наши усилия на принца Амира. Я не сомневаюсь, что сумею стать ему рупором твоих мыслей, но не уверен, что этот хитрец будет столь же управляем и восприимчив, как Конан.

Помолчав немного, карлик, словно невзначай, поинтересовался:

— Скажи мне, о Бессмертный: если ты так хорошо осведомлен о том, что я тебе еще не докладывал, то нет ли у тебя иных источников информации о нашем мире?

— Разумеется, есть. И их вполне достаточно, например, чтобы сообщить тебе, что выбранный тобой претендент на мировой престол несколько отклонился от нужного курса и исчез из поля зрения своих подданных. Застигнут, схвачен и — если верить всепроникающей молве — мертв, что, как мне кажется, идет вразрез с нашими мечтаниями о мировой империи.

— Нет, Бессмертный Ктанtos! — убежденно запротестовал карлик. — Король Конан жив! Если бы он погиб — я узнал бы об этом так или иначе. Он — настоящий лидер, такой, какой нам нужен. И именно сейчас он стоит на пороге большого скачка, резкого движения вперед, к намеченной мной — и тобой — цели: мировому господству. А если он порой и исчезает... — карлик всячески старался принизить значение отсутствия Конана, — ничего страшного. Государственные дела он поручает неглупым и верным ему исполнителям. Все это было предусмотрено и входит в мой общий стратегический план. Вспомни, как столица могучего Офира, готовая обороняться против целой армии, рухнула к его ногам, залитая кровью своих аристократов.

— Лживый смертный! — булькнул Ктанtos. — Можешь ли ты поклясться, что долгое отсутствие твоего любимчика на поле боя и нахождение его вне твоей досягаемости не подвергает опасности наше

дело?

Из глубины бассейна вынырнули десятки костяных рук, сжавших кулаки или угрожающе покачивающих пальцами.

— Если он ищет приключений, то почему ты не с ним? — вновь забулькали пузыри. — А если он погибнет или окажется в пленау? Как ты сможешь защитить его или вовремя предать, переметнувшись к победителю?

Делвин явно несколько сник.

— Вынужден признать, о Великий Ктантос, что мой контроль за ним далек от совершенства. Разумеется, Конан — верный раб своей собственной гордости, своего тщеславия, как и подобает королю. Он не меньше влюблен в светлые цели, которые я вбил ему в голову. Обычно его неожиданные выходки оказываются нам только на руку. Но если я все правильно понимаю, изрядная часть его жизненного пути идет, извиваясь, петляя, возвращаясь назад, — и все это из-за женщин. Самая реальная опасность сейчас — это королева Зенобия, чье влияние, я надеюсь, должна нейтрализовать вполне подходящая нам по духу Амлуния. Быть может, впоследствии мы сможем приставить ее к делу уже более сознательно. Но в последнее время перед нами замаячила другая опасность — одна королева из лагеря противника, некая Ясмела. Насколько велика ее роль — я сказать наверняка не могу, но что-то мне в этой женщине не нравится, что-то пугает меня... Это ведь ради ее спасения Конан ускакал из Ианты...

— Поможет ли тебе, если я сообщу, что эта Ясмела — родная мать принца Амиро?

— Что? Тогда все хуже, чем я предполагал. Но главное — прости меня, Бессмертный Повелитель, — я действительно недооценил твою необозримую мудрость. — Помолчав, Делвин продолжил: — Молю тебя, Ктантос, если ты так хорошо знаешь обо всем, что происходит в мире смертных, не сможешь ли ты вмешаться в ход событий, предотвратить неминуемое крушение всех наших надежд? Ибо, предполагая, что наш избранник все еще жив, мы могли бы...

— Конан жив, тут ты был прав. И королева Ясмела действительно может очень помешать нам, будучи любящей матерью и в то же время привязанной крепчайшими, крепче, чем ее воля и разум, нитями к Конану. А что касается твоей мольбы... да, я действительно могу вмешаться в жизнь смертных. Очень простым и довольно грубым способом: я могу убивать, отнимать у них жизнь.

— Молю тебя, воспользуйся своей силой, о Великий Бессмертный! Эта женщина — Ясмела — она действительно непредсказуемо опасна, она

может поставить под угрозу все — наши планы, нашу империю, твоё обновленное господство над миром...

— Хватит! Это будет сделано — как исполнение твоей мольбы. Но не сейчас. Мне еще очень нелегко приходить в твой мир и отнимать жизнь у смертных. Но, как ты уже убедился, мое могущество растет с каждым днем, и скоро ему не будет границ.

— А еще Зенобия, господин Ктантос! Ее бы тоже — того... Я как-то сразу забыл попросить. Но одна смерть может лишь нарушить равновесие, оказаться половиной дела... Не лучше ли сразу — для симметрии — раз, два, и готово!

— Как же ты жаден, маленький человечек, жаден до смерти! Хоть я и милосердное к своим почитателям божество, исполнять слишком много желаний сразу — это только портит людей, развращает их, отучает действовать самостоятельно. Ясно тебе? То, что обещано, — будет выполнено. Ясмела умрет. А со второй просьбой тебе придется подождать, а нам обоим — вместе подумать.

Глава XII

ДОРОГАМИ ЗАВОЕВАНИЙ

В последующие дни и недели по всем королевским дворам Хайбории прокатились слухи о падениях и возвышениях королей, о передвижениях войск. От деревни к деревне, от замка к замку все шире и шире разбегалось пугающее, леденящее душу слово «война».

Тревожные вести стали распространяться с тех пор, как Аквилония и Коф сошлись в схватке над истерзанным воюющими армиями Офиром, словно лев и гиена, оспаривающие тушу поверженной антилопы. Затем нетерпеливый аквилонский лез замахнулся лапой на север, послав легионы в лишившуюся короля Немедию. А постоянные столкновения в Западном Офире не могли не озабочить даже Аргос, в столице которого — Мессантии — советники короля подготовили указ о наборе ополченцев для усиления охраны границ.

Вокруг самой столицы Офира обстановка оставалась более-менее спокойной, видимо, потому, что командиры обеих армий на время своего отсутствия передали бразды правления войсками своим менее воинственным сподвижникам. Умело маневрируя, Черные Драконы Эгилруда и пехота графа Троцero сумели воспрепятствовать дальнейшей переправе кофийцев на западный берег. Те же, в свою очередь, маневрируя не менее умело, отступили за мост без больших потерь, не позволив аквилонцам развить наступление.

На следующее утро мощный контрудар кофийцев был направлен на стены и ворота левобережной части Ианты. Действуя с осадных башен и работая подвесными, спрятанными под передвижными крышами, таранами, войска Амиро сумели прорвать оборону защитников города. Лишь несколько дней спустя аквилонские и офирские части смогли выдавить неприятеля за городские стены. Почти вся восточная Ианта была сожжена и разрушена, как и мост кофийцев. Теперь пепелище немалой части города и обгорелые сваи моста над рекой стояли словно памятники бессмысленной жестокой войны.

Аквилонский король вернулся в Ианту, изрядно измученный долгой дорогой и попутными приключениями. Его долгое отсутствие каждый из придворных объяснял по-своему: кто — желанием исполнить долг перед каким-то языческим божеством, кто — быстро развивающимся безумием,

кто — секретными переговорами с возможными союзниками. Некоторые офицеры уже строили предположения об очередной вражеской столице, рухнувшей к ногам неистового киммерийца. Впрочем, дурное настроение Конана и мрачное выражение на его лице, не сходившее с него с момента возвращения, быстро развеяли радужные иллюзии.

Когда Троцеро в разговоре один на один спросил киммерийца, не выяснил ли тот, в чем слабое место Амиро, тот выругался и сообщил:

— Я выяснил только то, что победить Амиро будет еще труднее, чем я думал.

Не вдаваясь в дальнейшие расспросы, граф стал прикидывать, сколько же легионов потребуется отозвать со всех концов Аквилонии, чтобы все-таки придавить кофийцев, если уж не разделаться с ними окончательно.

В Ианте король пробыл недолго. Два дня пиров и две ночи в утехах с куртизанкой Амлунией, — и Конан покинул огирский фронт, оставив его под командованием Троцеро и Оттобранда. Сам же он, в сопровождении Делвина, Амлунии и солидного отряда Черных Драконов во главе с их новым командиром Эгилрудом, отправился ил север. Перед отъездом киммериец напомнил графу:

— Главное, удержи здесь кофийцев. Заставь их легионы увязнуть в мелких стычках, засылай им в тыл диверсантов и штурмовые группы. Пусть противник выставляет больше часовых, организует мощные патрули и дозоры. Время работает на нас... Подожди еще: придет время — и мы даже не заметим, как поглотим Огир, Коф и Хорайю. Это ведь мелочи на нашем пути к завоеванию всего мира.

Путь в Немедию лежал через захваченные в последней кампании территории. Районы, лежащие ближе к границам Аквилонии, пострадали от войны меньше всего, но по мере приближения к немедийской столице — Бельверусу — королевскому кортежу все чаще попадались разрушенные замки, выжженные деревни, разграбленные городки. В некоторых селениях стоял погребальный плач — рыдали вдовы и дети погибших. В других же оплакать погибших было некому, и вороны самиправляли свой похоронный обряд, сопровождая его своими криками.

Конан воспользовался дорогой, чтобы отдохнуть от пережитых в предыдущих путешествиях потрясений. Часть дня он проводил в седле верхом на Шалмаиесере, а часть — на платформе шикарной, отделанной бронзой, влекомой четверкой могучих замбулийских меринов колесницы, вместе с Делвином и Амлунией.

Сам Конан куда серьезнее, чем его спутники — карлик и куртизанка, — воспринимал картины опустошения, принесенного войной

на немедийскую землю. Быть может, он просто чувствовал свою личную ответственность за пережитое местными жителями горе. Пытаясь заглушить укоры совести, он старательно раздавал пострадавшим где монеты, где мешки с мукой из королевского каравана. К его огорчению и к веселью карлика и рыжей девицы, большинство вдов и сирот вовсе не жаждало быть благодетельствованными чужеземным королем-завоевателем, предпочитая отсидеться в лесах или оврагах подальше от дороги.

При подъезде к Бельверусу стало ясно, что столица Немедии почти не пострадала при осаде. На шпилях ее внутренней крепости развевались черно-золотые флаги Аквилонии с оскаленными львиными мордами. Черные Драконы приветствовали свои знамена оглушительным боевым кличем. Выяснилось, что ворота города были открыты осаждавшим отрядами сторонников барона Халька, аквилонского ставленника, взошедшего на немедийский трон.

Конан приказал своей страже вести себя в городе корректно, как подобает не мародерам-захватчикам, а благородным, могучим союзникам. С Амлунией он изрядно переругался, заставив ее отказаться от шальной идеи — прокатиться на колеснице по центральным улицам и рыночной площади с ветерком, рискуя и даже намереваясь покалечить кого-нибудь из горожан.

Главный дворец пострадал больше других зданий города — скорее всего, в нем и произошло наиболее кровопролитное сражение между сторонниками погибшего Балта и отрядами Халька, поддерживаемого аквилонскими войсками. Самого барона в столице не оказалось — вместе с Просперо он отправился на восток, усмирять не покорившуюся новому правителю Нумалию, второй по величине город Немедии. Судя по донесениям, непокорный город был осажден, но пока что не взят.

Хальк и поддерживающие его аристократы были родом из северных районов страны. Хозяева небольших замков и малонаселенных земель, эти бароны изрядно закалили свои тела и дух в постоянном противостоянии там киммерийцев и вечно агрессивных, полуголодны отрядов властителей Приграничного Королевства, давно северные немедийцы имели зуб на, по их мнению, утонувшую в роскоши и погрязшую в пороках вырождающуюся аристократию Бельверуса.

Вот почему Хальк и многие другие бароны из Северной Немедии предпочли встать на сторону захватчиков, инстинктивно чувствуя, что под аквилонским ярмом они смогут ощущать себя свободнее и скорее обогатятся в новых доходах, чем при своих же немедийских правителях.

Дня отдыха для эскорта и одного вечернего совещания с новыми

хозяевами Бельверусской крепости, перешедшую в заурядную попойку, Конану показалось достаточно. На следующее же утро, когда все Черные Драконы наконец вернулись из злачных мест города и привели себя в надлежащий вид, королевский кортеж отправился и дальнейший путь по Дороге Королей.

Здесь раны войны были свежее и выразительней, чем до Бельверуса. Кое-где еще поднимался дым над пепелищами, порой даже не ограбленные трупы валялись в придорожных канавах. Пойманные шпионы и перебежчики, по немедийскому обычаю, были распяты на стоявших неподалеку от дорогих крестах; возможно, это делалось по приказу самого Халька.

Амлуния, сидевшая на перилах колесницы, при виде первого же креста явно обрадовалась возможности развеять дорожную скуку.

— Конан! — крикнула она. — Предлагаю посоревноваться в меткости. Стрелы или дротики — на твой выбор. Каждое меткое попадание в сердце — кружка эля, идет? Или — так даже интереснее — стреляем по рукам, ногам... а потом — в глаза, в живот, в пах... — Амлуния явно все больше воодушевлялась своей идеей.

— Заткнись! — оборвал ее Конан. — Этим несчастным и без тебя мучений хватит.

— Ну, пожалуйста, — словно избалованный ребенок, захныкала Амлуния. — Между прочим, так мы избавим их от долгих мучений. Я согласна на то, чтобы соревноваться в том, кто с одной стрелы прикончит беднягу.

— И то верно, ваше величество — Головорез, — вмешался в разговор Делвин, который, облаченный в доспехи, стоя на специально сооруженной подставке, правил колесницей. — Вы ведь, право дело, известный знаток оказания последней милости умирающим. Знаешь ли ты, Амлуния, как я познакомился с нашим обожаемым королем? Не убеди я его в том, что меня вовсе не размазало по земле поручнем колесницы, он, довольный тем, что делает доброе дело, облагодетельствовал бы и меня, отрубив мою светлую голову или пронзив столь сладковзвучное в песнопениях горло...

— Хватит! — В голосе Конана послышался уже нешуточный гнев, что заставило и Делвина, и Амлунию оборвать обмен смешками и шуточками.

Сам же киммериец приказал Эгилруду:

— Пошли нескольких человек из отряда — пусть снимут распятых с крестов, да поаккуратнее. Тем, кто еще жив, — оставить воды и хлеба. Не забудьте оттащить их поближе к дороге. Пусть живут, если смогут выжить. Местным жителям виднее, как к ним относиться. Захотят — выходят и

помогут вернуться к родственникам, а если действительно сочтут их предателями, то расправятся с ними, как только мы скроемся за поворотом дороги.

Так прошло несколько дней. Наконец на горизонте показались башни и шпили дворцов Нумалии, а затем — дымы лагерных костров, а еще позднее и сам лагерь — ряды палаток, сторожевые вышки и осадные укрепления — частоколы на расстоянии полета стрелы от стен города. По главным воротам, выходившим к Великой Дороге Королей, и защищающим их башням беспрерывно молотили катапульты. Однако, судя по всему, помимо грохота и облаков поднятой пыли, их снаряды не производили никакого иного эффекта.

Выслав вперед одного из своих охранников, Конан передал войскам приказ не встречать главнокомандующего фанфарами и боевым кличем, чтобы, на всякий случай, скрыть от противника факт своего появления. Проскакав мимо молча салютующих ему солдат, киммериец направил коня к штабному шатру, где его встретили офицеры.

— Приветствую тебя, о король Конан, — поздоровался с ним Просперо, опустившись на одно колено. — Мы счастливы, что вы прибыли к нам, Ваше Величество. Причем ваш приезд — как никогда своевременен. — Обернувшись к стоящему рядом с ним немедийцу, Просперо представил его королю: — Это барон Хальк — наш верный союзник и неустрешимый в бою воин.

При этом Просперо пришлось помочь барону, который, вознамерившись поклониться Конану, чуть было не ткнулся носом в землю. С первого же взгляда становилось ясно, что Хальк изрядно пьян и не в состоянии поддержать в равновесии отягощенное доспехами тело.

— Мои приветствия благородному королю Конану! — расплывшись в пьяной улыбке, нетвердо произнес барон и заплетающимся языком продолжил: — А вы ведь и вправду родом из Киммерии. Я ваши рожи за версту узнаю — лихие налетчики на наши земли. Ну да ладно, ради нашей дружбы я готов все простить соплеменникам Конана — короля Аквилонии. Ничего, теперь мы — северяне — дадим жару этим зарвавшимся южанам...

— Я не вижу большой разницы между кровью человека, рожденного в ледяной тундре или в тропических джунглях. Как и мой меч, который рубит и тех и других одинаково бесстрастно.

Конан не особо старался соблюсти дипломатические приличия, понимая, что, прославвшись, барон вряд ли сможет восстановить в памяти подробности этой встречи. Видя, что Хальку и сейчас не под силу

осмыслить столь неожиданное приветствие, он облегчил его мучении, добавив:

— Впрочем, я вижу, что вы с Просперо, действуя в единстве севера и юга, достигли больших успехов. А о теперь вы, уважаемый граф, — обратился он к Просперо, — раз уж господин Хальк не в состоянии членораздельно доложить обстановку, потрудитесь сделать это сами. Просперо, как я вижу, войска готовы к штурму, Но не выдвинуты на передовые рубежи.

Так точно, ваше величество. — Губы графа чуть изогнулись в едва заметной улыбке. — Ваши наблюдения абсолютно верны.

— Я полагаю, что вы передали противнику достойные условия сдачи города?

— Да, ваше величество. По наш парламентер был отправлен назад привязанным за волосы к хвосту его лошади, весь в синяках и ушибах.

— Все ясно. Это оскорбление будет дорого стоить городским властям. Скажи мне теперь, Просперо, неужели ты действительно думаешь разрушить или повредить башни и ворота города снарядами катапульт? Помоему, эти бульжники лишь царапают камень и бронзу укреплений...

— Вы правы, повелитель, — кивнул Просперо. — Стрельба из катапульт не наносит противнику никакого ущерба.

— И что же, мой верный граф? — поинтересовался Конан. — Вы в компании нашего трезвомыслящего союзника решили изобразить дело там, где ничто не сдвигается с мертвой точки? Просперо, я полагаю, тебе известно, что долгая осада не способствует повышению морального духа армии, причем не только осажденной, но и осаждающей. А кроме того, у нас ведь нет времени ждать, когда защитники города оголодают до того, чтобы согласиться сдаться. Самое важное дня нас в этой кампании — это скорость, темп наступления. — Резко оборвав свою тираду, король внимательно поглядел на графа и явно напряженным голосом спросил: — Что ты на это скажешь, Просперо?

На мгновение в шатре воцарилось молчание. Где-то поодаль раздалась очередная команда, резкий удар — и в воздухе просвистелпущенный из катапульты камень. Затем Просперо с самым невинным видом показал пальцем на штабной стол и сказал:

— Когда догорит эта свеча — ворота Нумалии рухнут.

— Что? — Конан взглядом проследил за жестом графа.

Рядом с картой на столе стоял бронзовый подсвечник. Восковые наплывы покрывали его верхнюю часть, и лишь слабый огонек дрожал в прозрачной лужице на макушке крохотного огарка тонкой свечи. Рядом со

столом, напряженно глядя на свечу, стоял немолодой седовласый человек, одетый в черное.

— Это еще что, Просперо? — искренне удивился Конан. — Ты рискнул обратиться к колдунам? Неужели не известно мое отношение к таким штучкам! Впрочем, победителей не судят, и если это поможет нам сократить осаду...

— Ваше Величество, колдовство здесь ни при чем. — Просперо явно был доволен произведенным его шуткой эффектом и поспешил ввести короля в курс дела: — этот господин — капитан саперной роты Миниас. Его отряд был любезно предоставлен в наше распоряжение бароном Хальком. Обратите внимание на частокол: за ним с нашей стороны свалены груды свежевыкопанной земли. Вся она извлечена из подкопа, проделанного под северной надвратной башней. Постоянный обстрел стены и ворот из катапульт служит лишь для прикрытия работы саперов капитана Миниаса, отвлекая внимание защитником.

— Тогда ладно. — Конан явно почувствовал себя уверенней, выяснив, что осада ведется без помощи колдунов; Впрочем, далеко не все стало ему от этого понятно. — Чем-то мне это напоминает метод кое-кого из заморийских воров... Ну, да сейчас не время об этом. Скажите-ка лучше, господин капитан, как затухание свечи связано с падением башни? Это что — какой-то сигнал? Но почему тогда он подается из шатра?

Просперо фыркнул в кулак, а Миниас, опасаясь прогневать известного своей вспыльчивостью киммерийца, терпеливо пояснил:

— Ваше Величество, точно такая же свеча была зажжена одновременно с этой и отправлена вместе с саперами в подземный туннель. Сейчас под башней убраны последние земляные опоры и привязаны веревки к последним деревянным сваям. Все готово, чтобы в один миг обрушить северную надвратную башню. Чтобы не выдать наши намерения, граф Просперо отвел готовые к штурму войска за лагерный городок, оставив еще ночью штурмовые лестницы за частоколом. Просперо кивнул:

— Все так, Конан. Войска готовы, отведены за палатки и только ждут сигнала. Небольшой отряд ведет разведку боем у противоположных ворот, отвлекая внимание стражи. Надеюсь, что если ваше прибытие и было замечено со стен города, то вряд ли гарнизон тотчас же будет поднят по полной тревоге.

Конан с уважением поглядел на графа, капитана саперов и остальных офицеров. Затем Эгилруду был отдан приказ, не вводя ожидавших команды Черных Драконов в лагерь, готовить их к штурму, быть может — в пешем

строю. Потом киммериец, не в силах оторвать взгляд от слабого вздрагивающего огонька, уставился на свечу, словно забыв обо всем остальном.

Вот язычок пламени последний раз взметнулся вверх, раздалось легкое потрескивание догорающего фитиля, в воздух поднялась струйка белого дыма — и свеча погасла. Воцарилось молчание. Взгляды всех присутствующих обратились к воротам и надвратным башням. С минуту все оставалось без изменений.

Затем посередине между городской стеной и частоколом осаждающей армии в земле открылась яма, из которой, словно подземные божества или демоны, стали вылезать полуголые, с ног до головы грязные люди, которые со всех ног бросились бежать в сторону лагеря. Это было замечено часовыми на башнях; раздались крики, и над стеной показалось несколько шлемов нумалийских арбалетчиков.

Катапульты смолкли, и в неожиданно наступившей тишине стало слышно, как вдруг задрожала земля под ногами. Из провала на нейтральной полосе в небо взметнулся фонтан пыли, словно выдавливая из шахты последних саперов. Что-то неуловимо изменилось в кладке северной надвратной башни, затем по ней пробежали трещины, в стыках между камнями заскрипел осыпающийся раствор, и вдруг внушительное, казавшееся воплощением надежности и непоколебимости сооружение обрушилось само в себя. Когда пыль рассеялась, стало видно, что одна из городских башен превратилась в груду бульжника. Но эта радость тотчас же сменилась разочарованием.

— Проклятие Геенны! — взвыл Конан. — Ворота целы!

Просперо резко обернулся к Мииасу:

— В чем дело, капитан?

— Я уверен, что они держатся на соплях, а именно — на засовах и петлях, да придавлены осыпью. Один удар тараном — и они рухнут.

— Таран заготовлен далеко отсюда — в лесу! — Просперо стукнул кулаком по столу. — Мы же не хотели, чтобы противник догадался о готовящемся штурме. Пока мы его подтащим, они успеют организовать оборону...

— Не успеют! — воскликнул Конан. — Давай сигнал. Сейчас в суматохе мы в два счета возьмем стену! Лестницы, веревки с крючьями, все готово? Арбалетчики для прикрытия — быстро к частоколу! Кавалерию — вперед!

— Но... — Просперо явно колебался. — Боюсь, кавалерии пока что делать нечего. Лошади не смогут взобраться по крутыму склону осыпи.

— Шалманесер сможет! — ответил король, взлетая в седло. — За мной!

Эгилруд и Хальк передали в отряды сигнал к атаке. Словно споря с только что отзвучавшим грохотом обвала башни, взревели сигнальные трубы. Вслед за ними воздух был разорван боевыми кличами ринувшихся в атаку отрядов.

— Вперед, псы войны! Вперед за добычей и во имя империи! — воодушевлял солдат громоподобный голос Конана.

Король одиноким всадником возглавил пошедшую на штурм пехоту, ощетинившуюся крюками лестниц, остриями пик и направленными к гребню стены луками. Подлетев к груде камня, еще недавно стоявшего вертикальной стеной, вороной жеребец на миг остановился и с громким ржанием встал на дыбы, словно не только выражая благоговение перед таким препятствием, но и высматривая наиболее приемлемый путь наверх. Одно движение поводьями — и Шалманесер, понимая, чего от него хочет всадник, с мрачной уверенностью вскочил на ближайшие камни.

Удержаться в седле при такой скачке было не легче, чем усмирить неоседланного и необузданного гирканского мустанга. Камни скрежетали под тяжелыми копытами коня и сползали вниз по склону. Киммериец мертввой хваткой вцепился в вороную гриву Шалманесера и сжал коленями его бешено вздывающуюся грудную клетку. Могучий конь рвался вперед, спотыкаясь, обдирая ноги, перепрыгивая преграждавшие путь трещины, находя себе путь среди каменных глыб в рост человека. С каждой секундой скакун и его наездник приближались к вершине насыпи.

Даже в еще не совсем осевшей пыли внушительная фигура Конана и его коня не могли остаться не замеченными для часовых на стене. Несколько неприцельно пущенных стрел и брошенных камней просвистели рядом с киммерийцем. Пока что аквилонские арбалетчики не давали нумалийцам особой свободы на стене, но чем выше поднимался Конан, тем дальше переносили они заградительную стрельбу, опасаясь задеть своего короля.

— Живее, живее, за мной! — прорычал Конан, обращаясь к достигнувшим подножия насыпи всадникам передового отряда Черных Драконов и штабным офицерам.

Медленно, но верно они стали взбираться вверх по склону: одни — верхом, другие — ведя своих скакунов в поводу. В те же секунды первая волна пехоты, добежав до стен, начала штурм. На головы осаждающих обрушился град камней, стрел и горшков с кипящей смолой. Судя по всему, противник, не отчаиваясь из-за разрушения башни и возникшей угрозы для

ворот, намеревался отчаянно защищать город.

— Волкодавы Крома! — чертыхнулся Конан.

Поднявшись на вершину осыпи, киммериец обнаружил, что тыльная стена башни не обрушилась, что означало отсутствие прямого пути в город. Отвесная стена в четыре-пять человеческих ростов высотой не оставляла возможности безопасного спуска в город. Ни лестницы, ни подъездного пандуса к этой части башни не подходило. В добавление к этому разочарованию, со стороны города в Конана было выпущено несколько стрел, часть из которых, достигнув цели, звякнула о его доспехи или застряла в войлоке и коже защитной попоны Шалманесера.

К счастью, и всадник и конь были хорошо защищены; к тому же неравномерное, стремительное передвижение делали их обоих трудной для поражения целью. Повинуясь движению поводьев, Шалманесер повернулся и стал столь же настойчиво взбираться по груде камней на парапет городской стены.

— Великий Кром — Повелитель Ледяной Горы! — прокатился над стеной варварский боевой клич киммерийца.

Очередная стая пущенных второпях стрел не смогла найти слабого места в доспехах Конана или его скакуна, и стрелки бросились к своим алебардам, чтобы в ближнем бою остановить у гребня стены стремительно приближающуюся всадника.

Стражники опоздали на какой-то миг, но этого мгновения Шалманесеру оказалось достаточно, чтобы каким-то пантерым движением, изогнув спину, взлететь на осыпавшийся под ногами край парапета. Один из стражников был просто сметен со стены массой коня, еще двое упали без чувств под ударами его закованных в стальные обручи копыт. Следующий стрелок погиб под ударом длинного меча Конана, который был выхвачен всадником из ножен в тот же миг, как только под ногами его скакуна оказалась ровная поверхность. Из дозорных, находившихся на стене около башни, в живых осталось только двое. Они побросали алебарды и бросились бежать, потеряв голову сначала фигурально, от страха, а затем и буквально — под ударами меча короля Аквилонии.

Так, по легенде, началось кровавое шествие Конана им стенам Нумалии. Боевой парапет был широк и гладок — опьяненный, обезумевший от крови Шалманесер рвался вперед. Оказавшись на ровной площадке, Конан отпустил поводья и, управляя лошадью, как научился в Туране, одними коленями, скжал в обеих руках разящую сталь, — меч и огромный боевой топор. Клинки киммерийца собрали в тот день богатый

кровавый урожай, отсеченные руки, головы, разрубленные надвое тела остались там, где пронесся дьявольский всадник. Немало постарался и его скакун — многие нумалийцы нашли свой конец под копытами Шалманесера или были изуродованы его огромными зубами.

Занятые отражением штурма с внешней стороны стены, нумалийские солдаты не успевали сориентироваться и подготовиться к отражению атаки несущегося по парапету всадника. Защитники города гибли под ударами меча, топора, под копытами коня, падали со стены в город или оказывались раздавленными о зубцы на ее внешней стороне. Тем, кому удавалось оставаться в живых, отсидевшись за грудами бульжников или на уходящих вниз лестницах, даже не приходило в голову преследовать страшного великана.

Эта гонка аквилонского короля по стене Нумалии резко изменила соотношение сил штурмующих и защитников города, склонив чашу весов в пользу обнадеженных таким примером атакующих.

Конан, поглощенный боем, не замечал ничего вокруг, кроме оказывавшихся на его пути вражеских солдат. Киммериец, словно заведенный, взмахивал то левой, то правой рукой — меч, топор, меч, топор, — собирая кровавую жатву. Сейчас он не был королем Аквилонии. Нет, он был лишь воином Крома, приносящим богатую, обильную жертву своему безжалостному, бесстрашному божеству. Он был готов объехать весь город по периметру стен и пойти на второй круг, если это понадобится для поддержания атаки его подданных.

Вот очередной солдат занес алебарду, но оказался остановлен ударом меча; вот стрелок, отбросив лук и уворачиваясь от топора, рухнул со стены с отчаянным криком, оборвавшимся при падении на камни мостовой внизу. Еще один солдат, отвлекшись от поединка со штурмующими стену аквилонцами, остался без головы, срубленной, словно кочан капусты, мечом киммерийца. Очередной нумалиец, не веря в то, что ему удастся победить всадника, распластался на парапете, прикинувшись мертвым и надеясь, что конь инстинктивно перешагнет через человека. Любой другой конь — но не Шалманесер, упоенный битвой, о чемзвестили истощный крик и хруст костей из-под его копыт.

Впереди на стене сошлились в бою сумевшие ворваться с лестниц на парапет аквилонцы и пытающиеся сбросить их обратно нумалийцы. Ближайшие к месту прорыва защитники бросились на подмогу своим товарищам, оставив часть стены незащищенной, а парапет — пустым. Шалманесер, не видя препятствий, стал набирать скорость, приближаясь к месту боя.

Навстречу ему из-за спин дерущихся солдат шагнул, судя по форме, капитан пехотной роты нумалийцев. Длинный тонкий наконечник его копья сверкнул в воздухе, древко уперлось в трещину между камнями, и офицер, держа оружие обеими руками, сжался, как пружина, готовясь контратаковать. Грамотно выставленное вперед копье опасно зависло в воздухе невысоко над поверхностью парапета.

Времени, чтобы остановить разогнавшегося коня, не оставалось, как и на то, чтобы увести скакуна в сторону. Словно черная тень, Шалманесер несся на неподвижно застывшего противника. Конь отчаянно заржал, его мускулы конвульсивно напряглись в тот момент, когда сверкающее лезвие вонзилось ему в брюхо. Но нумалийскому капитану не суждено было насладиться своей победой: в последнем рывке агонизирующий Шалманесер обрушил тяжелые копыта на его грудь и впился окровавленными зубами в лицо.

В следующий миг Конан почувствовал, что умирающий конь валится на бок прямо к вертикальному обрыву стены в сторону города. За собой животное повлекло свою последнюю жертву и всадника. Помянув Крома, Конан, не имея времени выпрыгнуть из седла, поплотнее прижался к шее скакуна и, отпустив меч, обеими руками вцепился в шкуру и гриву Шалманесера.

Видимо, Кром или просто случай в очередной раз оказались на стороне киммерийца. Перекувырнувшись вместе с Шалманесером в воздухе, он рухнул на землю, оказавшись поверх конской туши, а не под нею.

Далеко не сразу Конану удалось восстановить нормальное дыхание. Падение в доспехах покрыло его тело множеством ушибов, но в то же время латы спасли его от куда более тяжких, а скорее всего, и смертельныхувечий.

Ожидая в любой момент атаки ополченцев-горожан ими солдат гарнизона, Конан, придя в себя, первым деком схватил упавший неподалеку от него меч и, встав на одно колено, огляделся. Узкий мощеный переулок был пуст, лишь сверху доносился шум шедшего на стене ожесточенного боя. Шалманесер лежал мертвый в луже крови, как и его геройский победитель, упавший на камни и нескольких шагах от коня.

Не убирая меч в ножны, Конан направился вдоль стены в обратную сторону — к штурмаемым воротам. Переулки на окраинах города были пустынны. Видимо, жители либо перебрались подальше от стен к центру города, либо заперлись в домах, надеясь переждать опасность. Редкие патрули ополченцев, по два-три кое-как вооруженных человека,

предпочитали не связываться с устрашающе выглядящим киммерийцем и поспешно исчезали во дворах и проходах между домами. Время от времени со стены вниз падали участники шедшего наверху сражения, в основном — нумалийские стражники. Подойдя к широкому пандусу, ведущему на стену, Конан увидел, как группа нумалийцев, даже не пытаясь создать видимость организованного сопротивления, почти скатилась по спуску и бросилась врассыпную по переулкам и улицам города. Почти на их плечах по пандусу стали спускаться аквилонские солдаты и их немедийские союзники. Увидев Конана, они, пораженные, замерли, но король Аквилонии привел их в чувство своим громоподобным голосом:

— За мной, солдаты! К воротам! На глазах увеличивающаяся толпа солдат последовала за своим королем. Офицеры и сержанты стали наскоро оставлять посты у пройденных улиц и спусков со стены. К тому моменту, когда Конан и его солдаты достигли обрушенной саперами башни, ворота уже были открыты. Реабилитируя себя за не совсем удачный подкоп, саперы, действуя вместе с пехотой, сумели обрушить оставшуюся стену башни, превратив ее в пустыне не гладкий, но все же проходимый склон каменного холма. Перебравшиеся по этой осыпи солдаты сумели захватить вторую надвратную башню атакой с тыла и, вынув из петель медные балки и толстые бревна засовов, распахнуть ворота, через которые в город черным потоком устремился отряд королевской аквилонской конницы. Скорее всего, во главе несущихся к центральной площади и замку всадников скакал и Просперо.

Конан вскочил на один из каменных блоков и огляделся в поисках подходящего для себя коня. Первая лошадь, попавшаяся ему на глаза, была слишком изящна и легка для тяжеловесного киммерийца, хотя и несла на своей спине уже двух седоков — затянутую в кожу и сверкающую бронзой доспехов Амлунию, размахивающую флягой с нумалийским вином — видимо, боевым трофеем, и потешно устроившегося на лошадином крупе, закованного в латунные латы Делвина.

Киммериец, выглядев в толпе двух офицеров, приказал им выстроить прорвавшуюся в город пехоту в боевые колонны и вести их на центральную площадь города. Затем Конан жестом подозвал своих приятелей.

— Приветствую тебя, Конан Неуязвимый, одинокий покоритель стен Нумалии! — завопил Делвин, чуть не свалившись с резко затормозившей лошади. — Видимо, не родился еще тот смертный, который смог бы противостоять тебе в бою.

Конан мрачно поглядел на карлика и серьезно сказал:

— Если бы я был неуязвим, я предпочел бы, чтобы копье моего

последнего противника вонзилось в меня, а не в моего скакуна. Бедняга Шалманесер, нелегко будет найти ему достойную замену.

— Еще бы, — согласилась Амлуния, наклоняясь в седле и приставляя к губам Конана флягу. — Но что тебе за дело до какого-то коня, будущий Повелитель Мира? Придет время — и в твоем распоряжении будут все лошади, верблюды, слоны, даже драконы и другие неведомые твари! — Захотев, Амлуния откинулась в седле, чуть не уронив на землю Дельвина, а затем добавила: — Пока же — Нумалия твоя, Конан! Ты рассказывал мне, что некогда тебе довелось пожить здесь, добывая себе хлеб насущный воровством и грабежами. Что ж — настало твое время, и ты украл весь город!

— Ага, — рассеянно кивнул Конан. — И теперь я готов променять всю эту жалкую дыру на одного доброго коня, чтобы не переться пешком к замку и не опоздать к бою на его стенах.

— Опять сражение? — восхищенно воскликнула Амлуния. — Разве тебе не достаточно на сегодня? Башня разрушена, ворота открыты, стены взяты — город наш! Настало время для веселья — резни, грабежа, погромов, — настоящего, истинно варварского праздника победы.

— И то дело, хозяин, — вновь подал голос карлик. — Зов к разрушению уже разбудил сердца солдат. Впереди ночь — и к утру этот гордый город, вернее, то, что от него останется, упадет на колени, моля о прощении за столь дерзкое сопротивление тебе, Король Мира.

— Да, со стороны горожан было непростительной ошибкой не подчиниться мне по-хорошему — пробурчал Конан и вдруг, заметив кого-то в толпе, позвал: — Эй, Эгилруд! Барон Хальк!

Оба всадника, натянув поводья, остановились рядом с киммерийцем.

— Ваше величество! Мы счастливы видеть вас невредимым... Я вижу, вы без коня...

Эгилруд поспешил спрыгнуть со своего скакуна:

— Конан, мой конь к твоим услугам. Докладываю: северная и западная стены очищены от противника, благодаря вашей неоценимой личной поддержке, а гарнизоны двух южных фортов, охраняющие оставшиеся стены, приняли наши условия сдачи в плен.

Капитана неожиданно перебил широко улыбающийся барон:

— Ну и герой наш король-киммериец! Каков пример обеим нашим армиям! — Вытащив из седельной сумки флягу, Хальк приложился к ней и протянул сосуд с вином Конану: — Отведайте немедийского вина, ваше величество. В честь захвата этого вражеского гнезда. Эх, как я сегодня развлекусь! Все мои солдаты давно ждали этого дня...

— Держите своих солдат в строю, не разрешая им напиваться и грабить город до тех пор, пока не будет захвачен замок, особняки центрального квартала и не сдастся гарнизон форта.

К вину Конан не притронулся, и Хальк сунул флягу Эгилруду. Тот тоже отвел его руки и сказал:

— Конан, вокруг замка уже достаточно войск. Больше там не понадобится. Пусть солдаты барона займутся охраной и конвоированием пленных из форта.

Конан кивнул, и Хальк воскликнул:

— Мои люди готовы выполнить любой приказ могучего Конана Киммерийца. Но, умоляю, не лишайте их законного права разграбить город. Впрочем, ваши солдаты заслужили эту потеху не меньше чем мои. Яйцо разбито, и бессмысленно пытаться собрать его заново.

— Вы так считаете, барон? А ты, Эгилруд, что скажешь? — Не дождавшись ответа, Конан нахмурился и сурово сказал: — Что ж, значит, так тому и быть. К Нумалии у меня никогда не было теплых чувств.

Взяв из рук Халька флягу, он припал к ее горльшку, осушил до дна и, отбросив посудину на камни, махнул рукой:

Как только победа будет окончательной, назначьте караул и конвой для пленных, а остальные солдаты — пусть делают, что хотят!

Глава XIII

КОЛЬБЕЛЬ ИМПЕРИИ

За высокими, ярко освещенными стрельчатыми окнами королевского дворца аквилонской столицы Тарантии мелькали тени танцующих. Из-за стен дворца доносились музыка, смех и веселые возгласы. Придворные и аквилонская знать собрались на торжественный бал, посвященный проводам офицеров, возглавляющих очередные набранные для военных действий легионы. На следующее утро молодым воинам предстояло отправиться в долгий поход, из которого далеко не всем из них суждено будет вернуться. Сегодня же праздник был организован ими, для них плясали красивые девушки, для них играла музыка, для них разливали в кубки лучшее вино.

В глубине дворцового сада, на пристроенной к одной из численных галерей веранде сидела королева Зенобия одетая в расшитый золотом и драгоценными камнями хитон. Застекленные двери отделяли ее от дворцовного зала, где кружились в танце придворные и гости. У дверей в каждом углу веранды стояли, словно тени, неотлучные телохранители королевы — Черные Драконы, одетые в свои вороненые кольчуги. Рядом с Зенобией в помпезном кресле устроился ее обычный собеседник — лысеющий, не слабеющий, но лишь набирающийся с годами мудрости канцлер Аквилонии Публио.

Бал идет спокойно и размеренно, Ваше Величество, — сообщил канцлер королеве. — Дворцовые слуги знают свое дело и легкоправляются с ним, не утомляя приглашенных чрезмерным весельем и излишними развлечениями.

— Это хорошо, — с легкой зыбкой отозвалась королева. — Я рада, что мы нашли двойное применение части присыпаемых королем денег, захваченных в качестве трофеев и полученных в виде контрибуций. Хотелось бы, чтобы эти молодые люди запомнили на прощание что-то приятное, связанное с родным городом и королевским дворцом, перед тем как они отправятся в далекий поход.

При этих словах улыбка слетела с лица королевы, вспомнившей о своем вечно отсутствующем супруге.

Публио же невозмутимо продолжал развивать свою мысль:

— Ваши празднества, госпожа, куда более спокойны и

цивилизованны, чем те, что устраивает наш глубокоуважаемый король. В последнее время во дворце не происходят ни турниры, ни потешные баталии, никто не упражняется в рассказывании публике фривольных или кровавых историй, никто, наконец, не напивается до полусмерти. Да и без обнаженных танцовщиц, по моему мнению, празднества куда приличнее и спокойнее... В общем, Ваше Величество, организованные вами балы мне куда больше по вкусу.

— Неужели, Публио? — Королева слегка нахмурилась. — Я, безусловно, стараюсь внести свой вклад в сохранение славы аквилонского двора, как столицы самой высокоцивилизованной и культурной страны в Хайбории. Но не стоит и умалять величие варварского духа, неиспорченность души человека, рожденного дикарем. Подчас голос с грубым акцентом может оказаться самым звучным во всем придворном хоре и объявить то, что как божественную истину воспримет весь народ.

Королева помолчала, провожая глазами удаляющихся по садовой тропинке молодого офицера и льнувшую к нему девушку из приглашенных на бал дочерей тарантских аристократов. Затем, вздохнув, она добавила:

— В конце концов, именно безудержным варваром и бесстрашным воином-дикарем, а вовсе не повелителем Аквилонии был Конан, когда я полюбила его с первой встречи, с первого взгляда.

Решив переменить тему, канцлер обратился к последним политическим и военным событиям:

— Какой приятный поворот судьбы, госпожа: покорение нашим королем Немедии дает вам возможность править Бельверусом, вашим родным городом...

— Да, и какая в этом ирония! Я, некогда проданная в рабство на рынке Бельверуса... А теперь вся Немедия присягает на верность моему супругу... Иногда я спрашиваю себя: не захочет ли Конан когда-нибудь покорить и его родную Киммерию? Сомнительно, чтобы даже он сумел подчинить такой гордый и свободолюбивый народ. — Покачав головой, королева словно невзначай поинтересовалась: — Как вы думаете, Публио, Конан действительно твердо решил покорить весь мир? Канцлер пожал плечами:

— Кто знает... Во время наших последних встреч я предупреждал его, что не следует, по крайней мере, провозглашать эту цель открыто. Может статься так, что короли Хайбории объединятся против него. Но, к моему удивлению, видя военные успехи Конана, некоторые из них уже устремились к нему, желая стать вассалами повелителя Аквилонии.

Зенобия наклонилась к канцлеру и спросила:

— А разубедить его вы не можете?

— Наш король, — вздохнул Публио, — не из тех, кто отказывается от своих планов, о чем вы и сами прекрасно знаете, Ваше Величество. А эта идея, похоже, крепко засела у него в голове. Трудно предположить, что могло бы заставить его отказаться от нее, кроме... — Помолчав, Публио заставил себя произнести вертящиеся у него на языке слова: —...Кроме поражения. Впрочем, надеюсь, что если королю удастся победить Амиро, то это на некоторое время насытит его жажду захватчика. А там, глядишь, нам удастся надолго занять его делами обустройства новой, изрядно расширившейся империи.

Тут канцлер осекся, опасаясь, не наговорил ли он лишнего. К его удивлению, королева поддержала разговор на эту тему:

— Я понимаю: Конан будет очень доволен победой над Кофом. Ведь до сих пор он присоединил к своим владениям территории лишь двух королевств, напавших на нашу страну первыми. А Амиро перешел ему дорогу... — Так что теперь, если Конан и захватит королевство своего новоявленного врага-соперника, то никто не сможет поставить ему это в вину. — Публио оживился, чувствуя себя в разговоре о политике и дипломатии как рыба в воде. — Что касается резни, учиненной нашими ставленниками в Немедии — это, можно сказать, их внутреннее дело. Мы лишь помогли одной из сторон морально, будем так считать. Куда важнее присутствие там аквилонских легионов, угрожающих Северному Офиру и самому Кофу. С сегодняшним курьером я получил указание короля начать переговоры с коринфийским посланником на предмет пропуска нашей армии на юг через территорию Коринфии, с целью удара по кофийским землям. Такое соглашение было бы весьма выгодно для Конана, независимо от того, собирается он учитывать нейтралитет Коринфии или нет.

— Все ясно. — При известии о скором продолжении и даже расширении войны королева снова погрустнела. — Видимо, настало время Конану сойтись с Амиро в смертельной схватке. Я вообще удивляюсь, как они смогли так долго просуществовать рядом без войны. — Королева вздохнула.

— Оба правителя известны как выдающиеся военачальники, — заметил канцлер. — Во всей Хайбории, пожалуй, лишь армия Кофа может противостоять аквилонским войскам. Но если два могучих противника сойдутся в изматывающих сражениях, то, ослабевшие, они оба могут стать жертвой других соседей, как это и произошло с Офиrom. Вот почему и Конан, и Амиро сейчас затаились, выжидая момент для одного решающего

удара, который не потребует много крови своих войск.

— Я понимаю, — кивнула Зенобия. — Они ходят друг за другом кругами, словно два соперничающих льва в окружении стаи гиен. Война — грязное дело, да и политика — не лучше. Что же касается нас, то здесь, в Тарантии, мы видим только выгоды войны. Для нашей молодежи это возможность отличиться, получить звание, титул, захватить большую добычу. Война превращает их в героев. На полудюжину погибших в бою деревенских парней один становится хозяином большого земельного надела, порой — с уже построенным домом и налаженным хозяйством. При таких шансах выиграть их родители не ропщут против войны. Мой муж стал главным героем Аквилонии всех времен. Вопрос — надолго ли? И как тяжело заплатит сам аквилонский народ за свое величие?

— В других странах, — сказал Публио, — Конана вовсе не причисляют к соинму героев. Наоборот, судя по донесениям наших шпионов, власти Бритунии и Коринфии серьезно настраивают население против Конана-грабите-ля и Конана-завое-вателя. Эти королевства не удастся застать врасплох, как Немедию, и вряд ли они с распостертыми объятиями примут такого освободителя... Но — тсс! — вот идет еще один великий вождь!

Публио обернулся, чтобы поприветствовать ворвавшегося на веранду принца Конна. Тот, в глиняном горшке вместо шлема, с деревянным мечом в руке, вел в бой свою армию, состоящую из одной-единственной придворной няньки.

— Ваше Величество, — обратилась женщина к Зенобии, — я пыталась уложить юного Конна в постель, чтобы он отправился на завоевание царства сновидений, но перед столь дальней дорогой ему потребовалось ваше благословение.

— Ну, сынок, — королева ласково обняла принца, — вот тебе мое благословение, а также пожелание доброй дороги и удачи. Укладывайся спать и завоюй для меня великие сны.

— Достойное будущего короля напутствие! — раздался низкий голос. — Я теперь понимаю, почему его отец с такой легкостью покоряет целые королевства.

— Троцеро, это вы?! — удивленный, воскликнул канцлер.

— Граф, добрый вечер, — поздоровалась Зенобия, глядя, как Троцеро наскоро обменивается воинскими приветствиями и прощаниями с уводимым нянькой принцем. — Мы вас даже не ждали так быстро. Как добрались? Рассказывайте же скорее, нам не терпится узнать новости из Офира из первых рук.

— Положение там я бы назвал стабильным, — по-военному ответил граф, поцеловав руку королеве и поздоровавшись с канцлером. Сев на принесенный ему слугой стул, Троцеро продолжил: — По нашему берегу Красной реки теперь расставлена цепочка фортов, что делает прорыв кофийцев маловероятным. По согласованию с королем я позволил себе покинуть Ианту, чтобы разобраться с положением дел на юге.

— На юге Аквилонии?! — чуть не подпрыгнул на месте Публио.

— Да, господин канцлер, и, судя по вашему удивлению, я полагаю, что вы еще не информированы... Как?! Королева, и вы до сих пор не в курсе?

Зенобия разверла руками, и граф продолжил:

— Принц Амиро, решив увеличить линию нашего противостояния, нанес удар по Аргосу в районе княжества Аронд на нашей южной границе. Аргосцы просто не успели переслать туда свои основные силы. Все это не несло бы большой угрозы нашим границам, если бы не сведения о тайном союзе Кофа с Зингарой. На всякий случай я лично займусь мобилизацией и подготовкой к возможному нападению на наши южные провинции.

— Угроза на юге! — покачала головой Зенобия. — Похоже, Амиро затеял там то же самое, что Конан готовит на севере. Воистину, все мои худшие опасения сбываются... Но, Публио, ведь Зингара, с тех пор как в Аквилонии правит Конан, была нашим союзником. А Аргос — большое, сильное королевство — нешуточный противник для Кофа.

— Все относительно, Ваше Величество, — пожал плечами канцлер. — Аргос — преимущественно морская держава; на суше аргосцы не так уж сильны. Кстати, с Зингарой у них постоянные трения и стычки по поводу отдельных островов, проливов и прибрежной торговли. Зингарский двор не упустит случая свести счеты с давним соперником, пусть далее ценой разрыва союза с нами. Что касается меня, госпожа, я могу вас уверить, что я предприму все возможные усилия на дипломатическом фронте для отведения или смягчения этой угрозы.

На террасе воцарилось молчание, нарушающее лишь льющейся из дворца музыкой продолжающегося балл. После паузы первой заговорила Зенобия.

— Ну а теперь, любезный граф, — обратилась она к Троцеро, — расскажите мне немного о том, как поживает мой супруг. О том риске, которому он себя подвергает ежедневно, я могу лишь догадываться. Но, скажите... он хотя бы скучает по семье, по дому?

Троцеро, не вставая, чуть поклонился:

— Ваше Величество, готов поклясться, что все победы, все свои успехи в войне ваш супруг посвящает вам и маленькому Конну.

— Понятно... — Королева спокойно приняла эту ни о чем не говорящую информацию и спросила: — А как поживает этот его уродец, Делвин? Шут все еще в фаворе у моего мужа?

— Да, госпожа, — бесстрастно ответил Троцеро. — Более того, шут выпросил у него доспехи и теперь подчас мелькает на поле боя, сверкая латунью, как котелок, и потрясая кинжалом.

— Разумеется, он по-прежнему поет и играет на пирах по случаю побед, — продолжила за графа Зенобия. — Я уже в курсе по поводу пьяных застолий и шумных пиршеств, которые устраивает Конан в захваченных городах. Впрочем, вам, граф, видимо, не до веселья, если уж король порой перекладывает на вас то, что положено делать ему самому и никому другому!

— Я не совсем понимаю, о чем вы, Ваше Величество, — с напускным недоумением отозвался граф.

— Неужели? А я вот узнала, что вам пришлось командовать армией, пока мой муж в порыве страсти странствовал в поисках и попытках спасения своей старой пассии — некоей Ясмели. Что же вы молчите, граф? Я полагаю, что имею право знать о столь рискованных, но как всегда, столь же благородных приключениях своего супруга. О шлюхе по имени Амлуния мне тоже известно, ибо у меня есть собственные шпионы и собственные ясновидцы. Так что, граф, не стесняйтесь — выкладывайте все как есть!

— Ваше величество! — Публио был явно шокирован. — Как же так? Я ведь предлагал вам услуги своих осведомителей и астрологов. А вы, призвав на помощь лжецов и шарлатанов, попали в столь неловкое положение!

— Замолчите, Публио! — почти прошипела Зенобия. — Уж ваши-то игры я насквозь вижу. Вы боитесь, что если я буду слишком много знать, то смогу надавить на Конана и чем-то повредить вашей будущей империи! Но я... Я стою больше всех империй, вместе взятых! Я могла бы перегрызть горло всем этим девкам, подослав к ним убийц, наслать на них порчу... Но я люблю Конана и останусь ему верна и не буду противиться его делам. Потому что он не только мой супруг, но и мой король!

* * *

— Ватесса! Ватесса, дорогая моя! Тебе лучше? Давай я подложу тебе подушку под голову.

Принцесса Ясмела, склонившись над неподвижно лежащей служанкой, влила ей несколько капель жидкости из кубка прямо в рот. Подождав, она опустила голому женщины на подушку. Та лежала, не отвечая, устремим неподвижные глаза куда-то в达尔.

— Тебе так удобно, Ватесса? Полежи так. Скоро все пройдет, ты поправишься, вот увидишь.

Встав с колен, Ясмела отодвинула свечу подальше от изголовья кровати Ватессы, чтобы свет не падал ей на лицо. Служанка не приходила в себя с того дня, когда один из телохранителей Амиро оглушил ее ударом дубины по голове. С тех пор Ясмела заботливо ухаживала за ней. Госпожа и служанка поменялись ролями, но принцесса понимала, что при всем старании ей не удастся возместить Ватессе и десятой доли той заботы, которой окружала ее служанка в течение долгих лет.

Подойдя к окну, принцесса приоткрыла ставни. Луна еще не взошла, и в темноте виднелась лишь россыпь звезд на небе да черный контур вонзавшихся в небосвод незнакомых горных вершин. Впрочем, и днем вид был ненамного лучше: мрачные склоны, поросшие дремучим темным лесом, да гранитные скалы — все это не вызвало у Ясмели радостных чувств. Ночной воздух был свеж, в комнату потянуло холодом, и принцесса поспешила захлопнуть ставни и задернуть шторы.

Эта уединенная, затерянная в глухи безымянная башня стала для нее не только местом заточения, но и сим волом наказания. Наказания за безумную материнскую любовь, за одностороннее воспитание сына, который, повзрослев, оказался прекрасно подготовлен к схватке за власть, но считал честь, достоинство и благородство ничем иным, как красивыми словами. Не меньше, чем отношение Амиро к ней самой, поразило Ясмелу и то, как он обошелся с Ватессой, которая была ему почти второй матерью, воспитывавшей его и ухаживавшей за ним с колыбели.

И все же для Ясмели Амиро был сыном. Единственным и любимым сыном. Она ничего не могла с собой поделать и по-прежнему слепо любила его, желала ему удачи и побед.

Неприязнь Амиро ко всем ее бывшим любовникам была вполне объяснима — слишком рано и близко познакомился принц с нравами мужчин при хорайском дворе. Но чтобы так получилось с Конаном — этого Ясмела не могла себе простить. Теперь два близких ей человека стали заклятыми врагами и будут ими до тех пор, пока один из них не убьет или не возьмет в плен другого. И это те единственые двое мужчин, судьба которых заботила ее!

В глазах Ясмели уже не осталось слез. Здесь, в затерянной в дебрях

Хорайи башне, под охраной бесчувственных, верных лишь Амиро стражников, она не могла ничего изменить, не могла попытаться спасти короля или принца, страну или мир. Оставалось лишь одно — день за днем ухаживать за несчастной служанкой и тем самым попытаться спасти хотя бы свою душу.

Погруженная в тяжелые раздумья, принцесса стояла у кровати лежащей без сознания служанки. Неожиданно с лестницы, ведущей вниз — в общий зал, комнату караула и кухню, — донесся какой-то звук.

«Наверное, часовой», — подумала Ясмела, — поднимается на верхнюю площадку башни, чтобы сменить товарища.

Впрочем, это объяснение пришлось отбросить. За дверью что-то зашуршало, и тут чувство неизвестности сменилось в душе Ясмели тревогой. Дверь была заперта изнутри, но сейчас тяжелая стальная пластина засова вдруг медленно заскользила в пазах. Следом, слегка скрипнув старыми петлями, приоткрылась дубовая дверь.

В комнату принцессы скользнула непонятная фигура — высокая, узкая тень, силуэт человека в длинном, до пола, плаще с капюшоном. Длинные рукава, скрывая руки, доставали почти до колен этой странной тени. Казалось, что плащ был наброшен на пустоту, быть может — на шест с перекладиной, на манер чучела в огороде, а не на человеческие плечи.

— Кто это? — словно в пространство обратилась Ясмела. — Уходите. Я устала, хочу спать и не намерена принимать гостей.

Неожиданно в ее голове мелькнула мысль: а что, если это Конан?

Нет, невозможно, заставила признаться себе самой принцесса. Слишком узка в плечах и худощава была неведомая тень. Не мог незнакомец быть и принцем. Амиро был лишь чуть выше матери ростом, а незнакомец возвышался над Ясмелой на целую голову.

Наконец принцесса взяла себя в руки и спросила:

— Вы посланец от Амиро? Или... нет, не может быть — неужели с моим сыном что-то случилось?! Он жив? Ранен? Говорите же, или я вызову охрану! А если это выходка караульных, то вы все понесете суровое наказание.

— Никто не умер, не погиб... — Голос незнакомца был низок и одновременно скрипуч; от скрипа дверных петель его отличала лишь некоторая плавность и текучесть. — ...Я не несу вестей о чьей-либо смерти. Наоборот, я пришел известить тебя о рождении...

— Что вы мелете?

Испуганная, Ясмела попятилась к столу, где среди ее расчесок, косметики, благовоний и прочих женских безделушек лежал оставленный

ей с разрешения Амиро длинный, остро отточенный кинжал.

— Вы не из гарнизона башни, — сказала она. — И вы не посланец Амиро. Если вы тотчас же не покинете мою комнату, я закричу!

— Ну что ж, кричи. Кричи! Ибо что еще, кроме женского крика, может так органично аккомпанировал, радости рождения?

Набрав дыхание, незнакомец излил на Ясмела поток красноречия:

— Я говорю о твоем собственном рождении, Благородная Дама. О твоем новом рождении под покровительством и защитой всезнающего и всемогущего бога, который решил восстановить свое правление здесь, на этой земле...

Легкие Ясмели наполнились воздухом, но крик был остановлен в ее груди. Черная тень стремительно скользнула к принцессе, взлетели вверх длинные рукава, из которых показались белые кости, сложившиеся в когтистые лапы, сжавшиеся на горле женщины.

Незнакомец не был человеком. Более того, принцесса вдруг осознала, что он даже не какое-то земное создание. Почувствовав прикосновение костяных лап к своему горлу, Ясмела гораздо больше испугалась не этого, а той угрозы, что нависла над ее душой.

Резко мотнув головой, Ясмела вырвалась из ледяных объятий. Шаг назад — и ее руки нащупали за спиной задвижку ставней. Страшная опасность продолжала грозить ее беззащитной душе.

Еще одно усилие — и ставни распахнулись. Чуть-чуть податься назад — и ночной ветер охладил ее разгоряченный лоб. Еще чуть-чуть назад — и вот костлявые пальцы опять промахнулись. Из груди Ясмели наконец вырвался отчаянный крик. Но в тот же миг ее душа почувствовала себя абсолютно свободной, радостно поющей в пустоте.

А тело... тело принцессы рухнуло на камни у подножия башни, где, изломанное, разбитое, осталось лежать неподвижно.

Глава XIV

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МОГУЩЕСТВО!

— Делвин, запевай! Заводи свою шарманку! — весело проорал Конан.

Король-победитель восседал на походившем на трон кресле, еще недавно предназначенному Первому Магистру Нумалии. Откинувшись на спинку в полурасстегнутых доспехах, в сбившейся набекрень короне — киммериец был здимым воплощением празднующего победу варвара.

Зал городского совета, в котором и проходило празднование, пребывал в полнейшем беспорядке. Перевернутая и сломанная мебель, следы костра, разложенного прямо на мозаичном полу, разбросанные повсюду обедки и посуда — все свидетельствовало о славном, по» настоящему веселом пире в честь взятия города. Тяжелые бронзовые двери зала были выбиты из косяков и лежали на полу. Изрядно расширившийся дверной проем неровной дырой открывался во двор замка, где, судя по живописным следам, празднование продолжалось столь же оживленно.

Солнце садилось, и над стенами замка можно было рассмотреть в вечернем небе поднимающиеся столбы дыма — в городе догорало то, что могло гореть.

Делвин восседал, поджав ноги, в пещероподобной топке незажженного камина. По команде короля карлик тотчас же начал бренчать на своей лютне. Слушатели — около двух дюжин аквилонских и немедийских офицеров, — проявляя живейший интерес к музыке, стали хлопать ладонями в такт мелодии.

От группы пирующих отделился и направился к Конану человек, явно чувствовавший себя не в своей тарелке посреди этого дикарского праздника. Это был не кто иной, как Публио — канцлер Аквилонии, только что прибывший из Тарантии.

— Позволю себе заметить, — попытался урезонить, короля седовласый канцлер, — что сейчас не время предаваться разгулу и веселью. Есть безотлагательные дела государственной важности...

— Публио, Публио, — перебил его размахивающий кубком Конан, — сдается мне, что, убегая от ваших вездесущих умных советов, я быстрее завоюю мир, чем прислушиваясь к ним.

Взрыв хохота встретил королевскую шутку, а сам Конан добавил:

— Нет, почтенный канцлер, сейчас я требую песню! И я ее получу! Эй,

шут!

Не прекращавшееся все это время бренчание лютни Делвина дополнилось голосом карлика. Незнакомая, торжественно-маршевая мелодия заставила присутствующих обратиться в слух.

Кипящая кровь и душа киммерийца;
И пятна крови на полях и равнинах.
Рожденный для битвы врагов не боится,
Нет края таинственным землям, равнинам...

Вслед за первым куплетом умелые пальцы Делвина выдали несколько зажигательных аккордов. Казалось, Амлуния, сидевшая на полу у ног киммерийца, только этого и ждала. Легко выскочив на середину зала, она, подчиняясь музыке, начала танцевать.

Выхватив из ножен саблю и кинжал, Амлуния отбросила тяжелую портупею, следом полетел подбитый мехом плащ. Исполненный с двумя клинками танец, изображающий поединок, привел присутствующих в восторг.

Неожиданно, услышав чуть заметное изменение мелодии, Амлуния упала на колени и замерла. В наступившей тишине вновь зазвучал голос карлика:

Пусть сталь подтвердит славу предков великих,
Пусть к небу взметнутся воителей стяги.
Падут в битве орды кочевников диких,
Империи молча склонят свои флаги.

Финальные слова были встречены бурной овацией. Сам король, плеснув через плечо остатки эля, с грохотом поставил кружку на стол и крикнул:

— Отлично спето, малыш! И отлично станцовано, мальшка!

Амлуния подмигнула Делвину, и тот продолжил играть. Сама же рыжеволосая девушка, грациозно покачиваясь и соблазнительно изгибаясь, направилась к Публио. Старик, явно не жаждавший поучаствовать в разгульном танце, стал, неловко отмахиваясь, отступать к стене, чем вызвал бурю хохота у присутствую-

Неожиданно лихой немедийский офицер из свиты Халька выскочил на

середину зала и, зажав между ног короткий меч, стал, потрясая этим символом фаллоса, мелкими прыжками приближаться к Амлунии. Веселью пирующих, казалось, не будет предела, но настоящую бурю восторга вызвала у всех очередная выходка Амлунии. Девушка, воспользовавшись скованностью движений своего непрошеноного партнера, быстро увернулась от торчащего между его ног клинка, а в следующим миг чувствительно уколола немедийца кинжалом чуть ниже спины. Офицер охнул, поднял с пола упавшим меч и, чуть прихрамывая и держась за пострадавшей место, направился к своему столу под бурные овации гостей.

Хохотавший чуть ли не громче всех остальных Конан наконец прокричал:

— Все! Хватит музыки и танцев, а то у меня не останется ни одного боеспособного офицера. Амлуния, маленькая потаскушка! Иди-ка сюда, поближе ко мне. Эй, слуги! Зажечь факелы! И не экономить — все запасы города все равно принадлежат победителям.

Пока уцелевшая в бою прислуга дворца, суетясь, устанавливала в держателях просмоленные факелы, Публио воспользовался паузой в веселье, чтобы вновь обратиться к Конану, «пока его величество не сконцентрировал все свое внимание на скорейшем достижении дна очередного кубка», — пояснил канцлер.

— Есть вопросы, решение которых едва ли терпит отлагательства, — негромко сказал он. — В первую очередь — положение в только что завоеванных городах. Проезжая по улицам Нумалии, я увидел, что дома разрушены или сожжены, собственность жителей разворована, солдаты избивают горожан, насилуют женщин... Дело даже не в морали, ваше величество, но ведь город и его жители — это ваши новые владения и ваши новые подданные. Не стоило бы так преступно-небрежно относиться к своей собственности...

— Рога Эрлика! — воскликнул Конан. — А что ты, старик, ожидал увидеть в покоренном городе, взятом и тому же после жестокого штурма? Если уж на то пошло, то по дороге ты не встретил процессий закованных и цепи рабов, а в городе не наткнулся на груды срубленных голов на рыночной площади. Так что упрекнуть меня в неверном отношении к захваченному городу могла бы только поистине кровожадная Амлуния. А если спросить кого-нибудь, кто порассудительнее, например — Делвина, то я думаю, он вполне одобрит мой подход к делу.

— Увы, Ваше Величество в последнее время огорчает меня своим безукоризненным правлением, — отозвался карлик. — Мне, как шуту, которому почти нечего высмеивать, становится даже как-то не по себе...

— Слова, достойные записного дурака, — буркнул Публио, — но я, как государственный канцлер, должен говорить серьезно и по существу. Повелитель, я уверен, что хаос в этом городе — не что иное, как отражение беспорядка во всем вашем королевстве, в государственных делах. И хотя граф Просперо изо всех сил пытается наладить нормальную политическую жизнь в столице новой провинции — Бельверусе, а придворные в Тарантии, возглавляемые Ее Величеством, стремятся к укреплению позиций нашей страны на дипломатическом поприще, — здесь, в Нумалии, происходит...

— Хватит! — резко оборвал канцлера Конан. — В некоторых делах, Публио, я обойдусь без ваших советов. Я не седой стариакашка, чтобы по сто раз примеривать и оглядываться перед каждым следующим шагом. И я не скряга, который ради своей казны лишит солдата радостей победителя. Кроме того, аквилонцам приказано обходиться с побежденными достойно: так, как поступал бы в таких случаях я. И если где-то в городе и были злоупотребления силой, то спишите их на личные счеты людей барона Халька к жителям южных немедийских городов.

Сам Хальк никак не прокомментировал это замечание, слишком поглощенный содержимым очередной кружки

Публио же терпеливо, но настойчиво продолжал говорить с королем:

— И все же, Ваше Величество, следует остановить грабежи и насилие. Иначе мы рискуем получить в лице немедийцев не полноценных союзников, а не заслуживающих доверия, затаивших злобу и обиду вассалов.

— Союзников?! — презрительно переспросил Конан. — Какие у нас могут быть достойные союзники, Публио? Эти предатели и марионетки типа Лионарда и Халька? Нет,уважаемый канцлер, у великой империи нет достойных союзников. Посудите сами: хоть один из хайборийских правителей предложил мне свою помощь в борьбе против прославившегося своим бесчестием Амиро Кофийского? Нет, наоборот — Зингара готова перemetнуться под его знамена, Аргос не мычал — не телился, пока его самого не ужалила кофийская змея. Даже коринфийские бароны отказываются предоставить мне право беспрепятственно пройти через их земли, чтобы ударить по Кофу с севера. Они заявили, что, забыв все междоусобицы, готовы объединить все герцогства и княжества Коринфии, чтобы противостоять моим войскам.

Нетерпеливым движением руки Конан отодвинул, почти отшвырнул протянутую ему Амлунией кружку с элем, расплескав по полу и кожаной куртке куртизанки большую часть напитка.

— Видите, Публио, — продолжал киммериец, — короли и правители Хайбории — просто кучка трусов и предателей. Ничего, придет день — и они на коленях присягнут мне на верность, провозгласив меня своим повелителем.

— Разумеется, так оно и будет, если вы того пожелаете, Ваше Величество. — Опытный придворный, Публио знал, как вести разговор с монархом. — И все же, пока это не произошло, не лучше ли будет заручиться их дружбой? Простите меня, господин, но едва ли шут, горланящий про мировое господство, привлечет на сторону Аквилонии новых друзей.

— Чушь все это, — отмахнулся король. — Я вам не хитрая лиса — дипломат, чтобы скрывать свои истинный намерения. — Погладив свернувшуюся у него на коленях, словно большая стигийская кошка, Амлунию, Конан добавил: — Когда я рвусь к цели, ничто — ни человек, ни боги — не смогут остановить меня!

— Неужели вы полагаете возможным атаковать всея соседей открыто и сразу, не пересорив их предварительно между собой?

Это предположение показалось Публио настолько диким, что он даже забыл добавить к своим словам вежливую форму обращения к королю. Впрочем, киммериец не обратил внимания на столь мелкое нарушение этикета. Его куда больше занимало другое:

— Когда я решусь на великий поход, королевства будут снопами ложиться под моим мечом, как пшеница под острым серпом! Подумай сам, старик: ради чего судьба и боги провели меня через столько трудностей и опасностей, возвысив безродного варвара до королевского трона? Они явно выбрали меня для чего-то особого. В скольких сражениях, поединках и драках я участвовал и — и до сих пор отделялся лишь царапинами. Кром, а затем и Митра хранили меня и собираются хранить в будущем, гарантируя мне удачу и победы! Впрочем, тут я могу согласиться с Делвином: во мне самом уже есть, наверное, нечто божественное. Скольких жрецов, божков и демонов я самолично сразил в бою — не перечесть! Не может быть, чтобы часть их сверхъестественной сущности не перешла ко мне. — Помолчав и подумав, Конан подвел итог: — Пока никто не смог одолеть меня в бою, доказав ограниченность моей силы, почему я должен отказываться от признания своей божественной сущности? Кто сказал, что нужно умереть, чтобы оказаться причисленным к сонму богов?!

От камина донесся голос обращающегося к канцлеру Делвина:

— Эй, ты, старикашка, не забывай, с кем имеешь дело. Где это видано,

чтобы могучий лев прислушивался к советам пусть даже самой умной крысы. Великие люди творят великие дела и — великие преступления. И их не карают, а превозносят за то, что они смеют нарушать и переделывать законы, писанные для простых смертных!

В тоне шута не было и намека на иронию. Наоборот, с каждой фразой он становился все более сильным и иным; все новые и новые образы слетали с языка лысого человечка:

— Единственная обязанность короля — осуществлять власть, пользоваться ею. Ибо без употребления власть съеживается, ссыхается и становится ломкой и непрочной, как старый пергамент. Задача короля — найти новые силы, новую власть и приложить ее к своим подданным. А если этому могуществу окажется мало своего королевства — что ж, самое время охватить им другие страны. Нет предела росту могущества. Властитель должен стремиться стать божеством!..

— Слушай, слушай, — кивнул Конан Публио. — Не забывай, устами шута говорит истина.

Старый канцлер выглядел совершенно растерянным и не нашел что ответить королю.

Пир продолжился, празднество отвлекло внимание гостей от серьезных разговоров. Подали очередное блюдо, и слуги, засуетившись у королевского стола, оттеснили Публио от монарха. Сев по соседству с Хальком, канцлер попытался по привычке завести с ним дипломатическую беседу, но, встретив лишь пьяные выкрики и глупые шутки в свой адрес, замолчал и сидел на своем месте, даже не притрагиваясь к еде. Пир шел своим чередом; на небе, кусочек которого был виден через изуродованный при штурме дверной проем, появились первые звезды.

Еще трижды совершилась перемена блюд, и тут в зал в сопровождении двух Черных Драконов вошел покрытый дорожной пылью гонец. С трудом передвигая ноги после долгой скачки, он все же приблизился к королю и обратился к нему:

— Ваше Величество, у меня для вас сообщение из Хорайи, переданное по цепочке через Офир и Бельверус. Мне его приказал передать вам граф Просперо.

— Отлично, — кивнул Конан и подозвал одного из слуг: — Налей-ка парню эля, чтобы он смог промочить пересохшее горло... Ну, так что за новости ты мне принес?

— До вас до сих пор не доходили новости из Хорайи? — удивленно переспросил гонец, принимая у слуги кружку с пенистым напитком, но явно не решаясь пить.

— Нет, конечно. Откуда мне знать, что там творится, если ты молчишь? — Конан в нетерпении наклонился над столом: — Ну давай, гончий пес, выкладывай же скорее!

— Ваше Величество... Поступили сведения... стало известно, что принцесса Хорайи... госпожа Ясмела мертва.

Воцарилось гробовое молчание. На лице Конана отразилась целая буря чувств и эмоций. Все присутствующие, включая Амлунию, затаившуюся на коленях короля, словно отсчитывали, насколько какая-то давно забытая любовница могла иметь власть над, казалось бы, несгибаемым мужчиной. Видя, что такое положение правителю ни к чему, канцлер Публио поспешил отвлечь общее внимание, приступив к более подробным расспросам гонца:

— Ее Высочество принцесса Ясмела мертва? Скажи мне, была ли ее смерть насильственной?

Гонец пожал плечами:

— Точно не известно. Говорят, что она выбросилась па окна башни, куда ее перевели из Тарнхолда.

— Вряд ли нам суждено когда-то узнать правду, — вздохнул канцлер. — Каково же мнение графа Троцero по поводу дальнейшего развития политической ситуации н Кофе и Хорайе?

— Он полагает, что власть принца Амиро как в Хорайе, так и в самом Кофе укрепится, — отрапортовал посланник, почувствовав, что, скорее всего, горькая чаша гонца, принесшего дурную весть, его миновала.

— Выбросилась из окна?.. — негромко пробормотал Конан. — Ну-ну... Я думаю, Амиро это будет стоить дорого.

— Ваше Величество видит в этой смерти злой умысел? — спросил канцлер.

— Я слишком хорошо знаю Ясмелу. Эта женщина не из тех, кто может пойти на самоубийство из отчаяния. Нет, это Амиро приказал убить ее. Убить собственную мать! Видите, Публио, — это еще одно подтверждение тому, что нравы хайборийских правителей больше всего напоминают мораль змеиного гнезда. Но ничего, придет час расплаты и для кофийского мерзавца!

Конан вскочил с кресла, чуть придержав одной рукой падающую к его ногам Амлунию. Все рыцари, участвовавшие в праздничном пиршестве, тоже встали из-за столов и громким криком приветствовали клятву своего короля.

— Я отомщу Амиро! Клянусь Кромом и Митрой, Кубалом и Сетом; клянусь всеми богами Хайбории! Клянусь!

* * *

Следующий день был ознаменован новыми разговорами о войне, подготовкой к войне и известиями о войне. Последние отряды сторонников погибшего короля Балта отступили к восточным границам страны, где, по слухам, воссоединились с нанятыми на последние деньги иностранными наемниками в отчаянной попытке прервать триумфальное шествие Конана по Немедии. В самой Нумалии бароном Хальком был назначен военный комендант, а городские склады окончательно вычистили интенданты аквилонской армии.

Слух о непобедимом аквилонском короле обошел всю Немедию. Недовольные вторжением бароны распространяли среди крестьян и горожан самые страшные сведения, представляя киммерийца чудовищем, чуть ли не пожирающим живьем немедийских младенцев. В ответ, вместо того чтобы готовиться к восстанию, крестьяне побросали свои обычные дела и стали рыть в лесах землянки, закапывать в ямы зерно, прятать в далеких оврагах скот, чтобы, уйдя из придорожных деревень, спрятаться с семьями от наступающих аквилонцев.

Через несколько дней Конан сумел искусственным маневром завлечь противника в ловушку. Непокорные немедийские бароны, полагающие, что преследуют небольшой отряд сторонников Халька, оказались вдруг в кольце вышедших из лесов аквилонских легионов. Исход сражения был предопределен. С организованным сопротивлением немедийцев было покончено.

Долгие годы после этого сражения его уцелевшие участники рассказывали, как легенду, о сверкающей бронзой колеснице, пронесшейся по полю боя. Шестеркой колей правил привязанный к спине коренного жеребца гном в латунных доспехах, а на платформе застыли в страстном объятии Конан с Амлунией. Словно сошедшее на землю божество, киммериец прижал к своим губам губы своей рыжеволосой смертной возлюбленной, даже не обращая внимания на свистящие стрелы и грохот боя. Ликующие крики союзников и полные ужаса взгласы противников провожали несущуюся на полной скорости колесницу могучего правителя Аквилонской империи.

Глава XV

ЧЕРНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Амиро, Верховный Правитель Хорайи и Сиятельный Принц Кофа, пробудился от беспокойного сна в чужой, враждебной темноте.

По крайней мере, Амиро показалось, что он проснулся. Придя в себя, принц обнаружил, что стоит на свежем воздухе, одетый в черную рубаху и брюки (этот шелковый костюм обычно заменял ему ночное белье, чтобы затруднить действия возможных наемных убийц). Иа его ногах были те самые мягкие сапоги, которые вечером он поставил у своей кровати. Но кинжала, всегда лежавшего под подушкой принца, при нем не оказалось.

Тьма, окружавшая Амиро, была не совсем кромешной. В просвете между тучами показался лунный полумесяц, освещивший окрестности. Оказалось, что принц стоит посреди мощенной каменными плитами площади, на которой возвышаются внушительные колонны и своды галерей. Это место было абсолютно незнакомо принцу.

Амиро осторожно сделал шаг и убедился, что в мире снов полированный камень остается твердым и прочным, как ему и положено. Черное небо и рассыпанные по нему звезды почему-то вызывали у принца какое-то неясное беспокойство. Словно отвлекая его от этого, вокруг него широким кругом вспыхнули между колоннами невысокие металлические жаровни-светильники. При этом ни единой человеческой тени не промелькнуло под сводами галереи. На каменной площади не было никого, кроме Самого принца.

Второе кольцо языков пламени пролегло вокруг центра площади, осветив находящийся там фонтан или бассейн, заполненный какой-то черной маслянистой жидкостью. Амиро заставил себя сделать шаг по направлению к пылающему бортику бассейна, но застыл на месте, услышав доносящийся из-под поверхности жидкости громкий, явно не человеческий голос с каким-то булькающим акцентом:

— Добро пожаловать, принц Амиро, повелитель великого Кофа, стремящийся к еще большему могуществу. Мне приятно и лестно почувствовать поступь столь благородных ног по камням моего древнего храма.

— Кто ты такой, — с вызовом в голосе ответил Амиро, — чтобы уносить меня сюда без моего ведома, разрушать во внеурочный час мои

спокойные, привычные сновидения?

— Не смести меня, принц, — пробулькал в ответ тот же голос. — Неужели я прервал спокойный, скотский сон жалкого ничтожества? Никогда не поверю, чтобы жаждущий столь многого в своей жизни человек спал спокойно.

Амиро криво усмехнулся:

— Ты неплохо меня знаешь, призрак! Действительно, мои сны всегда полны боев, схваток, подосланных ко мне убийц, пыток и палачей. Бывают в них и веселые пиры, иupoение победы... Но вот до бестелесных голосов из булькающей жижи я еще не докатывался.

— Что ж, лишь сегодня ты смог настроиться и откликнуться на импульс моего возросшего могущества. Каких-то несколько дней назад я не смог бы даже проникнуть в твои сны, не то что рассчитывать обратить столь сильную личность в свою веру.

— Кто ты? Я повторяю свой вопрос. И что это за странное место? — Ощущая ползущий по спине холодок и инстинктивно опасаясь подойти ближе к бассейну, Амиро все же старался держаться с подобающими ему величием и уверенностью. — Тот ли это мир, в котором я живу? Если это так, то ты обладаешь немалой силой, раз смог так передвинуть все небесные сферы. Я не узнаю ни единого созвездия... Нет! Нет, это не земля, я понял! На нашем небе не может быть двух лун! — Амиро, не сдержавшись, перешел на взволнованно-повышенный тон, показывая пальцем на выплывающий из-за горизонта второй полумесяц.

— Если ты не боишься показаться безумным, говоря о других мирах и передвинутых звездах, — произнес голос из бассейна, — то потрудись согласиться с тем, я объясню тебе это, принц. Просто я предпочитаю вызывать смертных к себе в то далекое время, когда над твоей землей еще всходили каждую ночь две луны. Что же касается меня, — продолжали лопаться черные пузыри, — то мое имя — Ктантос. Я — бог. Некогда я был самым могучим из... нет, единственным богом всей земли. Мое могущество ослабло благодаря тупости, жадности и предательству жрецов, спровоцировавших ненависть людей. Да и сам я слишком мало внимания уделял наш, но очень важным для них страстишкам и желаниям моих смертных почитателей.

— Кто поклонялся тебе — люди?

— Люди... Почти люди, что, впрочем, сейчас уже неважно. За многие тысячелетия ваша раса изменилась куда меньше, чем положение звезд на небе.

Лопающиеся пузыри издали какие-то нечленораздельные звуки, по

поверхности жидкости в бассейне прошли волны, свидетельствующие о каком-то движении в его глубине. Затем бесплотный голос снова заговорил:

— Итак, я решил восстановить свое положение властителя мира. Божественного властителя. А между мной и этим миром должно находиться связующее звено — монарх, наделенный невиданной для других смертных властью. Сейчас я занимаюсь тем, что подыскиваю для себя верных последователей, достойных столь великого замысла. Я проникаю в их мысли, сны, подчас являюсь им в виде призраков. И хотя бога куда меньше, чем смертного, тяготит время, я признаюсь, что провел достаточно веков в этом сосуде, чтобы мне осточертели черные глубины.

— Так ты все время тут и торчишь? — как бы невзначай спросил Амиро.

— Лишь очень редко я покидаю пределы этого бассейна. Некогда он был святилищем моего главного храма, бьющимся, трепещущим сердцем огромной империи. Подчас мне очень не хватает чего-нибудь тепленького, какой-нибудь завалающей души. Эти игрушки мне уже надоели.

Над поверхностью бассейна в воздух взлетели кости, черепа, ржавые клинки, доспехи и щиты. Через секунду все это рухнуло обратно в черную жидкость.

— Из этих вещиц уже давно высосана последняя капля жизни... Не так давно я уже было нашел для себя подходящую душу в отзывчивую, чувствительную. Она уже почти принадлежала мне, но в последний момент отдалась какому-то другому жалкому, но знакомому ей божеству. Весьма печальная история.

— Предупреждаю тебя, Ктанtos, — голос Амиро эхом отразился от поверхности бассейна, — моя душа вовсе не чувствительна и не отзывчива. Не вздумай и пытаться заполучить ее без моего согласия.

— Нет, принц, что ты! Для тебя у меня есть другое предложение. Мне известны твои далеко простирающиеся амбиции, а также то, что ты не стесняешь себя... некоторыми дурацкими ограничениями, которым почему-то следуют многие другие правители, кичащиеся честью и благородством. Да и вообще, судьбы других людей, похоже, мало волнуют тебя.

— Мало волнуют, говоришь? — усмехнулся Амиро. — А с чего бы это меня заботили чужие судьбы? Лично обо мне никто никогда не заботился. Я всего достиг сам, все выгрыз зубами...

— Да, да, принц, именно так! Я теперь еще лучше понимаю тебя. Признаюсь, не хотел бы я получить твою душу в качестве утешительницы.

Ее сила в другом — в независимости, дерзости, готовности к действию.

— Точно! Именно этим я всегда и добивался в жизни.

— Но скажи, не чувствуешь ли ты, что в последнее время с тебя спадают последние пути того, что люди называют моралью, гуманностью и благородством? Чего стоит, например, одно нападение без объявления войны на нейтральный Аргос, чьи земли сейчас опустошаются и выжигаются твоими войсками.

— Да, с годами во мне крепнет вера в правоту моих догадок о бесполезности моральных ценностей, о бесцельности, а значит, и отсутствии ценности человеческой жизни. Эта вера помогает мне добиваться поставленной цели моей, несравненно более ценной, жизни!

— Немало упорства, наверное, требует осуществление этой цели, учитывая силу и ярость твоих противников.

— Сила? Ярость? — На этот раз смех Амиро громко прокатился по площади и стих между колонн. — Нет, это всего лишь их везение и удача. Мой главный противник сейчас — настолько низок по рождению, настолько дик и невежествен, что я не могу вызвать в себе ни капли уважения к нему, как к монарху, правителью большой страны. Он даже не человек в полном смысле этого слова. Так — варвар, ставший боевым символом цивилизованной страны. Он ничего не смыслит ни в дипломатии, ни в стратегии управления страной, ни в искусстве военачальника. Махать мечом самому — вот его удел. А все его победы — это лишь миф, созданный кликой генералов и советников, реально правящих его страной. И все же этот боров, этот идол в короне, шатающийся на глиняных ногах, осмелился встать на моем пути! Это непростительно, особенно в свете моих последних открытий по поводу моего предназначения. Многие уже пожалели, что попытались помешать мне. Теперь я считаю своим долгом покарать этого дикаря-самозванца. И клянусь, я найду ему достойную кару, обеспечу ему долгую и мучительную смерть!

— Весьма завлекательная схватка, — пробулькал Ктантос. — Даже при моем опыте любопытно поглядеть, как сражаются два, что бы ты там ни говорил, пусть и смертных, но весьма необычных в своем могуществе и в своих амбициях властителя. Что интересно — в той войне ты ведешь себя не так, как обычно, покапывая умение выжидать и не рисковать поспешными действиями.

— К чему спешить, когда моя цель — втянуть его в конфликт с другими врагами, которых я ему навяжу, а затем... — Амиро вдруг оборвал свою фразу. — Я никогда не отличался болтливостью и сейчас не

собираюсь раскрывать мои планы кому бы то ни было — даже богу, даже во сне.

— Дело твое, — пробурлила череда пузырей. — Но у меня есть к тебе предложение. Обдумай его. Любому смертному правителю нужен божественный покровитель. Доверься мне, посвяти себя мне как своему богу, и я поведу тебя в бой с твоим заклятым врагом. Докажи мне одни раз свою верность и покажи себя достойным быть правителем мира — и ты не пожалеешь. Уж я сделаю так, чтобы твой триумф был полным и окончательным.

— В то, что это в твоих силах, я готов поверить, — спокойно сказал Амиро.

Принц стоял, скрестив руки на груди, глядя в незнакомое небо с двумя лунами и чужими звездами, и обдумывал предложение Ктантоса. Чуть склонив голову, Амиро добавил:

— И все же твои обещания для меня — пустой звук. Сдается мне, ты и с этим дикарем — Конаном — такие же торги ведешь. Правда, судя по всему, мое видение мира больше совпадает с твоим, чем варварские принципы киммерийца.

Словно не услышав сомнений Амиро, Ктантос продолжил:

— Вопрос в том, готов ли ты признать меня Единственным Истинным Богом? И готов ли ты признать моего Верховного Жреца, каким бы странным он тебе ни показался.

Несколько мгновений поверхность бассейна оставалась гладкой, как зеркало. Затем на ней вновь вздулись пузыри:

— Подумай об этом, принц Амиро. Я не прошу ответа прямо сейчас. Хорошенько подумай.

Двойное кольцо огней вокруг бассейна и площади с колоннами померкло. Воцарилась полная темнота, которую вдруг разорвал нестерпимо яркий свет...

Принц Амиро открыл глаза, которые больно резанули пробивающиеся сквозь парусину шатра лучи яркого аргосского солнца.

Проморгавшись и сев на край походной кровати, Амиро крикнул:

— Эй, стражи!

В тот же миг в дверном проеме встал во весь рост закованный в кольчуту начальник дежурной смены личного караула принца:

— Какие будут приказания, ваше высочество?

— Какого черта меня не разбудили с рассветом?

— Дворецкий не смог разбудить вас. А потом... вы что-то говорили во сне, и мы, не желая подслушивать, покинули шатер.

— Все? Это правильно, — кивнул Амиро и, нагнувшись, чтобы застегнуть пряжки на сапогах, приказал: — Собрать офицеров!

Спустя несколько минут верховный главнокомандующий кофийской армией, откинув полог, вышел из шатра и ступил на расстеленный перед дверью толстый агропурский ковер. Молча обведя взглядом стоявших плотным строем офицеров, он громким голосом обратился к ним:

— Слушайте меня, мои верные вассалы! Сегодня ночью мне было божественное видение!

* * *

Королева Зенобия, супруга величайшего короля мира, женщина, чьему состоянию не было равных на земле, сидела в своих покоях одна и молча глотала слезы.

Огромная комната — спальня королевы, обставлена со вкусом самыми дорогими и редкими вещами и украшениями со всего света, — была ярко освещена десятками свечей. Даже в печали Зенобия могла себе позволить не скрывать красоты своего прекрасного лица.

Не Конаном была обижена прекрасная королева, и не на него она злилась. Ее супруг был мужчиной, понять которого до конца не смогла бы ни одна женщина, не говоря уже о том, чтобы удержать его при себе. Какие-то неведомые силы влекли его по жизни, наделяя его силой и энергией, сопоставимыми но мощи с вулканами зингарского побережья. К этим силам примешивалось какое-то особое, выстраданное Конаном отношение к неписаному кодексу чести, который он чтил свято и романтично, как юноша, впервые взявший в руки оружие и еще не столкнувшийся с грязью мира.

Нет, не на киммерийца были направлены гнев и раздражение королевы. Личной угрозой себе, своему счастью она считала других женщин, которые, по ее мнению, заставляли Конана распылять свои силы, отвлекаясь от главных целей. Этих-то соперниц Зенобия позволяла себе ненавидеть.

Взять хотя бы эту рыжую Амлунию. Этакая романтическая воительница, слепо восхищенная могучим завоевателем. Как бы не так, по всем донесениям шпионов выходило, что эта хитрая потаскуха, готовая предложить, кому надо, свой капитал — жадное до плотских утех тело, прекрасно понимала, что делала. Во всех действиях куртизанки чувствовался дальний прицел, она знала, куда всадить острие кинжала

своей любви.

На миг Зенобия представила, с каким удовольствием вцепилась бы в рыжие волосы Амлунии, выщипала бы голыми руками ее бесстыдные глаза... Но, чтобы реализовать эти мечты, нужно было бы бросить государственные дела, покинуть Тарантию на много дней... А этого королева позволить себе не могла.

Куда более таинственной и потому более опасной представлялась Зенобии другая соперница — Ясмела, о которой сам Конан, как всегда откровенно и бес tactно, рассказал ей. Во власти далекой хорайской правительницы до сих пор оставалась часть сердца киммерийца. Сейчас она решила использовать все свое влияние на Конана, чтобы заставить, вынудить его бросить свою страну, армию, семью — и заняться спасением ее пошатнувшегося или утраченного трона.

Но страшнее всех женщин угрожало независимости и благополучию Конана влияние отвратительного карлика. Подчас его поведение напоминало женскую хитрость, подчас — изворотливость и расчетливость евнуха. Убогий Делвин умел обернуть себе на пользу, свою кажущуюся слабость.

И все же формально карлик был мужчиной, и это позволяло надеяться на то, что министры и военачальники Аквилонии не подпадут под его влияние так же слепо, как подпал Конан. И тогда...

Но могла ли она, мучающаяся, страдающая королева, супруга короля, раскрыть свою душу хоть кому-то? До сих пор она молчала ради спокойствия двора, ради мира в семье, мирясь с безудержным нравом Конана, с постоянным риском, которому он себя подвергал, порой — совершенно бессмысленно, в бесчисленных войнах и сражениях. Но теперь королю грозила опасность совсем иного рода. Сердце королевы, любящей женщины, кричало ей об этом. И все же Зенобия знала, что не может доверять никому в этом полном скрытых интриг и закулисных игр дворце. Оставалось лишь ждать хоть мимолетного возвращения Конана, чтобы попытаться вразумить его, объяснить ему причину беспокойства.

Вздохнув, королева подошла к зеркалу, распустила волосы и стала готовиться ко сну. Вызванная звонком служанка быстро погасила большую часть свечей, оставив лишь несколько огоньков у изголовья широкого ложа под пышным балдахином. Затем Зенобия вновь осталась одна.

Неожиданный стук в дверь, ведущую в дальние покои и дальше — в служебные помещения для караула, не испугал королеву. Ей и раньше доводилось принимать пришедших через черный ход в поздний час посетителей. Вот и сейчас, скорее всего, это один из ее тайных шпионов,

пропущенный капитаном дворцовой стражи, исполняющим ее строгие распоряжения. Набросив на плечи шаль, королева подошла к двери и откинула засов.

В полумраке Зенобия разглядела странную высокую фигуру в болтающемся, словно на вешалке, длинном плаще, с рукавами, волочащимися почти по полу. Тень от низко надвинутого капюшона полностью скрывала лицо незнакомца. И все же что-то в этом силуэте казалось Зенобии знакомым. Не во снах ли она видела эту тень? Но в каких — кошмарных или пророчески мудрых? Помянув про себя имена основных богов Хайбории, она сказала:

— Итак, ты пришел. Зачем? Чтобы дать мне мудрость или утешение, которые помогут мне найти опору и бушующем море этой жизни? — Сделав шаг назад, она открыла дверь пошире: — Ну что ж, если так, незнакомец, тогда входи!

Глава XVI

ГЕРОЙ ИМПЕРИИ

Командующий экспедиционным корпусом, капитан Эгилруд ехал верхом вдоль подножия скальной гряды, Поросшей лесом. Большинство высоких деревьев на этих скалах было сожжено дотла или изуродовано молниями во время многочисленных гроз, бушующих по полгода в этих местах. Найдя удобное место, Эгилруд поднялся в сопровождении двух адъютантов на вершину скалы. Ряд за рядом поросшие зеленью лесов кряжи уходили вдали — к могучим стенам Карпатского хребта.

Один из адъютантов, остановив коня, молча показал рукой куда-то вперед. Проследив направление его жеста, Эгилруд увидел возвышающуюся над одним из проходов между гигантскими скалами каменную башню. Квадратное в плане сооружение выглядело изрядно потрепанным боями или же многими веками гроз, морозов и жары. По верхней площадке башни двигались какие-то тени, сверкнул металл оружия или доспехов.

— Не очень-то серьезная крепость, — заметил Эгилруд. — Но зачем держать гарнизон в отдаленной, полуразрушенной башне? Здесь поблизости й городка-то завалащего нет. Что докладывает разведка? — обратился он к одному из адъютантов.

— Других объектов противника в окрестностях нет. Ни укреплений, ни следов полевого лагеря. Вот только мне кажется, что подобраться незамеченными к башне будет трудно.

— Согласен, — кивнул Эгилруд. — И все же я считаю, что нам стоит ускорить продвижение и если не застать гарнизон врасплох, то по крайней мере не дать ему серьезно подготовиться к обороне. Не думаю, чтобы в этой глухи они ожидали нападения. Мы так долго пробирались по коринфийским горам, расквасив себе столько носов, — не поворачивать же обратно и идти в обход из-за какой-то неизвестно почему охраняемой башни.

Эгилруд впервые совершенно самостоятельно командовал таким большим отрядом и всячески искал повода отличиться. Ведь назначил его на эту должность лично Конан — король великой Аквилонии, а в ближайшем будущем — и Повелитель Мира. Чувствуя, что правитель доверяет ему и в то же время — испытывает, Эгилруд не мог упустить

такую возможность.

Молодой офицер всегда смотрел на киммерийца как на героя. Но с тех пор как Конан на его глазах один вошел в полный врагов зал, закрыв за собой дверь, после той резни, которую он учинил, самолично разделавшись с двумя вражескими королями, заложив тем самым основу новой могучей империи, — после того дня уважение и восхищение, испытываемые Эгилрудом по отношению к Конану, переросли в почти поклонение ему как божеству. Втайне от всех капитан лелеял надежду, что в один прекрасный день король, положив ему на плечо руку ими меч, передаст верному последователю часть своего сверхъестественного могущества.

Эгилруд понимал, что, скорее всего, эти мечты так и останутся мечтами, но и при таком раскладе он не видел повода обходить сегодня башню кружным путем. Как и подобает истинному аквилонскому офицеру, он однажды уже сделал свой выбор в жизни: вместо того чтобы руководить хозяйством в обширных владениях своего отца, он еще почти мальчишкой поступил на службу и один из королевских легионов. С тех пор много раз ему приходилось участвовать в боях при самых разных шансах в его пользу или в пользу противника. Еще одна стычка не могла напугать капитана или заставить его изменить маршрут.

Эгилруд и его адъютанты спустились с гребня к колонне легиона и сменили своих подуставших скакунов на запасных, следовавших в обозе.

День шел своим чередом. От разведки новых донесений не поступало, что, впрочем, пока что не беспокоило офицеров. В полдень, остановившись на привал у лестно ручья, легион отдохнул и пообедал. Полевая кухня быстро, одну за другой, обслужила маршевые роты. На каждом гребне скального кряжа Эгилруд поднимался повыше и посматривал в сторону башни. Становилось ясно, что вот-вот колонна будет замечена часовыми на парапете.

То, что он увидел при очередном подъеме, изрядно нарушало все планы легиона: колонна вражеских войск под знаменами Коринфии и Бритунии шла по такой же узкой тропе наперерез отряду Эгилруда.

Было ясно, что противник не успеет организовать засаду или ловушку. Но в любом случае вражеские солдаты были готовы к бою, легкая коринфийская кавалерия прекрасно действовала на пересеченной местности, и бой не обещал быть легким. Эгилруд постарался распределить силы своего легиона как можно рациональнее, выслав к фиорду у речушки, где пересекались дне дороги, фалангу конных стрелков, бегом подогнав легкую пехоту на склон долины, нависавший над

перекрестком, освободив тяжелым пехотным ротам пространство для маневра и дав им время перестроиться в боевой порядок, Дозорным отрядам, шедшим параллельно легиону по соседним долинам, был передан приказ обходить противника с флангов.

Не прошло и нескольких минут, как на противоположном берегу в устье долины показались передовые шеренги коринфийских отрядов. От строя отделились несколько человек и, воткнув копья в землю, давая понять, что идут на переговоры, направились к броду. Эгилруд кивнул своим адъютантам и еще двум офицерам. Впятером они, в свою очередь, подъехали к краю воды.

Командир коринфийцев обратился к ним, используя в качестве нейтрального языка немедийский диалект:

— Чужеземцы, мы отказываем вам в присутствии на нашей земле. У меня с собой копия указа Правящего Совета, — офицер взмахнул свитком с печатью, — в котором предписано аквилонским и союзным с ними войскам покинуть коринфийскую территорию в течение двух дней под страхом уничтожения.

— Это ты так говоришь, — ответил, также на немедийском диалекте, Эгилруд, стараясь перекрыть голосом журчание стремительно перекатывающейся по камням речушки. — Но ведь никто из моих людей не владеет коринфийской письменностью, так что текст указа может быть предметом спекуляции с твоей стороны.

Это заявление было ложью и, кроме того, явным оскорблением. Эгилруд, прекрасно понимая это, продолжал:

— И все же, позволю себе напомнить, что аквилонцы вторглись на вашу территорию, преследуя мятежников, одинаково опасных как для Немедии, так и для Коринфии. Сейчас мы движемся на юг, чтобы разделаться с ними, а не для того, чтобы развязать войну с вами.

— Не так давно вы прошли через Немедию — и эта страна теперь лежит в руинах. Мы не столь глупы, чтобы не учиться на чужих ошибках. В конце концов, желай мы вам действительно смерти — вы были бы пропущены без проводников в Карпашские горы, чтобы стать жертвами бушующих там бурь и поджидающих добычу вампиров. Но нам приказано лишь не пропускать вас на нашу территорию. Поворачивайте назад! Это приказ.

Эгилруд не шелохнулся.

— Твои приказы нас не касаются, — сообщил он. — И поэтому — убирай-ка лучше своих солдат с дороги моего легиона.

Коринфийский офицер побагровел от гнева: — Я предупреждаю: ты

рискуешь развязать открытую войну между нашими странами. — Помахав еще раз свитком, он добавил: — Этот указ подписан и послом нашего союзника — Бритунии. Бритунийские солдаты входят в мой отряд. Спровоцировав столкновение, ты совершил враждебный акт в отношении обоих государств.

— Чушь! Нам с Бритунией не из-за чего ссориться, — покачал головой Эгилруд. — Но учтите, что мои отряды сейчас продвигаются по нескольким параллельно идущим долинам. Так что, если ваша небольшая колонна вздумает вступить в бой с нами, следи внимательнее за флангами,

Коринфийский офицер отвернулся, чтобы перекинуться несколькими словами со своими спутниками, а Эгилруд резким кивком головы захлопнул забрало своего

шлема. Лязг металла был условным сигналом. Услышав его, аквилонские офицеры одновременно пришпорили коней и, занося над головами мечи и палицы, бросили своих скакунов вперед. Нескольких мгновений хватило им, чтобы пересечь брод. Офицеры противника не пожелали отступать, но для равного боя им недоставало скорости, набранной аквилонцами. Столкновение оказалось не в пользу коринфийцев. Два офицера из их группы были сброшены с коней ударами аквилонских мечей и палиц. В воду полетел и свиток с золоченой печатью, сверкнувшей в воздухе.

На подмогу командирам бросились оба легиона. Ни прошло и нескольких секунд, как воздух наполнился свистом стрел лязгом металла, ржанием лошадей и воинственными криками. Закипел бой...

* * *

В течение часа Эгилруд одержал победу — пусть местного значения, но полную и безоговорочную. Коринфийской колонне не удалось толком развернуться в боевой порядок. Кроме того, ее рассекли на несколько частей ударившие с флангов дозорные отряды аквилонцев. Эгилруд лишь слегка преувеличил, заявив, что его легион идет несколькими колоннами.

Следуя примеру своего кумира, капитан Эгилруд, отдав необходимые распоряжения, лично возглавил несколько лихих кавалерийских налетов на колонну. Этот маневр срабатывал безукоризненно, взламывая оборону противника и позволяя пехоте войти в прорыв. Становилось ясно, что с каждой минутой соотношение потерь обеих сторон становится явно более выгодным для аквилонцев.

Правая рука и плечо Эгилруда ныли от усталости; бока его коня ходили ходуном, но капитан не остановился, чтобы передохнуть, до тех пор пока не загнал и плотные заросли кустарника командира бритунийского отряда, где разделялся с ним несколькими ударами палицы. Вражеский офицер с расколотым под изодранным и ключья шлемом черепом упал со своего коня на землю, и только тогда Эгилруд перевел дух.

Аквилонские войска, добивая противника, вышли к устью долины, где впереди, на фоне Карпашского хребта, возвышалась та самая сторожевая башня, которую капитан заметил с вершины скалы еще утром.

Эгилруд решил развить успех, не давая противнику опомниться. Оставив пехоту разбираться с остатками коринфийской колонны и прочесывать лес в поисках отступающих поодиночке вражеских солдат, он возглавил кавалерийскую когорту, которая направилась к башне. Им попытался преградить дорогу отряд коринфийской кавалерии, шедший в арьергарде колонны. Завязалась яром пая схватка. Но ничто в тот день, казалось, не могло остановить соратника Конана — капитана Эгилруда.

Командир экспедиционного корпуса преследовал отступающих коринфийцев по пятам. У подножия башни, окруженной рвом и стеной, преследующие уже смешались с отступающими и на их плечах ворвались во двор, не дли защитникам времени, чтобы опомниться и, обрекая на верную смерть оставшихся за воротами товарищей, поднять разводной мост. Стражники у ворот были быстро перебиты, сами ворота — широко распахнуты, а начавшаяся было опускаться защитная решетка — вновь поднята.

Спешившись, Эгилруд оставил охрану у ворот и возглавил ворвавшийся в саму башню отряд, вступив в яростную схватку с гарнизоном.

* * *

Итог боя был печален для аквилонцев, потерявших большую часть легиона, но куда более трагичен для наголову разбитых и потерявших крепость коринфийцев. Дюжина оставшихся в живых защитников башни была выстроена во дворе под охраной полусотни аквилонцев, участвовавших в штурме. Остальные отряды легиона продолжали добивать противников в долине.

Эгилруд, стараясь не показывать усталости, прохаживался перед шеренгой пленных.

— Итак, — сказал он, — мне нужен человек, знающий аквилонский или немедийский язык. Кто из вас готов сотрудничать со мной?

Большинство коринфийцев продолжали невозмутимо смотреть перед собой, не понимая вопроса или делая вид, что не понимают. Лишь один из них — судя по одежде, крестьянин — не выдержал и испуганно поглядел на вражеского капитана. Эгилруд это заметил и одним сильным движением выволок коринфийца на середину двора, где тот упал на четвереньки, закрыв голову руками.

— Сколько коринфийских солдат находится в этом районе? Отвечай! — сорвался на крик капитан. — Каковы ваши задачи? Что вам приказано? — Не получив ответа, он пнул пленного сапогом в бок и зарычал: — Какого черта охраняется эта башня, стоящая в стороне от всего, что можно себе представить?!

— Господин офицер! — взмолился пленный на ломаном немедийском. — Я ведь всего лишь пастух, я пришел сюда, чтобы продать несколько овец солдатам. Начался бой, и мне сказали сидеть в башне. Я ничего не понимаю в войнах великих королевств. Отпустите меня, прошу вас, господин офицер!

Эгилруд зло посмотрел на него. Скачала капитану вспомнились такие же крестьяне в деревнях, принадлежащих его отцу, но затем чувство долга и ответственность перед короной затмили все остальные чувства.

— Ах так, значит, ты отказываешься сотрудничать с нами, — прищурившись, сказал капитан. — Учи: эти люди — солдаты, и присяга не позволяет им выдать нужную мне информацию. Но ты... ты же ничто, пустое место, жалкий крестьянин. Не станет тебя — никто и не хватится! А что такое честь — тебе ведь и неведомо. Отвечай! Клянусь Эрликом, я вытяну из тебя все, что мне нужно, пусть даже мне придется медленно резать тебя на куски, чтобы добиться этого! — Эгилруд ткнул пальцем в строй аквилонцев: — Вы двое — отвести этого в башню. Остальных пленных — в погреб, на замок, и приставить охрану. Организовать караул у ворот, на стенах и на смотровой площадке. Выслать дозорных — пусть собирают наших и ведут сюда.

Последние команды капитан отдавал уже под первыми каплями неожиданно начавшегося дождя.

* * *

К вечеру дождь так и не прекратился. Сверкали молнии, гремел гром.

Тело скончавшегося под пытками коринфийского пастуха было сброшено со стены в ров. Командующий экспедиционным легионом ходил из угла в угол по смотровой площадке башни, прикрытой деревянным навесом. Помимо него на площадке находились часовой и единственный оставшийся в живых адъютант командующего.

— Итак, существует западный перевал, по которому можно перейти хребет. — Эгилруд словно подытоживал вслух свои размышления. — Им никто не пользуется, а башня была построена когда-то давно, чтобы противостоять вторжению из-за гор.

— Так точно, господин капитан, — отозвался адъютант. — Пастух довольно подробно описал маршрут, но предпочел смерть здесь перспективе провести нас по нему. Похоже, он действительно как черт ладана боялся этого места. По сравнению с тем, чего он так страшился, мы ему казались просто ангелами. До последнего вздоха он отговаривал нас от попытки пройти по перевалу. Да, крепки у крестьян суеверия!

— Суеверия? — коротко усмехнулся Эгилруд. — С такой погодой и суеверий не понадобится. И все же, обнаружение перевала — весьма приятная новость. Думаю, король порадуется и не забудет воздать нам должное.

Глаза капитана обшаривали едва различимые в полумраке горы. Бесполезно, далее при ярких вспышках молнии угадать, где проходила дорога на перевал, было невозможно. Вновь повернувшись к адъютанту, Эгилруд опросил:

— А что пастух сказал по поводу численности войск противника в окрестностях?

Он клялся, что нам на дороге встретился полновесный легион — около двух тысяч бойцов плюс бритунийские вспомогательные отряды. Они были посланы, чтобы выйти во фланг любым аквилонским частям, продвигающимся на юг.

— А мы, значит, опередили их и застали врасплох... как, впрочем, и они нас. Полагаю, что теперь соотношение сил будет явно в нашу пользу. Собрать бы только все наши когорты. А противник, оставшись почти без кавалерии, без командиров, вряд ли сможет серьезно противостоять нам.

— Собрать наших, я думаю, удастся быстро. Даже отставшие от подразделений солдаты сообразят выйти по долине к ее устью. А там уже до башни рукой подать.

— Да, только попробуй разгляди ее в грозу. К тому же даже рассеянный по лесу противник может воспрепятствовать подходу отдельных групп наших солдат и башне. — Эгилруд поежился и поплотнее

запахнул плащ. — А самое главное — те речушки, которые мы пересекли галопом, преследуя коринфийцев, сейчас превратились в бурные потоки. Прошло несколько часов с тех пор, как с отставшими когортами была потеряна связь. Если погода не изменится, нам придется долго гать, пока легион соберется вновь.

Адъютант не нашел, что возразить на столь убедительный аргумент.

— Ладно, — сказал Эгилруд. — Здесь, за стенами, нам не следует бояться привлечь к себе внимание отрядов противника. Важнее дать сигнал нашим. Зажигайте сигнальный костер. Поставьте рядом с огнем мой щит и поворачивайте его время от времени в разные стороны. Наши должны узнать его и понять, куда следует пробираться. Я пойду спать, вы тоже найдите себе сменщика из офицеров и после полуночи ложитесь отдыхать. Передайте дежурному, чтобы он разбудил меня на рассвете.

Весь день дождь шел, не переставая, и прекратился лишь следующей ночью. С рассветом в разрывах туч показались вершины хребта, укрытые свежевыпавшим — не по сезону — снегом. Лес на склонах был укутый живописным слоистым туманом.

Впрочем, немногочисленному гарнизону башни было не до восхищения красотами природы. С рассветом неподалеку от башни обнаружился неприятельский батальон, изготовившийся к штурму. Аквилонцы не рискнули отражать атаку в кавалерийском строю и, не опуская мост, ограничились стрельбой из крепостных арбалетов и метанием камней из пращи.

Первый штурм был отбит, но к полудню коринфийцы взялись за дело серьезно. Соорудив временный мост и передвижное укрытие для рамы с подвесным тараном, они подогнали это сооружение к воротам. Не прошло и часа, как дубовые, обитые железом створки не выдержали и рухнули вместе со старой, проржавевшей решеткой. В образовавшуюся брешь хлынула толпа закованных в броню тяжелых коринфийских пехотинцев.

Аквилонские отряды, оставшиеся в долине, не смогли переправиться через вздувшиеся реки, чтобы помочь оказавшимся в западне товарищам.

* * *

Король Конан и граф Просперо, двигая основные силы аквилонской армии вглубь Коринфии, не встретили организованного сопротивления. Видимо, Эгилруду удалось отвлечь на себя и связать большую часть сил противника.

Очень порадовало короля сообщение добравшегося до его лагеря курьера из штаба экспедиционного легиона. Придя в себя после долгой и изматывающей дороги, курьер рассказал подробно об открытом перевале через Карпашский хребет. Набросав на карте приблизительные координаты перевала, гонец сообщил, что, скорее всего, проход не охраняется ни с юга, ни с севера, так как пользуется дурной славой из-за каких-то местных суеверий. Разумеется, передал курьер мнение Эгилруда, никакая нечистая сила не страшна вооруженной, готовой к длительной кампании армии Аквилонии и ее союзников.

Продвигаясь вперед, легионы Конана вышли к сторожевой башне, которая, по донесению курьера, и была крайней точкой, куда проник Эгилруд. Если молодой капитан не ушел из башни дальше в горы, то найти его в укреплении живым шансов было мало — слишком уж разоренным и покинутым выглядело выдержавшее подряд два жестоких штурма укрепление.

Конан и Просперо вместе с ротой солдат вошли через выломанные ворота во двор. Еще на подходе к крепости им в нос ударил запах тления. Двор, конюшня, бревенчатая казарма — все было залито кровью и завалено неубранными трупами аквилонских и коринфийских солдат и разномастных лошадей.

Перешагивая через мертвые тела, ступая по камням, залитым кровью, Конан и Просперо поднялись на смотровую площадку башни, где наткнулась на обезглавленный труп Эгилруда, лежавший в дальнем от люка углу. Голова капитана, вернее, то, что от нее осталось, было обнаружено среди углей и пепла прогоревшего на площади костра.

Конан, оглядев с башни извивающуюся длинной змеей колонну своей армии, вздохнул:

— Не лучшая смерть для храброго воина. Похоже, голову ему отрубили, взяв в плен живым.

— Да, Эгилруд был храбр, настойчив, но и изрядно самонадеян, — отозвался Просперо. — Как знать, не втянул ли он нас своими действиями в открытую войну с Коринфиеи и с Бритунией.

— Надеюсь, что нет, — заметил Конан. — Сейчас не время распылять силы на войну здесь, в Коринфии. Остается довериться Публио, которого я послал на встречу с их эмиссарами. Старый лис наверняка сумеет как-то обойти самые острые углы.

— Да уж, слава этого дипломата летит впереди него, — согласился Просперо. — Ну, а нам — война не война — остается только одно: идти вперед, на юг. Нужно разделаться с кофийцами.

— И лично с Амиро! — в сердцах воскликнул Конан, а затем добавил:
— Поблагодарим еще раз Эгилруда за найденный для нас маршрут.

— Если бы он еще сумел это сделать, не нажив себе и нам врагов, —
вновь вздохнул Просперо, — тогда этому герою и вправду цепы бы не
было.

— Не надо упрекать погибшего воина, Просперо, — возразил Конан.
Уже направляясь к люку, ведущему внутрь башни, он добавил:
— Надо будет в торжественной обстановке провозгласить его Героем
Империи.

Глава XVII

ДРЕВНИЙ ХРАМ

Переход через Карпашские горы Конан воспринимал как каникулы, отдох от тоскливых внутригосударственных дел, дипломатических переговоров, судебных разбирательств... Столица империи оставалась в его отсутствие в надежных руках — Зенобия и Публио знали толк в управлении страной. В Офире все было более-менее стабильно. Барон Хальк готов был защищать свою немедийскую вотчину от кого угодно, лишь бы сохранить титул правителя. Даже нападения коринфийских отрядов на аквилонские дозоры прекратились. Противник понимал, что было бы глупо задерживать и рисковать обернуть прогни себя такую мощную армию, явно нацелившуюся уходить с его территории. Таким образом, Конан мог сосредоточиться на обдумывании планов решительного удара в сердце Кофа, в сердце его правителя, личного врага киммерийца — принца Амиро.

Это, впрочем, не означало для Конана спокойного и беззаботного времяпрепровождения. Киммериец проводил дни, возглавляя расчистку изрядно заросшей дороги для колонны. В этом деле ему очень пригодился опыт, приобретенный на границе с пиктами. Частенько, берясь за топор сам, он на равных соперничал с самыми поднаторевшими в расчистке завалов сержантами саперной роты.

Часть своего времени киммериец посвящал общению с неразлучной парочкой — Делвином и Амлунией, часть — разговорам со сторонившимся их Просперо и другими офицерами. По несколько раз в день король лично объезжал всю колонну, проверяя состояние обоза, готовность караулов, наблюдая за настроением солдат.

Вся эта рутина оставляла голову Конана свободной для раздумий. Он частенько вспоминал свою верную Зенобию и любимого Конна — наследного принца, упрекая себя за то, что их любовь, спокойная, размеренная жизнь главы королевского семейства не могла удовлетворить его. Он, всесильный правитель, мужественный воин, был рабом собственных варварских привычек и инстинктов, душивших его в спокойной, размеренной жизни во дворцах.

Впрочем, и эту жизнь спокойной назвать можно было лишь условно. Вокруг короля постоянно толпились жадные до власти люди, то и дело

подвергающие его силу, ум и волю суровым испытаниям. На каждого коронованного льва всегда находился лихой волк вроде Амиро или стая шакалов, готовых в момент его слабости вцепиться ему в глотку.

Видит Кром — тяжело захватить трон, но еще труднее удержаться на нем. А он, Конан, задумал не только сохранить свою власть над могучей, процветающей Аквилонией, но и расширить ее, распространив на огромную империю, а затем — и на весь мир.

До сих пор боги хранили его, вели по жизни и не противились любым его желаниям. Порой киммериец физически ощущал в себе прилив особой, нечеловеческой силы... что, в сочетании с лестными речами Делвина и Амлунии, натолкнуло его на мысль, что он и вправду не просто человек, а существо, стоящее на пути к божественности. Правда, подчас эту сверхъестественную силу трудно было назвать божественной — фонтан черной, необузданной, идущей словно из-под земли энергии скорее соотносился с мрачным царством Эрлика.

Делвин не упускал возможности поговорить с Конаном на философские темы. Так, в один из дней, когда Конан спешился, чтобы поправить ослабшую подпругу своего скакуна, карлик подъехал к нему поближе и, глядя в пространство, сказал:

— Эй, Конан Отрыватель Голов, послушай-ка меня. В истории уже бывало, что смертный становился богом. Но ни один человек еще не правил всем миром. Не кажется ли тебе, что достижение второго будет автоматически включать в себя первое из вышеперечисленного?

Киммериец усмехнулся:

— Выходит, что так. Хитрый он, однако, парень, этот гномик, — правда, Амлуния? — обратился он к подъехавшей поближе любовнице. — Похож я на бога, а, девочка? И нужно ли мне захватывать весь мир, чтобы доказать это?

— Повелитель, да когда мы оказываемся на ложе вдвоем, я ведь не зря перебираю имена всех знакомых мне богов, не в силах понять, кто из них овладевает мною! Я прошу только об одном: не становись дряхлым, мудрым, но слабосильным божком. Мне куда больше по вкусу джинны, инкубы или огненные демоны!

— Верно подмечено, — задумчиво сказал Конан. — Грань между богами и демонами почти незаметна и легко преодолима.

— Эй, Конан Сокрушитель Ребер, послушай меня еще! — вновь вступил в разговор карлик. — Угадай, что ты обнаружишь, войдя в мир богов? Да все то же самое — ту же маленькую деревушку, только населенную не королями, а божествами. Понял, куда я клоню? Найдется и

в этой деревне возмутитель спокойствия, который вознамерится стать во главе остальных, опираясь на свою силу и дерзость...

Так и шли их разговоры, перескакивая с шутливого богохульства на серьезные философствования. Делвин мыслил глубоко и образно, и Конан порой начинал удивляться, как ему раньше удавалось обойтись без советов карлика. Да и Амлуния, несмотря на все ее бурное прошлое, казалось, накрепко прикипела всем сердцем к киммерийцу. В общем, у короля давно не было таких приятных попутчиков в дальнем походе.

С Просперо Конан предпочитал не обсуждать свои самые сокровенные замыслы. Граф олицетворял для него прошлую жизнь — дворцы, замки, захват аквилонского трона, а также верную дружбу надежных соратников, благородных подданных. С трудом скрываемая неприязнь графа к новым фаворитам короля не радовала Конана, но пока дело не дошло до открытого противостояния, обмена взаимными упреками между его приближенными, он, как и Просперо, делал вид, что все в порядке.

День за днем армия Конана забиралась все выше в горы. Поход превратился в бесконечную череду подъемов и спусков, разбитых в ущельях лагерей и дневных переходов. Дорога становилась все труднее. Подчас целый день уходил на то, чтобы при помощи веревок поднять или спустить с высокого уступа лошадей, мулов и всю поклажу обоза. Временами проходимая тропа становилась настолько узкой, что существенно замедляла продвижение непроизвольно вытянувшейся колонны. Иногда Конану даже приходилось отдавать приказ о ночевке в двух лагерях, при этом сам он, следя теоретической вероятности столкнуться с противником, скорее всего, впереди по курсу, оставался ночевать в передовом по ходу движения отряде.

Прошло еще несколько дней — и ландшафт вокруг колонны изменился. Обрывистые склоны уступили место каменистому, загроможденному скалами, но все же вполне проходимому плато. Последний хребет впереди уже не казался уходящим к самому небу. Изменилась и погода: бури и ежедневные грозы, порой уносившие молниями жизни то поднявшегося на скалу разведчика, то нагруженной металлом лошади, казалось, не тревожили плато. На небе вместо сплошной пелены туч появилось солнце, а ночью после восходительного кроваво-золотого заката — луна и яркие звезды.

Как-то вечером, когда командиры, решив, что солдатам нужно передохнуть, остановили колонку на вечерний привал раньше обычного, Конан прилег вздремнуть, но затем встал и надумал предпринять прогулку по окружающей местности в полном одиночестве. Подчас короля утомляли

и навязчивое веселье Дел вина, и пышущие плотской чувственностью разговоры Амлунии, и подчеркнутая, безукоризненная вежливость Просперо и других офицеров. Изловчившись и сумев обмануть личную охрану, киммериец незаметно проскользнул сквозь боевые порядки караула и направился в сторону высокой, но казавшейся вполне годной для подъема умелому скалолазу скальной гряды.

Под ногами короля похрустывали крупинки источенного дождями и тысячелетней сменой холода и жары камня. Порой скучно шелестела сухая трава, примостившаяся в трещинах между камнями. Конан понимал, что если он не вернется до тех пор, пока его исчезновение не обнаружат, то разведчикам и Черным Драконам не удастся найти его следы на этой твердой почве. Оглядывая первозданные скалы вокруг, киммериец гадал, ступала ли здесь до него нога человека — однокого отшельника или охотника — за все тысячелетия существования человеческой расы.

Забравшись на очередную скалу, Конан получил совершенно недвусмысленный ответ на свой вопрос: прямо перед ним, словно выросшее из очередной скальной стены, стояло небольшое, приземистое, квадратное сооружение из камня. Массивные гранитные блоки и плиты были грубо вырублены из монолитов, примитивным образом уложены друг на друга, а затем уже украшены рельефной резьбой — незнакомыми Конану рунами, символами и фигурами.

Полагая, что здание покинуто уже много веков назад, киммериец довольно спокойно подошел к нему поближе. Среди рельефных картин преобладало изображение бородатого старца с благородной осанкой. Конан приписал это сооружение одному из древнейших храмов Митры.

Итак, эта дикая, первозданная каменная пустыня некогда была обитаема. По крайней мере, даже будучи всего лишь караванной дорогой древних народов, она была достаточно посещаема людьми, чтобы те решили возвести здесь храм своему божеству. Конан, опасаясь, что помещение храма могло стать логовом какого-нибудь хищного зверя, вынув кинжал из ножен, осторожно приблизился ко входу и попытался заглянуть в темноту за полуобвалившимся дверным проемом.

— Что, сокровища ищем? Удачное местечко. Хотя, честно говоря, паломники не заглядывали сюда уже много-много лет...

Голос донесся откуда-то из-за спины киммерийца. Действуя почти автоматически, Конан одним прыжком отскочил на несколько шагов в сторону, перекатился через плечо и, вскочив на ноги, замер с кинжалом наизготовку.

Теперь он смог наконец разглядеть столь неожиданно зашедшего ему в

тыл незнакомца. Судя по всему, тот не представлял собой серьезной угрозы — худощавый седобородый старикашка, к тому же слегка прихрамывающей. Быстро перебирая кривыми ногами, старики довольно сносно пробирался по камням, выдерживая, впрочем, вежливо-безопасную дистанцию от изготовленвшегося к схватке киммерийца.

Оценив ситуацию, Конан счел возможным убрать кинжал в ножны — скорее из уверенности в себе, чем из доверия к старику. Тот, одетый в засаленную рубаху и истертую меховую шапку, не был вооружен, если не считать ножа для выделки шкур, висевшего у него на ремне, и длинного тонкого шеста с петлей на конце. Несмотря на возраст и хромоту, загорелый жилистый старики производил впечатление человека, способного выжить в одиночку в этой дикой пустыне.

— А тебе-то что за дело, дедуля? — недовольно откликнулся на вопрос старики Конан. — Чего людей пугаешь? Может быть, ты — жрец или отшельник, обитающий в этом древнем святилище?

— Я? Я — жрец Митры? — Старики чуть ухмыльнулся, обнажив сохранившиеся через один желтые губы. — Нет, незнакомец, никогда я не поклонялся изнеженным южным богам. Я всего лишь бродяга, как и ты сам, охотник, добывающий себе пропитание в этих местах.

Повернувшись, старики продемонстрировал висевшую у него за спиной клетку из медной проволоки. За прутьями, в серой массе сверкнули красными рубинами маленькие глазки.

— Э, да ты не кто иной, как крысолов, стариочек, — заключил Конан. — Видимо, в этих гибких местах крыса — самая что ни на есть королевская добыча?!

Старики с достоинством взразил:

— Не то чтобы королевская, но самая доступная и многочисленная — это точно. Эти маленькие дьяволы невероятно плодовиты. Если никто не будет охотиться на них — они весьма скоро заполонят весь мир.

— Понятно. Значит, пытаешься ты крысами. Так?

— Да. Крысами и другими вредоносными животными да прочими паразитами, — кивнул головой старый охотник. — Все по сезону. Змеелов я тоже умелый.

— Ну да... — сказал Конан, не зная, как продолжить этот странный разговор.

Судя по всему, незнакомец не сообразил, что перед ним король. Сам же Конан не торопился раскрывать себя. Неожиданно вспомнив первые слова старики, киммериец, словно невзначай, спросил:

— А что за сокровища ты имел в виду? Ты сам-то не за ними пришел

сюда?

— Я? А что мне делать с сокровищами? — Искреннее удивление крысолова выглядело вполне правдоподобным. — Сам посуди — зачем они мне? Таскать на себе лишнюю тяжесть только затем, чтобы однажды какой-нибудь молодой и крепкий детина вроде тебя отобрал их у меня, скорее всего — сняв с моего трупа? Нет, мне такого счастья не нужно. И так проживем.

— Понятно, — бесстрастно ответил Конан на скрытое оскорбление и не очень убедительное объяснение. — Но если я тебя хорошо расслышал, ты говорил, что скорее всего сокровища здесь есть. — Он махнул рукой в зияющий дверной проем храма.

— А то как же. Наверняка есть, — совершенно серьезно согласился стариk. — Только идти за ними придется далеко... скорее — глубоко. Да и то ведь известно — чем глубже в пещеру, тем сокровище ценнее.

— Да ведь домишко-то небольшой, — с сомнением заметил Конан. — Куда там лезть-то? Или из него есть вход в подземную пещеру?

Стариk молча снял с плеча полотняный мешок, откуда аккуратным движением, чтобы не спровоцировать собеседника на защитную реакцию, достал масляную лампу и кожаный конверт, несомненно подходящий для огнива, трута и стального лезвия.

— Я помогу тебе, незнакомец, если ты захочешь, — сказал охотник.

Прислонив шест к стене, он быстро зажег лампу и, обернувшись к Конану, протянул ему светильник:

— Держи и следуй за мной. Я пойду первым.

Подхватив шест, стариk уверенно шагнул под свод древнего храма. Конан не нашел повода не последовать за ним. Приподняв лампу повыше, он увидел, что свод сооружения упирается в противоположную стену в нескольких шагах впереди. Зато пол уходит вниз с довольно крутым уклоном.

Конан напрягся, увидев, что стариk сделал какое-то резкое движение. В следующий миг все стало ясно — в темноте сверкнули две алые бусинки, проволочная петля на конце шеста свистнула в воздухе, послышался испуганно-злобный писк — и хлопнула дверца клетки за спиной крысолова.

— Мои поздравления, стариk, — буркнул Конан. — По крайней мере, ты свое сокровище уже нашел.

— Невелика заслуга, — отозвался тот. — Брошенные жилища, храмы, гробницы и замки — все они полны крыс. Главное — знать, где искать.

Петля еще раз взвилась в воздух, настигнув цель за углом постамента

стоявшей в нише грубо вырезанной из мрамора статуи.

— И еще: очень важно уметь быстро и четко двигаться. Если хочешь быть крысоловом, требуется сноровка и легкий шаг.

Проход вел дальше — вперед и вниз. Был ли это рукотворный туннель или образованная природой пещера — сказать было трудно. Словно угадав мысли Конана, разглядывающего грубые неровные стены и потолок, старик заметил:

— Так всегда и бывает. Все возведенные человеком храмы воздвигнуты на еще более древних алтарях и святилищах самой земли. Даже храмы великого и всемогущего Митры.

— Почему ты так уверен, — что этот храм посвящен именно Митре? — спросил Конан, скорее для того, чтобы отвлечься от созерцания мрачных теней, пляшущих

в свете лампы.

— А кому же еще, как не ему? — обернувшись, переспросил старик.

— Ну, если так судить, то почему бы этому храму не оказаться посвященным лично мне? — Б голосе Конана почти не было иронии, подобающей такой шутке.

— А ты полагаешь себя одним из бессмертных богов?

Старик явно не был шокирован богохульством Конана; скорее, его обуревали сомнения иного рода. Углубляясь все дальше в пещеру, он поинтересовался:

— А у тебя хватит на это терпения? Сдается мне, что освящать своим незримым присутствием заброшенные храмы типа этого в течение многих тысячелетий — изрядно тоскливо дело.

— Недостатков у меня — пруд пруди, — сказал Конан. — Но избыток терпения в этот список явно не входит. Если я и стану богом, то скорее всего — благодаря неумению терпеть, мириться и сдерживаться. Но хватит об этом, старик! Скажи лучше — далеко ли еще нам идти?

— Далеко... далеко, — вздохнул крысолов. — Я же тебе говорил, что великие сокровища спрятаны очень глубоко. Но вполне возможно, что очень скоро нам придется прервать путь поисков, ибо впереди тебя ждет испытание, которое вполне может отвратить от цели твой нестойкий дух и разум. Иди вперед, но ступай легко.

Конан поравнялся со стариком, остановившимся па краю глубокой ямы. Свет лампы выхватил из темноты противоположную стену, уходящую куда-то вниз, но наличие у чернеющего провала дна подтверждалось лишь эхом плескавшейся далеко внизу жидкости.

Огромная яма казалась тем более пугающей, что занимала полностью

сужавшийся впереди проход. На ее противоположном краю угадывались очертания продолжающегося коридора, но попасть туда можно было лишь по узкой арке круто изогнувшегося над бездной каменного моста, установленного здесь в незапамятные времена.

Пролет моста был узок — чуть больше локтя в ширину — и сильно разрушен. На какие-либо перила не было и намека. Если когда-то камни арки и соединял раствор, то за многие века он рассохся и мелкой пылью слетел к далекому дну провала. Теперь же перед киммерийцем высились лишь полукружье камней, удерживающихся на весу только собственной тяжестью.

— Ну, как тебе испытание? — поинтересовался старик у Конана.

Затем крысолов взял у киммерийца лампу и через сливное отверстие вылил немного масла на клочок ткани, оторванный от его же рубахи. Пропитав тряпку маслом, хромой охотник поднес ее к горящему фитилю. Ткань воспламенилась, и старик швырнул пылающий лоскут в черноту пропасти.

Конан и старый охотник — оба наклонились над краем провала, провожая взглядом летящий в темноте язык пламени. Долгие секунды ничего не происходило, затем где-то далеко внизу горящий лоскут отразился и маслянистой поверхности жидкости, заполнявшей колодец.

Горящей тряпке не было суждено долететь до черной, жирно поблескивающей поверхности. Накопившиеся в узком колодце пары воспламенились. Ярко-голубая вспышка и смерч обжигающего воздуха, с ревом рванувшийся вверху, заставили обоих наблюдателей отскочить от края пропасти, закрыв лица руками.

Некоторое время неестественно голубой огонь плясал над колодцем, облизывая камни моста; затем пламя чуть опало, не уменьшив, впрочем, ужаса, закравшегося в душу Конана.

— Ну, незнакомец, прошу вперед, — донесся до него голос старика. — Ты, кажется, был готов причислить себя к бессмертным, а значит — тебе нечего бояться, если даже мост рухнет. Иди вперед, я пройду за тобой, и мы продолжим наш путь за сокровищами. Киммериец убежденно запротестовал:

— Э, нет, старик. Я авантюрист, но не безумец. Ни за что я не доверю свою жизнь какой-то груде камней. За кого ты меня принял, если решил, что я так запросто соглашусь на явное самоубийство?

— Ты просто боишься идти, — с едва уловимым презрением и некоторым разочарованием произнес крысолов. — Хорошо, тогда держи лампу. Я пойду первым. Если все обойдется — следуй за мной.

— Не рискуй, стариk. Я бы не доверился этому мосту, даже если мне оставалось бы жить столько лет, сколько тебе... — Поняв, что охотник не обращает внимания на его предостережение, Конан сказал: — Ладно, дело твое. Но если мост обвалится, твоя смерть не будет на моей совести!

Сжавшись в комок, Конан следил, как его спутник аккуратно поставил ногу на первый камень моста, перенес на него вес всего тела, сделал следующий шаг... На середине моста стариk оглянулся и весьма ловко, учитывая его возраст и хромоту, закончил переход, переведя дух на другом берегу.

— Ну что? — спросил он, обернувшись. — Идешь или нет?

Вздохнув с облегчением, когда охотник оказался вне опасности, Конан тотчас же почувствовал заливающую его волну стыда за то, что сам он не пошел первым. Ощущение того, что кто-то оказался лучше него в чем-либо, было для Конана в диковинку; пожалуй, короля оно задевало в нем даже больше, чем мужчину.

— Ах ты, крысоед несчастный! — воскликнул он. — Значит, по-твоему, я — трус? Поклянись богами, которым ты поклоняешься, что ты не задумал какую-то ловушку и не собираешься выбить из-под меня камни, пока я буду на мосту! Если это произойдет, то ничто — не боги, ни демоны не спасут тебя от моего гнева!

— Клянусь своей честью, — едва слышно донеслось с того берега.

Но, не дожидаясь ответа, Конан уже шагнул на мост. Камни чуть шевелились и потрескивали под его весом, но все же до середины киммериец добрался довольно быстро, держа лампу на вытянутой руке, как балансир, и ступая туда, где до того ступал старый охотник.

Где-то далеко внизу по прежнему полыхало синее пламя. К его реву добавилось бульканье и чавканье жидкости, видимо потревоженной жаром. Но киммерийцу было не до того, чтобы глянуть вниз — он почувствовал, как камни под ним задрожали сильнее и опасно затрещали.

— Эй, стариk, что это?..

Но и без ответа охотника Конан понял, что его вес, куда больший, чем у его спутника, оказался слишком велик для еле державшегося на весу моста. Киммериец боялся прыгнуть вперед, понимая, что добавочного усилия каменная кладка не выдержит и, не дав ему дополнительной опоры, наверняка рухнет вниз. Но и стоять на мосту тоже означало верную смерть: вот-вот камни должны были рассыпаться под его ногами.

— Что мне делать?! — крикнул Конан.

— Решай сам, — ответил стариk, с безразличным интересом наблюдавший за происходившим. — Решай сам! — повторил он во весь

голос.

Словно по команде, с последними словами хромого охотника мост рассыпался и рухнул в огненную бездну. Летя навстречу синему пламени, Конан успел выхватить из ножен кинжал и в последний раз прокричать:

— Кром!

В следующее мгновение он проснулся.

Узкая походная койка короля перевернулась, а сам он лежал на земле, с трудом переводя дух. Судя по тему, последний взглас киммерийца прозвучал не только в его снах. Королевская стража ворвалась в шатер с клинками наизготовку и с зажженными лампами в руках. Мерные Драконы были готовы защищать своего короля от любых врагов.

— Все свободны, — буркнул Конан, садясь и сбрасывая с себя одеяло. — Все случившееся не имеет никакого отношения к реальности.

Хлопнул полог шатра, пропуская внутрь карлика, Амлунию и порыв свежего ночного ветра.

— Как знать, — сообщил Делвин. — Порой дурные сны отзываются в реальности больше, чем последствия долгой неумелой верховой езды.

Амлуния, бросившаяся к Конану, чтобы обнять его, была остановлена и едва ли не отброшена в сторону сильной рукой киммерийца. Встав на ноги, король сам поднял кровать и наскоро застелил ее. Тут в шатер ворвался Просперо, на котором король и сорвал раздражение:

— Хватит, я сказал! Все ведь ясно — просто кошмарный сон. Даже не кошмарный, а беспокойный, вот И все. Помощь мне не требуется...

— Мне ничего не известно о твоих снах, Конан, — перебил его Просперо. — По правде говоря, я хотел бы, чтобы сном — дурным, больным, беспокойным — любым, оказалось то, что я только что узнал и о чем должен доложить тебе. Боюсь, что это невозможно — слишком реален был срочно вернувшийся в лагерь дозорный. — Граф обвел присутствующих тяжелым взглядом и произнес: — Он доложил, что впереди встречным курсом к перевалу приближается большая колонна кофийской армии.

Глава XVIII

ЗЛОВЕЩИЙ ПЕРЕВАЛ

Луна взошла уже глубокой ночью. К этому времени из лагеря аквилонцев выдвинулись вперед дополнительные разведгруппы, получившие задание присмотреть удобное место для засады, распознать подготовительные маневры противника и приглядеть выгодное для сражения место. Король Конан, ссылаясь на важность знания местности, в столь ответственный момент настоял ил своем личном участии в проведении разведки.

В слабом свете звезд идти по камням было достаточно трудно. Поднявшийся из-за Карпашского хребта полумесяц осветил дорогу, облегчив путь, но вместе с тем принес новые трудности — важнейшей задачей разведчиков стало не попасться на глаза вражеским патрулям и дозорам.

До сих пор Карпашские горы никак не оправдывали своей недоброй славы. Тучи вампиров не обрушивались

проходящую армию со скал, привидения не кружились над ночныхами лагерями, унося жизни спящих. Но высокогорное плато и вершины перевала представляли собой пугающее зрелище даже при свете дня. Сейчас же мертвенный свет луны делал гранитные склоны белыми, как высокие кости, на которых чудовищной порослью виднелись пятна низкорослых деревьев, кустов и пучков жесткой травы.

Укрытием для разведчиков служили груды камней, тут и там возвышавшиеся на плато. Были ли это природные образования или же руины исчезнувшего города — в темноте сказать было трудно. По мере продвижения дозоров вперед нагромождения гранитных обломков становились ниже, но обширнее. Нетвердая поверхность под ногами, множество бульжников и валунов величиной от кулака до бычьей туши делали невозможным использование в этой местности кавалерии, да и для пехоты представляли изрядное препятствие.

Судя по положению окружающих вершин, плато было верхней точкой перевала. Странное и в то же время — закономерное место для судьбоносной встречи двух армий. Место, где мечты о мировом господстве потерпят крах или обретут свой триумф.

Час за часом разведчики докладывали все новые и новые подробности

о дислокации противника. Наконец и сам Конан, забравшись вслед за одним из дозорных на вершину очередной скалы, смог окинуть взглядом россыпь лагерных костров и факелов. Как ни крути, а армия противника была по меньшей мере равна по численности аквилонской — примерно десять тысяч чело-иск, как пехоты, так и кавалерии.

Возвращаясь назад, Конан подумал, что было бы неплохо загнать противника сюда, в эти непролазные скалы и россыпи камней, но, смотря на вещи реально, мало вероятности, что удастся организовать такую ловушку. Разведчики доложили, что вражеские дозорные выдвинулись вперед. Вполне вероятно, что в этот самый момент за самим Конаном, его сопровождающими и за аквилонской армией уже наблюдали вражеские глаза, прикидывающие и оценивающие их силы.

Скорее всего, подумал Конан, главной задачей станет избежать вражеских ловушек. Кофийские генералы слыши умелыми тактиками. А если и хитрый шакал Амиро тоже здесь? Как ни жаждал Конан встречи с принцем, он не мог не признать, что в этом случае победу можно будет одержать еще большей ценой.

Можно было распрощаться с надеждами на лихой, неожиданный удар в сердце Кофа, набеги на его города и поселки, на то, что удастся застать армию противника врасплох и управиться с ней в череде явно неравных сражений. Видимо, выбить трон из-под Амиро будет куда более трудной, кровавой, но в то же время — скоротечной задачей. Все решится в одной битве двух примерно равных по силе армий на одинаково чужой и неудобной для обеих местности.

Умение рассчитать время и силы, правильный тактический маневр, а кроме того — упорство и ярость — вот что будет залогом успеха в этом сражении. Потери с обеих сторон будут огромными. Проигравшему придется отступать по пересеченной местности, и победитель не отстанет от него, пока не добьет полностью. Поражение в этом сражении будет окончательным и сокрушительным, а победа... победа — тяжкой и едва ли не иллюзорной.

И все же — это был знак судьбы. Наверное, к такой вот эпохальной битве вели Конана боги всю его жизнь. Ему было суждено вести в бой армию сильнейшей в мире империи против практически не уступающей ей по силе армии противника. Судьбы мира решались в этом бою. Славой будет покрыто в веках имя киммерийца — независимо от исхода сражения. Что ж — достойная перспектива для настоящего воина накануне опасного поединка. И все же что-то беспокоило Конана, заставляло хмуриться его лоб, наполняло неясными предчувствиями сердце...

Во-первых, Конан не мог понять, почему армия Амиро оказалась здесь. Надумай принц ударить по Аквилонии неожиданно — худшее направление трудно было придумать. Ведь и дураку ясно, что в только что завоеванной Немедии Конан оставит сильные гарнизоны. Не рассчитывал ли Амиро присоединить к своим поискам отряды коринфийцев и бритунийцев? Сомнительное приобретение, да и вряд ли правители Коринфии пропустили бы войска Кофа через свою территорию с большей охотой, чем аквилонские части. Самым опасным для своей страны Конан считал мягкое подбрюшье Аквилонии по границе с Аргосом. Но чтобы встретить противника здесь? Это казалось бессмысленным, если, конечно, не допустить, что Амиро разработал какой-то дьявольский план, не понятый пока что киммерийцем.

Во-вторых — что станет с Аквилонией после этого сражения? Проигравшая империя станет жертвой жадных до легкой добычи соседей и междуусобицы скорее, чем попадет под удар победителя. Впрочем, ослабевший, потерявший немалую часть своей армии победитель столкнется в ближайшем же будущем с подобными проблемами. Стоило мыслям киммерийца обратиться к Зенобии, Конну, к цветущему и богатеющему государству, королем которого он являлся, как ставки в этом сражении начинали казаться Конану несоразмерно высокими.

Немало беспокоили короля и воспоминания об увиденном в этот же вечер кошмарном сне. В снах заложено много правды, нужно лишь уметь ее увидеть и понять, это киммериец осознал уже давно. Если не поняв, то, по крайней мере, что-то почувствовав, он с момента пробуждения ощущал себя куда менее заносчивым и уверенным, чем раньше, и был готов идти более осторожно.

Откуда-то с правого фланга к королю подскакал верхом один из Черных Драконов. За ним ехал разведчик из боссонской роты.

— Ваше Величество, — обратился к Конану воин в черных доспехах. — Этот солдат только что столкнулся с вражеским патрулем. Он говорит, что его напарник по дозору был убит кофийцами, которые тотчас же поскакали назад к своему лагерю.

Разведчик-боссонец кивнул, подтверждая верность слов Черного Дракона. На его не прикрытой шлемом щеке сверкнула еще не запекшаяся струйка свежей крови.

— Бел и Эрлик! — чертыхнулся Конан. — Всем офицерам — быстро в лагерь! Все донесения от разведки доложить мне лично. Времени совсем нет! К рассвету войска должны быть выведены на исходные позиции.

При лунном свете, погасив костры, армия Аквилонии, позабыв об

отдыхе и сне, готовилась к сражению. Слышалось звяканье металла, порой раздавалось конское ржание или короткий окрик сержанта или капрала.

Возле штабного шатра у пепелища наскоро залитого костра собирались офицеры, руководящие подготовкой к бою. Они обсуждали планы, принимали доклады разведки и отдавали через адъютантов приказы ротным и батальонным командирам.

Троцеро, неподвижно стоящий, уперев руки в бока, словно каменное изваяние, настойчиво повторял:

— Противник выстраивается во фронтальный боевой порядок примерно так же, как и мы. Атаки можно ожидать в любую минуту. Но скорее всего, нас ждет глухая, непреодолимая оборона. Атаковать кавалерией здесь, на столь пересеченной местности, равнозначно самоубийству.

— Да что ты заладил! — резко ответил графу Конан. — Не забывай — они защищают Офир и Коф. А мы — захватчики, интервенты! Если сражения не будет — считай, что они победили. — Конан, как обычно, отдавал предпочтение не тактическим аргументам, а духу момента. — Я думаю, что, ударив на рассвете, мы можем опередить их, застать их строй неупорядоченным, опрокинуть его, а затем отступление кофийцев превратится в паническое бегство.

— Но, Ваше Величество, большая часть их войск так же зажата на узкой тропе, как и наша. А выход на плато может удерживать небольшой отряд, сдерживая все усилия наших легионов. В этой ситуации ни внезапность, ни скорость, ни превосходство в численности большого течения не имеют. Нет здесь и пространства для фланговых маневров. В общем, те, кто начнет атаку первыми, окажутся полными глупцами. Так пусть ими станут кофийцы, а не мы.

Конан замешкался с ответом, и его опередил взявший несколько аккордов на своей лютне шут, сидевший на камне неподалеку.

— Дозволь мне заметить, Конан Разрушитель Замков, — сказал карлик, — что вести спор с кем бы то ни было — не в твоем духе. Одно то, что ты снизошел до этого, подтверждает, что и сам ты не считаешь наступление самым мудрым решением.

— Может, ты и прав, — рассеянно ответил король. Радуясь поводу перевести разговор, он подозвал к себе капитана кавалерийской роты, чтобы выслушать его доклад. Офицер, спешившись, опустился на одно колено перед королем и обратился к нему:

— Ваше Величество, один из вернувшихся разведчиков докладывает об обнаружении во вражеском лагере королевского шатра и большого

штабного павильона, что позволяет сделать предположение о нахождении в рядах противника лично принца Амиро.

— Вот и отлично, — холодно заметил Конан. — Каковы изменения в строю неприятеля?

— Ваше Величество, противник полностью перекрыл выход с перевала на своей стороне. В некоторых местах наши позиции разделяет не больше сотни шагов. Противник пытается, где возможно, занять господствующие высоты и выбрать удобное для себя положение, но почему-то избегает открытого пространства и храма в центре плато.

— Храм? — переспросил Конан. — Какой еще к черту храм? О чем ты?

— Ваше Величество, я полагал, что вас уже известили. — Капитан говорил торопливо, прикрывая свою нервозность армейской краткостью. — Посередине плато обнаружены руины древнего здания. Нашим разведчикам удалось разглядеть лишь полуобрушенные колонны; ничего подходящего для организации временного оборонительного сооружения. Судя по всему, кофийцы стараются держаться от этих руин подальше.

— Все ясно, — сказал король. — Пошли туда пару наблюдателей не из пугливых и впечатлительных. Но отряд к развалинам не выдвигайтесь. Пока что... Вы свободны, капитан. Ждите приказаний.

Когда офицер, безмолвно отсалютовав, вскочил на коня и скрылся в предрассветных сумерках, Конан обернулся к своим приближенным и негромко выругался:

— Кром и Эрлик! Надо же было какому-то дьявольскому храму оказаться прямо в центре поля боя! Мне как раз приснилось подобное святилище, будь оно неладно! Такие вещи не способствуют спокойствию и уверенности войск, как, впрочем, и командиров. Мне, например, все это очень не нравится.

— Виной тому — вечерний сон, король, — заметил Делвин, тронув пальцами струны.

— Да, а еще — весь мой опыт, который велит мне держаться подальше от всех этих брошенных храмов и разрушенных алтарей. В любом случае, Просперо, возвращаясь к нашему спору, я признаю — ты был прав. Атаковать на рассвете мы не будем. Подождем, что предпримет Амиро. А пока что, пусть хвост нашей колонны подтянется поближе к плато,

— Прекрасно, Ваше Величество! Отличное решение, — не смог скрыть своей радости Просперо. — Терпение может одержать победу там, где бессильны натиск и скорость.

— Это точно, — согласился Конан. — Чуть позднее я, быть может, и устрою гонку за Амиро. Но не сейчас. Пока что нам остается выжидать, заманивая его в смертельную ловушку. А выжиная, неплохо бы и перекусить. Где, кстати, Амлуния?

Просперо пожал плечами, не выражая особого беспокойства:

— Может быть, она спит в вашем шатре, повелитель?

— Нет, — отмахнулся Конан и, чтобы удостовериться, откинув полог, заглянул в шатер. — Нет ее здесь.

Карлик беспокойно заерзал на своем камне:

— А разве она не встретила тебя раньше, Король Болтун? Она выехала вслед за тобой, когда ты отправился на разведку. Я-то полагал, что ты приказал ей оставаться и лечь спать где-нибудь в лагере...

— Волкодавы Крома! — заорал Конан. — Так что — ее никто не видел с самого восхода луны? Женщина — одна в этом гнезде нечиисти и чертовщины?

— Она вовсе не столь беззащитна, Конан, — напомнил Просперо. — Если хочешь — пошли пажа на ее поиски.

— Нет! — раздраженно рявкнул Конан. — Делвин, ты будешь моим пажом. Вместе мы ее быстро разыщем. Завтрак подождет.

Пони шута стоял оседланный рядом со скакуном короля, выглядя на его фоне просто гномом.

— Отличная мысль, Конан! — потер ручки карлик. — Вот будет потеха, если мы найдем ее расправляющейся с каким-нибудь бедным, беззащитным копьеносцем или привидением!

— Вашему Величеству не стоило бы оставлять штаб надолго, — заметил Просперо. — В случае нападения противника...

— В случае нападения, мой верный друг, — сказал Конан уже с седла, — ты знаешь, что делать. Каждый аквилонский солдат тоже знает свое место и свои обязанности. Если я уж очень понадоблюсь тебе, ищи меня там, где идет самая отчаянная резня!

Глава XIX

СУД БОГОВ

В серых предрассветных сумерках король и его шут быстро проехали через бесспокойный, уже полупустой лагерь и оказались в боевых порядках аквилонских войск. Солдаты, сидя на земле, жевали сухари, запивая их водой Ив поясных фляг, дремали, прислонившись спинами друг к другу и к камням.

Малейшего намека было достаточно, чтобы получить четкий ответ, указывающий направление поисков, ибо Амлуния — самая скандалная женщина во всей колонне не могла нигде оставаться не замеченной. Вскоре роль оказался в самом центре строя, у груды камней, за которыми готовилась к обороне рота боссонских егерей. Крепко сложенный, с квадратными плечами капрал провел Конана и Делвина мимо солдат, начищающих и подтачивающих свои боевые топоры, к тому месту, где стоял на посту часовой — молодая женщина с нашивками командира отделения, судя по лицу — дочь смешанного боссонско-пиктского брака. Женщина молча кивнула головой вперед, в сторону нейтральной полосы.

Там, чуть поодаль, пасся среди полуобвалившихся колонн и каменных блоков, пощипывая редкую жесткую траву, тот самый жеребец, которого Конан подарил Амлунии.

Звать коня было бессмысленно, а скорее всего, даже опасно. Можно привлечь внимание неприятельских часовых и передовых отрядов. Устроить здесь маленькую войну с Амлунией в качестве главного трофея — такого Конан позволить себе не мог. Поразмыслив немного, король, а вслед за ним и шут направили своих коней в сторону нейтральной полосы.

Копыта скакунов звякнули о плиты улиц и площадей древнего города. Гранитные блоки, тщательно обработанные и отполированные, порой преграждали всадникам путь, вынуждая их следовать в объезд. Медленно-медленно приближался Конан к центру древних руин.

Но вот сердце киммерийца забилось чаще — он узнал круг вонзающихся в небо колонн, обложенный камнем бассейн с густой, маслянистой черной жидкостью. Нет, никогда раньше Конан не был здесь, но сколько раз он видел это место вочных кошмарах, сколько раз с ужасом просыпался, когда духи сна приводили его спящую душу сюда.

Чуть дальше, чем оседланный жеребец, стояла, прислонившись к

одной из колонн, сама Амлуния. Скрестив руки на груди, рыжая девица внимательно разглядывала черное зеркало бассейна. Услышав приближающиеся шаги, она обернулась и обратилась к Конану и Делвину:

— Ну вот и вы, наконец-то! Я не знаю, что привело меня сюда, но я была уверена, что и вы последуете за мной. Есть что-то... что-то пугающее-притягивающее в этом месте, правда, Конан?

Подойдя к королю, Амлуния положила руку ему на плечо и поглядела в глаза. Знакомый чувственный огонек заплясал в ее взгляде.

Заигрывания Амлунии были прерваны резким шумом на противоположной стороне развалин. Там, из-за огромного валуна, показался одинокий воин в полированных поясных доспехах, ведущий за собой прекрасного, в богатой сбруе, коня. Конан в тот же миг узнал роскошное одеяние и императорские атрибуты воина: шлем с плюмажем, кольчужные перчатки, щит с гербом, пересеченным полосой незаконнорожденного.

— Амиро! — С этим выдохом меч словно сам скользнул в руку киммерийцу. — Неужели ты сумел и сны использовать в своих целях, принц недоделанный? Тебе бы колдовать в темной пещере, а не империю строить. Ну, где твои храбрецы — семеро на одного?

Конан бегло окинул взглядом окружающее пространство, прикидывая, откуда ждать опасности. За невысокими каменными изгородями, окружавшими колоннаду, вряд ли мог спрятаться хоть кто-нибудь. За колоннами тоже нигде не мелькало ни оружие, ни край одежды человека. Б общем, Конан мог бы показаться сам себе весьма смешным в своих опасениях, если бы не зловещая атмосфера этого места.

Амиро, набросив повод коня на металлический держатель для факела, торчащий из колонны, повернулся лицом к Конану.

— А вот и он, мой верный враг, — сказал принц, сделав несколько шагов вперед и остановившись в центре площадки перед бассейном. — Если ты, как говорит твоя наряженная в кожу шлюха, и вправду не знаешь, что привело тебя сюда, то ты, пожалуй, еще более туп и ничтожен, чем я предполагал.

— И что еще я должен знать, щенок? Почему я здесь?

Конан шагнул вперед, выставив перед собой меч. Цепляясь за королевские ножны, вслед за ним семенил Делвин, бормоча на ходу какие-то советы.

В тот же миг, словно в ответ на гневный окрик короля, поверхность бассейна заволновалась, покрылась рябью, несколько пузырей со свистом и хлопками лопнули над черной жижей. Странное явление заставило

аквилонского правителя остановиться. Постепенно бульканье стало более членораздельно:

— Приветствую вас, о смертные короли! Я оказываю божественное гостеприимство двум великим представителям рода человеческого.

С этими словами вокруг бассейна и вдоль колоннады пролегли огненные кольца. Их свет изменил цвет предрассветного неба, сделав его пронзительно синим.

— Моя божественная сила, — продолжил голос, — привела вас обоих сюда. И здесь я — великий бог Ктантос — смогу выбрать одного из вас, того, который достоин быть моим наместником в моих земных владениях.

— Что это за чертовщина? — крикнул Конан.

Сам он обернулся к своим друзьям, чтобы убедиться в том, что все происходящее не совершается лишь в его воспаленном мозгу. Затем он вновь обратился к Амиро:

— Эй, принц, я знал тебя неплохим фехтовальщиком, трусливым бойцом и бесчестным убийцей! Но ты, оказывается, еще и вполне сносный колдун, если тебе по зубам привлечь на свою сторону демонов кошмарного сна, чтобы попытаться напугать противника.

Не обращая внимания на булькающий бассейн, киммериец вновь стал продвигаться к Амиро, вскользь заметив:

— Чего, впрочем, следовало ожидать от тебя. Не мужчина в одном — не мужчина во всем, и ты — лучшее тому подтверждение.

— Хватит болтать, варвар. — Амиро сделал шаг назад. — Дубина невежественная! Я и сам ни в грош не ставлю всяких божков и колдунишек, но это тебе не какой-то демон! Ктантос — это настоящий бог...

— Вот именно! Истинный бог! — подхватил воющий голос из бассейна.

Над поверхностью черной жидкости появилась состоящая из одних костей рука, сжимающая кривое копье. Описав несколько кругов по бассейну, рука метнула свое оружие, которое на полпути превратилось в огненную стрелу. Ударив в одну из колонн, молния озарила все вокруг яркой вспышкой. Когда к людям вернулось зрение, в колонне оказалось пробито сквозное отверстие, вокруг которого, словно сухие ветки, пробежали трещины. В воздухе запахло жженым камнем.

— Это всего лишь скромная демонстрация моей силы, растущей с каждым часом, — объявил из бассейна Ктантос. — Колонна останется стоять лишь как напоминание вам. Я думаю, это будет достаточным предупреждением тому из вас, кто вздумает усомниться в моем

могущество. Что же касается верного последователя... что ж — он будет вознагражден по достоинству.

Усилием воли сбросив оцепенение, Конан вновь покрепче сжал меч и с вызовом ответил:

— Мне уже доводилось расправляться с богами. Чего ради я должен поклоняться тому, которого в свои союзники записывает такой бесчестный негодяй, как Амиро?

— Не в союзники, а в верховные судьи, — донесся п ответ голос Ктантоса из центра бассейна. — Только один из вас, по моему решению, покинет это место живым; только один будет насаждать на земле веру в меня — единственного бога!

— Я так понял, что этот один будет избран тобой по результатам поединка между нами, — кивнул Конан. — Что ж — я готов. Я жду противника с распростертыми объятиями. Однако позволю себе напомнить бессмертному богу, что нам уже доводилось встречаться с ним в бою. Он был вызван мною на честный поединок, но ответил на вызов подложной западней. Как противника в честном бою, он меня боится. Так что ему не с руки им ходить биться один на один. Кто даст гарантию, что тебя он не привлек на свою сторону, оставив нас без честного судьи? Он явно больше понимает в грязных тайных переговорах, чем я.

Конан тряхнул головой, поправляя выбившуюся из-под золотого обода короны прядь черных волос.

— А кроме того, — добавил он, — даже если ему с помощью хитрости удастся заманить меня в какую-то лопушку, мои аквилонские легионы намного превосходит его армию, и исход битвы можно предсказать заранее!

— Конан, Король Сокрушитель Челюстей и Крепостей, — неожиданно взмолился Делвин за спиной киммерийца. — Божественный Ктантос не торгуется и не вступает в сделки. Он ищет лишь того, кто будет лучшим правителем, его наместником на земле, проповедником его веры. Но что бы ни случилось, я последую за тобой, а мой клинок будет рядом с твоим клинком в любом состязании королей или их армий. Король Конан, ты — сильнейший из воинов и величайший из монархов, как это известно всем и каждому!

— Ах, вот в чем дело, Делвин! Ты, оказывается, тоже являешься частью всего этого! — Конан, что-то поняв, по-новому поглядел на карлика. — Как, впрочем, и Амлуния, в чью роль входило заманить меня сюда. — Оглянувшись, Конан увидел загадочную улыбку на лице женщины. — Пожалуй, мне стоило раньше догадаться, что все мои

беспредельные амбиции — это лишь телега, влекомая вашей славной парочкой волов.

— Нет, господин, я всего лишь клоун, шут... — Карлик, невинно моргая, смотрел на короля. — Карикатура, оттеняющая величие монарха. Но учти, Конан: для тебя победа в поединке с Амиро обернется суровым и горьким поражением. После того как твои легионы истребят кофийские войска, ты останешься лишь с горсткой израненных воинов. Здесь, у древнего храма, встретились не только два великих короля, но и две могучие армии, объединенной силе которых не сможет противостоять никто во всей Хайбории.

Шут говорил, обращаясь к Конану, но достаточно громко для того, чтобы Амиро тоже его слышал. Видимо, слова карлика произвели на него впечатление, ибо принц Кофа, забыв обо всем, внимательно вслушивался в его слова. Делвин же продолжал:

— Я вижу дело так: нужен договор между двумя монархами, соглашение о том, что, независимо от того, кто победит в поединке, — а это будешь, несомненно, ты, Конан, — так вот, кто бы ни победил, армия поверженного должна присоединиться к войскам триумфатора и во всем подчиняться ему. И более того, империя проигравшего должна подчиниться победителю, который станет, таким образом, императором Аквилонии и Кофа одновременно! — Делвин на торжественной ноте прервал свою речь, а затем уже более деловито добавил: — Я полагаю, принять такое решение вполне входит в компетенцию обоих правителей. Учтите, победитель получает все. Я думаю, стоит рискнуть!

— Рискнуть... пожалуй, я бы согласился, — задумчиво отозвался Конан. — Можно было бы вызвать сюда старших офицеров обеих армий, чтобы они были свидетелями поединка, и приказать им не оспаривать между собой его результат. Но меня куда больше волнует проблема выбора: невелика разница, кто останется победителем — этот убийца собственной матери или я, подчинившийся его же покровителю — чавкающему жижей демону...

— Убийца матери?! — закричал Амиро. — Ты лжешь, клевещешь! Это ты убил ее.

Принц, выхватив меч, шагнул навстречу киммерийцу. Тот, сделав ответный шаг вперед, возразил:

— Зачем мне лгать тебе. И без того всем ясно, что только по твоему приказу Ямелу могли выбросить из окна ее башни, выдав это за самоубийство. Да, принцесса безумно любила тебя и однажды убедила меня пощадить твою шкуру. Но даже светлая память о ее материнских

чувствах не удержит меня от того, чтобы выпотрошить тебя сегодня!

— Лжец! Негодяй, ты еще смеешь... — Неожиданно принц взял себя в руки и более спокойно продолжил: — Нет, подожди, варвар. Я еще успею содрать с тебя шкуру. Но сначала — что ты скажешь по поводу предложения этого урода?

— Я согласен, что без достойных свидетелей я не могу начать поединок, рискуя подставить судьбу империи под очередной предательский удар человека, не тающего, что такое честь. И кроме того, не нравится мне наш самозванный арбитр...

Конан бросил взгляд на небо, на котором, помимо знакомого полумесяца, появилась еще одна — теперь уже полная — луна, осветившая ставший темно-синим купол небосвода. Опустив глаза, киммериец обнаружил, что ни одно изочных светил не отражается в черном пруду. Конан задумчиво сказал:

— Я не знаю, где именно мы находимся, Ктантос, но сдается мне, что куда ближе к аду, чем к раю. И если твои способности к разрушению и к угрозам я уже могу засвидетельствовать, то теперь хотелось бы узнать, какова твоя мощь в добрых делах. И еще: каков твой истинный облик, какую форму ты принимаешь, чтобы предстать перед поклоняющимися тебе?

— Истинные боги, в отличие от жалких демонов и мелких божков, — пробулькал Ктантос, — не очень охотно показывают себя смертным. Ты, поклоняющийся суровым северным божествам, должен знать это. Вера истинных последователей не должна зависеть от внешней формы божества. Вот почему я предпочитаю оставаться в своем священном бассейне. А моя мощь... она почти беспредельна, как в отношении зла, так и добра, если, конечно, возможно судить божество, подходя к нему с убогими рамками, созданными жалкими в своей немощи людьми.

Бульканье, напоминающее усмешку, прокатилось над площадью.

— Я могу проникать в сны смертных, как ты уже мог убедиться, — продолжил Ктантос. — Скоро моя власть над умами людей будет полной и совершенной. Как видишь, я смог свести в это место две могучие армии и их командиров, а значит, я могу творить историю и политику мира. Силы и возможности моих главных последователей практически безграничны... как бы уродливы ни были их физические тела.

При этих словах карлик беспокойно затоптался на месте, а Амлуния, сообразив, что к чему, довольно рассмеялась.

Ктантос же продолжал гулко булькать:

— Есть у меня и посланники, гонцы в мир людей, которые исполняют

мою волю на земле. Как видишь, смертный, истинный бог — это не безвольный, действующий лишь намеками да видениями нынешний божок. Нет, мне, настоящему божеству, бесполезно и бессмысленно сопротивляться.

— Истинная правда в речах великого Ктантоса. — С этими словами Амлуния вдруг быстро пересекла площадь и, пройдя между Амиро и Конаном, подошла к гранитному бортику бассейна. — Целую ночь я провела здесь, внимая божественному голосу, который проник в самые дальние уголки моего сердца... Итак, я объявляю себя верной рабыней и последовательницей всемогущего Ктантоса! Отныне и навеки!

Громкие слова Амлунии эхом прокатились по колоннаде.

— И сейчас я объявила, — после секундной паузы добавила Амлуния, — что отдаю себя в качестве награды победителю в этом поединке!

Повернувшись к Амиро, она сказала:

— Знай же, о великий тиран, моим талантам и умениям нет числа. Я — отчаянная воительница, умелая куртизанка и страстная любовница. Победи ты — и я обещаю, что все мои способности будут отданы тебе целиком и полностью. — Видя недоверие на лице принца, Амлуния усмехнулась: — А Конан... если честно, то я изрядно подустала от его покрытого шрамами тела и от однообразных историй о его давних подвигах. Слишком уж он ограничен рамками традиций — понятиями чести, благородства. Недостойно это правителя империи, не умеет он радоваться жизни, не любит пролитой ради веселья крови... Нет, в тебе, Амиро, я вижу куда более могучего человека, достойного быть властителем мира. В тебя я верю, за тебя молю бога Ктантоса!

Амиро расхохотался:

— Смело говоришь, девочка! И главное — правильно. Ничего, будь уверена, что я сумею использовать доставшуюся мне награду, оценив ее по достоинству.

— Какое низкое, грязное предательство! — завопил Делвин, косясь на Конана, лицо которого оставалось совершенно холодным и бесстрастным. — Ничего, мой повелитель, одержав победу, рассчитается и с тобой... Впрочем, в данный момент в таком раскладе есть свое примущество: Амлуния сможет вызвать сюда офицеров Амиро, а я, с позволения Конана, вызову аквилонских командиров. Полагаю, что если такая красотка сядет на прекрасного скакуна принца, то ей не страшны стрелы кофийских часовых. — Карлик направился к своему пони, приговаривая: — Как бы ни закончился этот поединок, судьба мира уже

предрешена...

— Эй, ты, придурок, стой! Я еще не решил...

Фраза Конана была прервана приближающимся стуком копыт и скрипом колес. Вскоре из темноты вынырнула колесница, которую влекли за собой две из положенных шести лошадей. Роскошный, но сильно пропыленный и изрядно пообретавшийся в дороге экипаж двигался в сопровождении нескольких Черных Драконов и старших офицеров, включая Просперо. Среди всадников Конан с удивлением заметил канцлера Публио.

Увидев же пассажиров колесницы, Конан и вовсе застыл, раскрыв рот. За спиной чуть живого возницы, поддерживая закутанную в плащ сгорбленную фигуру незнакомой королю женщины, сидела королева Зенобия собственной персоной.

Охрана поприветствовала Конана, и граф Просперо, спешившись и встав на одно колено, обратился к нему:

— Ваше величество, королева принесла вам не терпящие отлагательства известия. Я не знаю, какие заклинания витают в этом месте, делая само небо над ним незнакомым и чужим, но я счастлив, что мы все же нашли вас.

Конан подбежал к колеснице и обнял Зенобию. Та, лишь на миг прильнув к его груди, высвободилась из объятий и сказала:

— Конан, любимый... Мы примчались сюда галопом из самой Тарантии. Скольких лошадей мы загнали до смерти! Чего стоил нам путь по этому перевалу... Но ты должен знать правду о... Нет, не я должна сказать тебе это, а она. — Королева показала на свою спутницу, сидевшую, прислонившись к борту колесницы.

Измотанная дорогой, уже немолодая женщина теперь показалась Конану знакомой. Сравнительно свежий шрам пересекал ее лоб, печать страданий делала лицо женщины старше ее возраста...

— Мое известие касается и Амиро, — слабым голосом произнесла она.

Конан, уверенный в том, что уже слышал где-то этот голос, посмотрел на Зенобию. Королева кивнула, и киммериец обернулся к неподвижно стоящему поодаль принцу:

— Эй, Амиро, подойди ближе! Эта новость касается нас обоих, как утверждает моя жена.

Амиро скривил губы в улыбке:

— Чего захотел! Нет, меня так просто в ловушку не заманишь.

Конан нетерпеливо тряхнул головой:

— В отличие от тебя, я отвечаю за каждое свое слово. Слушайте все! Я, Конан — король Аквилонии, гарантирую принцу Амиро безопасное пребывание среди моих подданных. Ну что, веришь мне?

Поколебавшись, Амиро все же подошел к колеснице, и провожаемый внимательными взглядами аквилонской стражи. Увидев сидящую женщину в длинном черном плаще, принц воскликнул:

— Ватесса! Служанка моей матери, нечаянная жертва борьбы против коварного варвара-киммерийца!

— Точно! — вспомнил наконец Конан. — Это же ты, Ватесса! А я думал, что этот мерзавец убил тебя.

Король вежливо склонил голову, да и принц Амиро неподдельно добрым взглядом окинул знакомую ему с детства женщину, ласково погладив ее по руке.

Служанка, облизнув потрескавшиеся губы, хрипло, но достаточно громко сказала:

— Моя госпожа умерла, не открыв вам этого... Но я не могу уйти из этого мира и унести свою тайну с собой в могилу...

Крепко сжав руку принца, Ватесса произнесла:

— Амиро, узнай же: Конан — твой отец!

Затем ее взгляд застыл на суровом лице киммерийца:

— Конан, Амиро — твой сын!

Оба правителя, пораженные, замерли на месте, стараясь не выдать нахлынувших на каждого из них чувств. Их глаза встретились и уже не могли оторваться друг от друга.

— Амиро, возможно ли это?.. — прошептал Конан.

— А что, почему бы и нет... — хрипло ответил Амиро и вдруг воскликнул: — Какой же я был дурак! Сколько я выяснял, шпионил, вынюхивал все обо всех при хорайском дворе! Сколько я искал своего отца — и все напрасно! Но наконец — свершилось! Свершилось — я наконец-то смогу убить тебя!

Резко размахнувшись, Амиро занес меч над головой Конана. Лишь молниеносная реакция спасла киммерийца — он успел отскочить в сторону. Меч кофийца просвистел в воздухе и ударился о борт колесницы.

Мгновения, потраченного Амиро на то, чтобы освободить застрявший в толстой доске клинок, оказалось достаточно, чтобы Конан тоже обнажил свой меч. В следующую секунду два правителя, два опытных и умелых воина, два заклятых врага закружились по двору древнего храма в смертельном танце под аккомпанемент лязга металла.

Аквилонские придворные, исполняя приказ короля, не вмешивались в

бой, хотя и понимали, что противник Конану достался не из легких. Ватесса упала в обморок, увидев, какую ярость вызвали ее слова. Зенобия тоже едва держалась на ногах, опираясь на руку Публио.

Амлуния же, наоборот, казалось, была восхищена таким лихим поворотом сюжета. Радостно возбужденная, она всячески подбадривала Амиро, в то время как Делвин восторженными криками встречал каждый удар своего господина.

Амиро сражался не на жизнь, а на смерть. Ему удавалось сильно теснить Конана, заставляя того лишь защищаться, и этот успех только воодушевлял принца.

Конан же, к своему удивлению, обнаружил, что не имеет ни малейшего желания убивать своего противника. Инстинкт, древнее, чем чувство мести или понятие чести и королевского величия, сделал свое дело. Отец не мог убить сына. Но, увы, — Конан видел, что Амиро, полный юношеского гнева, не внемлет ни голосу разума, ни зову крови.

— Сынок! — крикнул Конан, отступая на шаг, чтобы избежать очередного режущего удара. — Не подобает так встречаться сыну и отцу. Я предлагаю тебе перемирие!

— Кобель блудливый! Наплодил ублюдов без роду, без племени! — Принц продолжал наступать, но тут Конан удачно отбил его клинок, оставив Амиро на миг беззащитным и открытым.

Осознав это, принц лишь крикнул:

— Ты убил мою мать, так убей же и меня!

— Я клянусь тебе, что не убивал ее, — сказал Конан и, вместо того чтобы нанести смертельный удар, отошел еще на шаг. — Если ты поклянешься мне в том же, нам не в чем будет обвинять друг друга!

— Не в чем обвинять? — Крик Амиро перешел чуть ли не в визг. — Подонок, я сам — твое обвинение! — Амиро вновь перешел в атаку, продолжая говорить: — Почему ты оставил мою мать, оставил меня безотцовщиной? Она оказалась безо всякой защиты, с младенцем на руках. Где, где ты был тогда и потом?!

Конан вдруг почувствовал, что очередной удар кофийца был не настолько точен и вымерен, как предыдущие. С удивлением он обнаружил, что в глазах юноши застыли слезы. Еще несколько мгновений, и, быть может, удастся обезоружить Амиро...

Громоподобные звуки донеслись от бассейна, заставив всех присутствующих вздрогнуть, а обоих бойцов — прервать поединок. Огромные пузыри вздувались и лопались на черном зеркале, оглашая божественное повеление:

— Сражайтесь и убивайте! Могучие правители, не забывайте: победителя ждет награда — власть! Власть над всем миром!

Над поверхностью бассейна появилась черная многорукая фигура, сжимающая в костлявой ладони одной из конечностей меч, которым она ударила о появившийся в другой многосуставной конструкции щит. В месте соприкосновения древнего клинка и щита в воздухе блеснули сверкающие, словно россыпь самоцветов, искры.

Затем над площадью прокатился громкий отчаянный стон. Оба бойца непроизвольно поглядели в сторону, откуда он доносился.

Голос принадлежал пришедшей в себя Ватессе, которая, увидев чудовище в бассейне, сделала несколько шагов вперед и, полубезумная, крикнула:

— Это он! Он! Тот, кто убил мою госпожу! Это он пришел к ней в ту ночь, оставив затем в комнате вот этот самый плащ. — Ватесса показала рукой на свое странное, не по размеру длинное одеяние. — Я лежала без движения, но кошмарное зрелище пробудило меня, вернуло мне способность двигаться. Смерть принцессы Ясмели погнала меня в путь через полмира...

Не договорив, служанка замертво рухнула на гранитные плиты площади. Зенобия, склонившись над ней, подняла глаза и сквозь слезы выкрикнула:

— Это правда, Конан! В первый же вечер, придя ко мне, она рассказала о страшном, дьявольском создании, пришедшем в башню к Ясмеле. Пытаясь убежать от чудовища, принцесса выбросилась из окна. — Еще раз посмотрев на обоих воинов, сжимающих в руках мечи, Зенобия воскликнула: — Ни Конан, ни Амиро не убивали Ясмели! Это сделало то чудовище, то исчадие ада, что находится сейчас в этом бассейне!

— Вранье! Все это — чистое вранье! — неожиданно заверещал Делвин. Размахивая ручками, карлик запрыгал перед Зенобией: — Нет, Ваше Величество, я не подвергаю сомнению вашу искренность. Прошу меня простить, если я неправильно выразился. Я и предположить не могу, что вы вдруг решили бы ввести в заблуждение вашего супруга, но ложь коренится в повторяемых вами словах умершей служанки! Ну никак не стал бы Ктанtos убивать Ясмели! Я, конечно, не знаю, кто это сделал, но уж точно не он! Он — добный бог, благородный бог, который не станет опускаться так низко. Нет, обвинять его — это богохульство...

Шут, пытающийся что-то доказать всерьез, в своем уродстве был бы еще более смешон, чем обычно, но в такой отчаянно напряженной ситуации никто даже не обратил внимания на комизм его попыток

оправдать божество.

Неожиданно в разговор вступила молчавшая до этого Амлуния.

— Да какая, в конце концов, разница?! — воскликнула она и, выхватив из-за пояса кинжал, потрясла им над головой. — Из-за чего идет поединок, забыли? Тут решается судьба мира, а не оспаривается честь какой-то служанки, к тому же — мертвой! Вперед же, воины, вперед! Я лично готова даровать проигравшему последнюю милость — освобождение от мучений и боли. А затем я хочу полностью отдать себя победителю!

— Да, сражайтесь! — пронесся над площадью булькающий голос Ктантоса. — Сражайтесь во имя меня, бросьте в священный бассейн тело проигравшего! И заканчивайте быстрее, если не хотите испытать мой божественный гнев!

Вновь встретились взгляды Конана и Амиро, но на этот раз не слепая ненависть наполняла их, а новое, еще не совсем оформленвшееся взаимопонимание. Первым решился подвергнуть это чувство испытанию киммериец. Одним коротким и четким движением он убрал свой меч в ножны. Несколько мгновений спустя Амиро последовал его примеру. В следующий миг отец и сын, обменявшиеся понимающими взглядами, кивнули друг другу и бросились к ближайшей от них пылающей жаровне из тех, что освещали двойным кольцом колоннаду и площадь вокруг бассейна.

Плотные боевые перчатки хорошо защищали их руки от жара. Два сильных воина легко оторвали массивную бронзовую подставку от пола и, подбежав к бортику бассейна, швырнули ее в черную жидкость.

Пылающие угли и раскаленная жаровня с шипением погрузились в вязкую черноту, из которой донесся голос, выражавший не боль или страх, но ярость:

— Итак, вы объединились против меня! Жалкие смертные царьки! Вы даже не представляете, какие кары обрушатся на вас! Вы еще не знаете, каков в гневе истинный лик всемогущего бога!

Голос становился все более внятным и четким, словно приближался от дна к поверхности бассейна. Аквилонские офицеры и придворные застыли на месте, а Конан с Амиро уже метнулись к изуродованной огненным копьем колонне, о чем-то договариваясь на бегу.

Упервшись плечом в гранитный монолит, киммериец надавил на него всем телом. Амиро же, выхватив меч, вставил его в пробитое молнией отверстие и, действуя им как рычагом, тоже стал раскачивать колонку. Посыпались мелкие осколки гранита, послышался скрежет доспехов Конана и клинка Амиро о каменную глыбу.

А над поверхностью бассейна в это время появилась огромная голова, черная, как окружающая ее жидкость, но с мерцающими зеленоватым мертвенным светом прожилками, похожими на вздувшиеся вены.

Вокруг головы зашевелились щупальца — больше дюжины — с подобиями человеческих ладоней на концах.

Огромные руки то сжимались в кулаки, то растопыривали крючковатые, многосуставные пальцы.

Шесть сверкающих, как рубины, глаз зажглись по окружности огромной головы. А в середине того, что можно было бы назвать лицом или звериной мордой, открылась зияющая пасть с несколькими рядами треугольных зубов. Пульсация кошмарных челюстей придавала чудовищу еще более кровожадный вид.

Никто не знал, весь ли бог Ктантос показался на поверхности своего священного бассейна, или же большая часть чудовищного облика еще не предстала перед глазами людей, но и того, что появилось, было достаточно, чтобы до оцепенения напугать большинство присутствующих. Даже бесстрашные Черные Драконы на несколько мгновений в ужасе застыли на месте и лишь затем, опомнившись, бросились на помощь своему королю.

Но даже подбежавший первым Просперо опоздал — Конан и Амиро сумели-таки расшатать колонну, разъять ее на два куска, верхний из которых стал клониться в сторону бассейна, оттуда неслось не приглушенные более толщей черной жижи крики:

— Еретики! Малодушные и слабоверные еретики! Познайте же судьбу тех, кто восстает против своего бога...

Чудовищное щупальце потянулось к одному из солдат, но тут огромный кусок полированного гранита обрушился в бассейн, подняв завесу черных брызг и пузырей.

Верхняя часть колонны упала на бортик бассейна. Послышался хруст разбивающегося камня. Перевернувшись в воздухе, колонна рухнула в центр круглой чаши, потащив на дно оказавшуюся под ней омерзительную голову Ктантоса.

Еще не успел стихнуть гул земли под ногами, но уже стало ясно, что на поверхности бассейна ничего нет. Солдаты при виде этого радостно закричали, а Конан с Амиро как-то неловко обнялись, звякнув друг о друга доспехами. Но в следующее мгновение их взгляды вновь обратились к бассейну. Черная жидкость с бульканьем и хлюпаньем устремилась через трещину в бортике, образовавшуюся в результате падения колонны, наружу, в узкие канавки, оставленные между плитами площади.

Ее уровень понижался на глазах, все большее обнажалось чашевидное дно, покрытое толстым слоем синеватой слизи, но ни самого чудовищного Ктантоса, ни его игрушек — костей, черепов и оружия — видно пока не было.

— Идиоты, неужели вы действительно упустили такой шанс?!

Этот крик испустила Амлуния, которая, заломив руки, побежала к бассейну и остановилась, вспрыгнув на бортик.

— Да ведь с помощью Ктантоса мы завладели бы всем миром! На вас обоих хватило бы власти, досталось бы и мне... А теперь... Если вы убили его...

— Если они и убили его, потаскуха, то сделали доброе дело, — почти взвыла Зенобия, только сейчас оторвавшаяся от тела мертвой Ватессы. Подбежав к Амлунии, королева крикнула: — Если ты так любишь своего булькающего душегуба, то отправляйся же к нему, шлюха!

Прежде чем Амлуния успела выхватить кинжал, Зенобия всем телом толкнула ее. Рыжеволосая девушка не удержалась и упала на скользкое дно. Пытаясь выбраться, она отчаянно хваталась за покрытый слизью гранит — но все без толку. Перемазавшаяся с ног до головы Амлуния сползла по колени в черную жижу, которая вдруг подхватила ее и повлекла, крутя по спирали, к центру бассейна.

Страшный крик боли, раскаяния и отчаяния донесся из бассейна. Вскоре Амлуния исчезла под черной жидкостью, и крик превратился в приглушенный стон. Затем смолк и он.

Все произошло так быстро, что никто из присутствующих не успел толком отреагировать на случившееся. Придя в себя, все посмотрели на Конана. Тот поежился:

— Кром! Страшная смерть. Даже врагу и предателю не пожелаю такой! — Оттащив Зенобию подальше от края бассейна, киммериец почесал в затылке: — Не значит ли это, что мы не убили Ктантоса?

В ответ ему из почти опустевшего бассейна донеслось:

— Убить истинного бога? Жалкая кучка смертных! Разозлить, разгневать, возмутить — это да. Отодвинуть мое пришествие и триумф — пожалуй... Но убить — нет! Никогда! — Голос явно слабел с каждой секундой, но добровольно смолкать не собирался: — Жизнь той, которую вы называли Амлунией, потрачена не напрасно. Я собираюсь отдохнуть, но теперь мое одиночество будет скрашено ее присутствием. Давненько мне не доставалось свеженькой, теплой человеческой души. Смертные, я принимаю вашу жертву. Теплая душа и мягкое тело — тысячу-другую лет я, пожалуй, скроютаю, не соскучившись. Иди же ко мне, моя малышка...

Из бассейна вновь донеслись уже стихшие было стоны. Затем совсем ослабевший голос Ктантоса, словно задыхаясь, с паузами, прохрипел:

— Мой посланник в мир смертных... мой Верховный Жрец подвел меня... Разумеется он лишается моего покровительства; действие заклинания прекращено... Ему придется самому отвечать за все, вернувшись в свое истинное обличье... Мои проклятия ему и всем смертным... Трепещите и живите в страхе, ожидая моего возвращения...

С этими последними угрозами голос Ктантоса сошел на нет. Куда-то исчезла из бассейна вся черная жижа, обнажив чашу дна, в которой не осталось ни следа ни от чудовищной головы с шестью глазами, ни от упавшей туда всего несколько минут назад Амлунии.

Конан, крепко держа Зенобию одной рукой, пожал плечами:

— Какой Верховный Жрец? Какое еще истинное обличье? — Вдруг, хлопнув себя ладонью по лбу, король обернулся и крикнул: — Эй, Делвин! Чертов клоун, где ты? Эй, карлик, куда ты смылся?

Один из Черных Драконов указал рукой по направлению к привязанным неподалеку лошадям. Пытавшийся добежать до них Делвин упал на полдороге к своему пони.

С карликом что-то происходило, какие-то мучительные изменения происходили в его маленьком теле. Впрочем, не таком уж маленьком, заметил подбежавший к нему Конан, увидев, что карлик на глазах увеличивается в размерах. Судя по всему, добеги он до лошадей сейчас — и пони ему уже был бы маловат по росту.

На время быстрый рост Делвина был замедлен крепко сжимавшими его тело доспехами. Но вскоре лопнули кожаные ремни, отлетел в сторону разорванный вздувшимся черепом шлем, порвались по швам маленькие сапожки... Через несколько минут перед изумленными наблюдателями оказался почти голый, если не считать узкой полоски ткани вокруг бедер, великан — в половину выше Конана ростом. Лицо гиганта было искажено злобой, в могучих руках чувствовалась сила, способная лишить жизни не одного человека.

— Это что за чертовщина? — требовательно спросил великана Конан. — Это как понимать: я водил дружбу с человеком, до неузнаваемости изменившим свой облик, да еще и поклоняющимся дьяволу из вонючего бассейна, пожирателю людей...

— О какой дружбе может идти речь, король? — громоподобным голосом перебил Конана Делвин. — Ты взял меня в качестве трофея у старины Балта, нашел на поле боя — помнишь? Ты был моим хозяином, я — слугой, посмешищем, рабом... Но все еще может поменяться.

— Рабом ты был всегда, — ответил ему Конан. — Рабом ты навсегда и останешься, как, впрочем, и посмешищем... Но как, Эрлик тебя подери, тебе удалось так упаковаться?

— Большой тайны в этом нет, — пророкотал басом Делвин. — Я был великанином, сильным, как десять обыкновенных людей, за что они ненавидели меня и боялись. Я вел жизнь одинокого отшельника, ибо где бы я ни искал общества других смертных, меня всюду называли чудовищем и объединялись целой толпой, чтобы убить меня.

Похожий на каменное изваяние, могучий, как скала, Делвин продолжил свой рассказ:

— Однажды я ворвался в библиотеку при одном из храмов, вышвырнув оттуда жрецов-хранителей. Долгие годы я провел, изучая древние фолианты и вскрывая опечатанные магическими печатями свитки. Я искал заклинание, которое помогло бы мне стать меньше ростом. Однажды я вызвал демона по имени Ктантос; он обещал мне помочь в моем деле. Как видишь, король, я был не дурак! — Делвин как-то дико ухмыльнулся. — Помня, каким проклятьем был для меня великанский рост, я потребовал у Ктантоса сделать меня меньше, чем нормальные люди. Ибо я знал, что так мне будет легче втиратся в доверие к глупым и тщеславным людям, легче манипулировать ими. Смертные имеют слабость к тем, кто явно уступает им в силе, кто безопасен, над чьим уродством можно безнаказанно издеваться. Пользуясь своим опытом, своим умом и помощью Ктантоса, я очень быстро стал советчиком правителей, направляя их поступки на достижение нужных мне целей. — Делвин покачал огромной головой и расхохотался: — Когда-нибудь я сам стану королем. Королем всего мира! Король Делвин Великий, повелитель мира!

— Врешь, скотина! — грозно крикнул Конан. — Я никогда не издевался над тобой, не потешался над твоим ростом! Почему ты выбрал меня для своего дьявольского плана?

Казалось, что великан лопнет от смеха:

— Я решил поставить на тебя, потому что ты был... богат, любим и... и глуп! Представь себе короля, который так не любит самого себя, что подозревает всех вокруг в ненависти к себе... Короля, повелителя великой страны, который хочет быть в десять раз более великим, а достигнув этого, начинает хотеть еще большего, опасаясь что кто-то упрекнет его в слабости или малодушии... Нет, Конан, из всех королей Хайбории ты как никто другой подходил мне. Взять твое отродье — Амиро: с ним бы мне пришлось изрядно повозиться, подбивая его на то, что мне нужно. А ты — ты принес бы мне мир на блюдечке... если бы еще не твои верные друзья и

подданные. Чем ты их так пленил, почему они так слепо верны тебе — я не знаю, но досаждали они мне изрядно.

Конан сурово спросил:

— Значит, это ты подоспал своего демона, чтобы тот убил Ясмелу? Это ты соблазнил меня Амлунией и настроил против Амиро?

— Само собой — я, кто же еще?! — Великан распирало от удовольствия. — И бояться мне было нечего, ибо я знал, что когда придет время, когда власть над миром будет в твоих руках, известие о том, что в борьбе за нее ты убил собственного сына, уничтожит тебя, превратит в брезвильную тряпку, старую развалину...

— Дьявол! Негодяй! — разъярился Конан. — Знай же, что доводилось мне расправляться с чудовищами и пострашнее тебя. Я не боюсь встретиться с тобой в поединке лицом к лицу, один на один!

— Ну что ж, неплохо, — оскалился Делвин. — Иди же сюда, маленький человечек. Я вскрою тебя, как устрицу, твоя печень пойдет мне на закуску. — Делвин сделал шаг вперед, не обращая внимания на окружающих его солдат: — А затем я заберу себе в качестве комнатной собачки твою жену и поведу твою армию дальше через горы — завоевывать мир.

Конан, кипя от гнева, уже занес меч, но вдруг остановился. Оглядел готовых броситься ему на помощь стражников, Просперо, Амиро, даже Публио, сжимающего в руке кинжал, он опустил оружие и сказал:

— Предатель или нет, но ты был моим другом. Я не хочу убивать тебя! Но, видит Митра, такое исчадие ада нельзя оставлять в живых.

Делвин взывал, глядя в небо:

— Видит Митра — я и сам не хочу жить!

Он нагнулся, чтобы поднять с земли здоровенный камень. В кого великан хотел швырнуть свое последнее оружие, осталось неизвестным. По знаку Конана стражники бросились на Делвина со всех сторон с копьями наперевес.

Через несколько мгновений все было кончено. В несколько переломов и сильных ушибов у солдат обошлась аквилонской армии смерть королевского шута.

Глава XX

ТУПИК

Когда чуть стихло волнение после происшедшего, Конан приказал своим солдатам вырыть могилу для огромного трупа Делвина и насыпать над ней каменную пирамиду. Сам же король и принц Амиро остались вдвоем на нейтральной территории разрушенного древнего храма. В обе армии, все еще находившиеся в ожидании скорой битвы, было передано, что командиры ведут переговоры необычайной важности. Группа кофийских офицеров и личная стража принца присоединились к аквилонцам, охранявшим территорию храма. Королева Зенобия приказала привести к развалинам остававшегося в аквилонском лагере маленького Конна.

Расправившись с общим ненавистным врагом, Конан и Амиро снова вспомнили взаимные обиды. Не меньшую важность для каждого из них имели и государственные дела, интересы своих империй. Обоих правителей окружили советники и генералы, разведя отца и сына подальше. Так они и стояли — разделенные пространством и людьми, недоверчиво глядя друг на друга.

Публио выдвинул предложение, в котором видел редкий по удаче дипломатический ход, сулящий величайшие выгоды стране.

— Ваше Величество, — говорил канцлер, — вы сейчас же можете установить династию, возглавить ее. Да что там, это фактически уже сделано! Публично признав Амиро своим сыном, вы можете требовать себе верховной королевской власти над обеими империями — Аквилонией и Кофом! А затем уже вы имеете право разделить обширное королевство между двумя вашими отпрысками, оставив за собой верховное правление, если будет на то ваша монаршая воля. Посудите сами: и Амиро окажется цел — я имею в виду фактическое сохранение им своей власти, — и вы продвинетесь к своей цели — покорению мира без лишней крови и ненужных войн. К тому же останутся не ослабленными и готовыми к противостоянию с другими королевствами армии обеих империй.

Глядя на беседующего со своими советниками кофийского принца, Конан покачал головой и вздохнул:

— Нет, Публио. Я не могу рисковать Конном, делая его невольным соперником Амиро, у которого будет немалое преимущество в возрасте,

опыте дворцовых интриг и... в умении наносить предательские удары в спину. — Взглянув на Зенобию и отметив ее облегченный вздох, киммериец продолжил: — Да и как вы себе представляете, любезный канцлер, пылающего ко мне сыновней любовью Амиро, готового уступить мне формальную власть над его империей?

В голосе Конана слышалось скорее уважение к сыну, чем неудовольствие по поводу того, как сложно иметь с ним дело. Усмехнувшись, король положил руку на плечо канцлера:

— Нет, Публио, в таком странном союзе, боюсь, что верховная власть перешла бы не к одному из монархов, а к вам и вашей дипломатической братии. Вы так и будете держать нас на крючке, все время балансируя на грани гражданской войны.

— Каков же в таком случае ваш план, Повелитель? — По голосу старого придворного было не понять, обиделся ли он или принял шутку короля как должное. — Вы собираетесь выйти из войны? Признаете существующие границы?

— Я полагаюсь на создание союза, основанного на взаимном уважении. Моего — к сыну, и его — ко мне, — уверенно ответил Конан. — Ну, и, разумеется, на надежную оборону. Как гласит пословица: за хорошим набором — хороший сосед. — Наклонившись к Публио, Конан сказал ему, понизив голос: — Скорее всего, друг мой, наши границы будут вновь проведены по старым линиям. Немедия и Офир станут буфером, удерживающим горячего юнца на достаточном расстоянии от наших земель. — Король нахмурился и добавил: — Это большая цена. Но таков уж мой сын. Нам придется пойти на все это, если мы хотим от него того же самого.

Просперо, стоявший все это время рядом, удивленно улыбнулся и спросил:

— Не значит ли это, Конан, что ты рас прощался со своей мечтой о мировом господстве?

В ответ Конан рассмеялся:

— На свете есть только одно препятствие, которое может помешать мне добиться своего. И Кому было угодно, чтобы именно оно встало на моем пути. Именно то, через что я переступить не могу.

Публио с сомнением покачал головой:

— Ваше Величество, неужели удовольствоваться весьма, скажем так, скромными победами совпадает с образом того, кто стремится стать богом при жизни?

— Богом?! — отшатнулся Конан. — Ну уж нет! Никаких богов, хватит!

Насмотрелся я на таких, кто пытался причислить себя к святым, а уж если начать вспоминать о Ктантосе — нет уж, увольте. Видел я и настоящего бога, но мне до него — как до неба. — Махнув рукой в сторону Амиро, Конан усмехнулся: — И потом, если признавать меня божеством, значит, и этот принц получается по крайней мере полубогом... А вот уж в нем я ничего божественного не вижу.

Отвернувшись от Публио и Просперо, Конан подошел к Зенобии и крепко поцеловал ее. Затем, подняв на руки Конна, он сказал:

— Я хотел завоевать для тебя весь мир, сынок. Но, пожалуй, тебе стоит согласиться на ту его часть, которая действительно тебе нужна.

Поставив сына на землю, король потрепал его по голове, улыбнулся королеве и, развернувшись, зашагал по гранитным плитам навстречу Амиро. Вслед ему раздался громогласный клич аквилонских солдат:

— Слава тебе, великий Конан!